

ЭЛИНОР ПОРТЕР

ПОЛИАНА

ЮНОСТЬ ПОЛИАНЫ

ДЕЛЛА РАССУЖДАЕТ САМА С СОБОЙ

Делла Уэзербай уверенно подошла к дому своей сестры, расположенному на Коммонуэлс-стрит, и энергично нажала на кнопку электрического звонка. От самого донышка её шляпки без полей до туфель на низком каблучке — всё в ней дышало здоровьем, энергией и решительностью. Даже её голос, когда она, открыв дверь, приветствовала служанку, звучал жизнерадостно.

— Доброе утро, Мэри. Моя сестра дома?

— Д-да, м-мэм, миссис Кэрю у себя, — нерешительно произнесла девушка. — Но она приказала никого не впускать.

— В самом деле? Да я никто и есть, — улыбнулась мисс Уэзербай, — поэтому мне можно. Не беспокойся, я всё приму на себя, — кивнула она в ответ, прочтя в глазах горничной мольбу и ужас. — Где она? В своей гостиной?

— Д-да, м-мэм, но она сказала... — однако мисс Уэзербай уже была на середине широкой лестницы, и служанка ушла, проводив её отчаянным взглядом.

В коридоре, ничуть не смутившись, Делла Уэзербай подошла к полуоткрытой двери и постучала.

— Мэри, — ответил недовольный голос, — я же сказала... А, Делла! — голос неожиданно потеплел, в нём зазвучали любовь и удивление. — Это ты, милочка! Откуда ты явилась?

— Да, это Делла! — радостно улыбнулась гостья, пересекая комнату. — Мы были в воскресенье у моря с двумя сёстрами, а теперь держим путь в санаторий. Сейчас я здесь, но ненадолго. Я забежала, чтобы... — и она закончила фразу, наградив обладательницу недовольного голоса сердечным поцелуем.

Миссис Кэрю подалась вперёд и тут же отстранилась. Радость, мелькнувшая было на её лице, исчезла, сменившись раздражительностью, которая заняла своё привычное место.

— Ну конечно! — сказала она. — Я могла бы сразу понять. Ты никогда здесь не задерживаешься.

— Здесь! — Делла весело рассмеялась и подняла руки вверх, но вдруг её голос и манера резко изменились. Она посмотрела на сестру печальными ласковыми глазами. — Руфь, я не могу! Я просто не могу жить в этом доме. Ты же знаешь, — мягко закончила она.

Миссис Кэрю нервно передёрнулась:

— Никак не пойму, в чём дело?

Делла тряхнула головой:

— Всё ты понимаешь, дорогая. Ты же знаешь, что я не выношу всего этого — уныния,

пустоты, постоянных страданий.

— Мне в самом деле очень плохо. Я совсем одна.

— Ты не должна быть такой.

— Почему? Что мне ещё остаётся делать?

Делла бросила на неё нетерпеливый взгляд.

— Руфь, послушай, — решительно начала она, — тебе тридцать три года. Ты здорова, по крайней мере — будешь здорова, если станешь правильно к себе относиться. У тебя уйма времени и предостаточно денег. Любой скажет, что ты должна найти какое-нибудь занятие, чем сидеть и хандрить в этой гробнице, отдавая лишь инструкции служанке, что ты никого не хочешь видеть.

— Я действительно не хочу никого видеть.

— А ты захоти.

Миссис Кэрю устало вздохнула и отвернулась.

— Ах, Делла, почему ты не хочешь меня понять? Ведь я не такая, как ты. Я не могу забыть.

Лёгкая тень набежала на лицо сестры.

— Я думаю, ты имеешь в виду Джеми? Нет, дорогая, я его не забыла, и не могла забыть. Но уныние не поможет нам его найти.

— Значит, я не пыталась искать его все эти восемь лет, а только хандрила! — вспыхнула миссис Кэрю с рыданием в голосе.

— Конечно, пыталась, — быстро успокоила её сестра. — И надо искать дальше, пока мы не найдём его или не умрём. Но смертью ведь не поможешь!

— А я больше ничего не хочу делать, — тоскливо пробормотала Руфь Кэрю.

Наступило минутное молчание. Делла пристально смотрела на сестру тревожным, неодобрительным взглядом.

— Руфь, — наконец сказала она с лёгкой досадой в голосе, — прости меня, но ты всегда собираешься быть вот такой? Ты вдова, я понимаю, но твой брак длился всего один год, а твой муж был намного старше тебя. Ты была ведь ещё почти ребёнком, и этот короткий год вспоминается теперь, как сон. Не должно же это отравлять всю твою жизнь!

— Не надо! — простионала миссис Кэрю.

— Ты и в самом деле собираешься так жить?

— Да-а, конечно, если не найду Джеми.

— Да, да, я знаю, но Руфь, дорогая, неужели в мире, кроме Джеми, никто не может тебя осчастливить?

— По всей вероятности, нет, — безразлично вздохнула миссис Кэрю.

— Руфь! — вскричала сестра, как будто ужаленная злостью, и неожиданно рассмеялась. — Ой, Руфь!.. Я бы с удовольствием дала тебе целую дозу Поллианны. Кто-кто, а уж ты в этом

нуждаешься!

Миссис Кэрю слегка передёрнуло.

— Не знаю, что такое поллианна, — резко сказала она, — но принимать её не буду. Это не твой санаторий, и я не твоя пациентка, так и запомни.

В глазах у Деллы прыгали огоньки, но губы её не улыбались.

— Поллианна не микстура, — степенно возразила она, — хотя я слышала, как некоторые называют её тонизирующим средством. Это просто девочка.

— Откуда же мне знать? — воскликнула [миссис Кэрю]. — У тебя есть белладонна, почему не быть и поллианне? Да и кроме того, ты всегда мне рекомендуешь что-нибудь новое, и ты определённо сказала «дозу», как про лекарство.

— А Поллианна как раз и есть лекарство, — улыбнулась Делла. — Во всяком случае, доктора в санатории признали, что она — самое лучшее лекарство, какое они могут прописать. Она просто девочка, Руфь, ей двенадцать или тринадцать лет. В санатории она пробыла прошлое лето и почти всю зиму. Мы были там вместе месяца два — вскоре после того, как я пришла, она уехала домой. Но этого было вполне достаточно, я её полюбила. Да и кроме меня весь санаторий говорит о ней и играет в её игру.

— В игру?

— Да, — кивнула Делла с лукавой улыбкой. — Она играет в радость. Я никогда не забуду наше первое знакомство. Одна из её процедур была очень неприятной и болезненной. Случилось так, что эту процедуру должна была выполнять я. Правду сказать, я боялась, потому что по опыту с детьми знала, чего ожидать — раздражения, слёз или чего-нибудь похуже. К моему безмерному удивлению, она улыбнулась мне и сказала, что рада меня видеть. И хочешь верь, хочешь — не верь, она ни разу не пожаловалась. Она переносила безропотно все упражнения, хотя я знаю, что ей было ужасно больно.

Возможно, я как-то выразила удивление, и она серьёзно ответила: «Да, да, я так же себя вела и очень боялась, пока не подумала, что это похоже на генеральную уборку Нэнси и что в этот день я должна особенно радоваться, потому что следующий вторник наступит только через неделю».

— Да-а, довольно необычно! — нахмурилась миссис Кэрю, не вполне понимая. — Но я не вижу здесь никакой игры.

— Я тоже сразу ничего не заметила, а потом она мне рассказала. Она, по всей вероятности, росла без матери, а отец её был бедным пастором где-то на Западе. Воспитывала её «Женская помощь» на миссионерские пожертвования. Когда она была ещё маленькой, ей хотелось куклу, и она уверенно ожидала, что в следующий раз её подарят. Но получилось так, что ей, кроме маленьких костылей, ничего не досталось. Бедняжка расплакалась, и вот тогда-то отец и научил её играть в игру: искать в любом происшествии, чему можно порадоваться. Он сказал, что она может прямо сейчас обрадоваться, что ей не нужны костыли. Так и началось. Поллианна говорила, что это замечательная игра. Чем труднее отыскать, чему бы порадоваться, тем интереснее. Иногда, она признавалась, найти очень трудно.

— Да-а, необычно! — опять протянула миссис Кэрю, всё ещё не постигая сути.

— Ты бы сама убедилась, если б только посмотрела, что вышло из этой игры в санатории, — покачала головой Делла. — Доктор Эймс слышал, что она перевернула весь город, из

которого приехала. Он хорошо знает доктора Чилтона, который женился на её тёте. Между прочим, по-моему, брак без неё не обошёлся. Она помирила старых влюблённых.

Видишь ли, года два назад, или чуть больше, отец Поллианны умер, и девочку прислали на Восток к единственной тёте. В октябре она попала под автомобиль, и ей сказали, что она никогда не будет ходить. В апреле доктор Чилтон послал её в санаторий, где она пробыла до марта, почти целый год. Домой она вернулась практически здоровой. Нет, это надо было видеть! Только одно её огорчало — что она не может всю дорогу идти пешком. Когда она подъезжала к своей станции, весь город вышел её встречать с духовым оркестром и со знамёнами. Но о Поллианне не расскажешь, её надо видеть. Потому-то я и сказала, что тебе нужна доза Поллианны. Это перевернуло бы весь твой мир.

Миссис Кэрю слегка приподняла голову.

— Должна сказать, что я не согласна, — холодно заметила она. — Меня не нужно «переворачивать». У меня нет любовной ссоры, а если уж чего-нибудь я не вынесу, так это маленькой ханжи с постным лицом, читающей мне проповедь о том, за что я должна быть благодарна. Нет, этого я ни за что не перенесу...

Весёлый звонкий смех прервал её.

— Ой, Руфь, Руфь! — захлёбываясь, воскликнула её сестра. — Это Поллианна — ханжа? Ой, если бы ты её увидела! Ну конечно, я должна была помнить! Ведь я же сама говорила, что о Поллианне невозможно рассказать! Ханжа! О, Господи!!! — Делла опять разразилась смехом, но остановилась и тревожно посмотрела на сестру. — Серьёзно, дружок, неужели ничего нельзя сделать? Ты не должна губить свою жизнь во цвете лет. Может, ты попробуешь выйти и встретиться с людьми?

— Для чего мне это, когда я не хочу? Я устала от людей. Ты знаешь, что общество всегда утомляло меня.

— Тогда почему бы не попробовать какую-нибудь работу, благотворительность?

Миссис Кэрю нетерпеливо махнула рукой.

— Делла, дорогая, мы и раньше обо всём этом говорили. Я даю деньги для бедных, много даю, этого достаточно. Не уверена, но мне кажется, что даже слишком много. Я не верю в нищету.

— Если бы ты дала хоть немножко самой себе... — несмело начала Делла. — Если бы ты только заинтересовалась чем-нибудь, помимо своей собственной жизни, тебе стало бы намного легче, и...

— Прекрати, — беспокойно прервала её старшая сестра, — я люблю тебя и люблю, когда ты приезжаешь, но я не переношу, когда мне читают нотации. Тебе удалось обратиться в ангела-хранителя и подавать чашку холодной воды или перевязывать разбитую голову. Вероятно, ты сможешь так забыть Джеми, но я не смогу. Я только буду думать, найдётся ли кто-нибудь, чтобы напоить его и перевязать. Кроме того, мне неприятно с такими людьми.

— А ты пробовала?

— Ну что ты! Конечно, нет! — голос миссис Кэрю звучал надменно и презрительно.

— Как же ты можешь знать? — спросила гостя, устало поднимаясь на ноги. — Ну, мне пора идти, дорогая. Я должна встретиться с девочками у Южной станции. Наш поезд отправляется в двенадцать тридцать. Прости, если обидела, — закончила она, целуя на прощание сестру.

— Я не обижаюсь на тебя, Делла, — вздохнула миссис Кэрю, — но если бы ты только могла понять!

Минуту спустя Делла Уэзербай вышла по унылому коридору на улицу. Её лицо, шаги и манера были совершенно непохожи на те, с какими она меньше чем полчаса назад взбегала по лестнице. Вся живость, энергия и радость, казалось бы, бесследно исчезли. С полквартиры она едва передвигала ноги, потом неожиданно вскинула голову и сделала глубокий вздох.

«Неделя в этом доме убила бы меня, — содрогнулась она. — Я не верю, что даже сама Поллианна смогла бы там что-либо изменить! И радоваться она могла бы одному — что не должна оставаться навсегда».

Хотя Делла и сомневалась, что Поллианна внесла бы изменения в жизнь миссис Кэрю, однако не успела она добраться до санатория, как на следующий же день помчалась обратно в Бостон, находящийся от неё в пятидесяти милях.

В доме всё было точно так же. Создавалось впечатление, что миссис Кэрю за эти сутки не сдвинулась с места.

— Руфь! — воскликнула она без предисловий, не отвечая на удивлённые приветствия сестры. — Я приехала, и ты должна, хоть разочек, уступить мне! Слушай! Ты можешь заполучить Поллианну, если, конечно, захочешь!

— Не хочу, — холодно и резко парировала миссис Кэрю.

Делла как будто и не слышала.

— Вчера, когда я вернулась обратно, я узнала, что доктор Эймс получил письмо от доктора Чилтона, того самого, который женат на её тёте, я тебе говорила. Из письма ясно, что он собирается на зиму уехать в Германию и жену хочет взять с собой, если сможет убедить её, что с Поллианной ничего за это время не случится. Он хотел на время определить её в интернат, но миссис Чилтон не согласна, поэтому он боится, что она с ним не поедет. Представляешь, Руфь, такая возможность! Я хочу, чтобы ты взяла Поллианну на эту зиму и устроила её здесь поблизости в школу.

— Что за нелепая идея! Мне только ребёнка не хватало!

— Она не будет тебя беспокоить. Ей уже почти тринадцать, и она очень способная.

— Не люблю способных детей, — упрямо возразила миссис Кэрю, но вдруг засмеялась, и оттого, что она засмеялась, младшая сестра с удвоенной энергией стала её уговаривать.

Новизна или неожиданность этой просьбы, а может — история Поллианны каким-то образом коснулись сердца миссис Кэрю, или она не хотела ссориться с сестрой, но, что бы там ни было, через полчаса Делла Уэзербай торопливо покинула её дом, унося с собой согласие на то, что Руфь примет Поллианну к себе на зиму.

— Только запомни, — предупредила её миссис Кэрю, — запомни, что в ту самую минуту, как эта девочка начнёт мне проповедовать, она немедленно отправится к тебе, и тогда делай с ней что хочешь. У меня она не останется.

— Запомню, но об этом я не беспокоюсь, — кивнула на прощание Делла, про себя же подумала: «Половина дела уже сделана. Вторая половина — заполучить Поллианну. Она обязательно должна приехать. Я напишу такое письмо, что они не смогут отказаться».

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

В Белдингсвилле, в один из августовских дней, миссис Чилтон дождалась, когда Поллианна ушла спать, и только тогда решилась поговорить с мужем о письме, которое пришло утром. Ей всё равно пришлось ждать, приёмная доктора была переполнена, а потом ему надо было навестить двух больных, которые жили на окраине, за холмом, и домой он вернулся очень поздно.

Было около десяти часов вечера, когда доктор наконец вошёл в гостиную. При взгляде на жену его усталое лицо озарилось улыбкой, но через мгновение в глазах появилась тревога.

— Полли, милая, что случилось? — встревоженно спросил он.

— Ничего особенного, просто письмо. Я не думала, что ты обо всём узнаешь по одному взгляду на меня.

— Тогда ты не должна выглядеть так, чтоб я мог догадаться, — улыбнулся он. — А что там написано?

Миссис Чилтон задумалась, потом молча взяла лежащее рядом с ней письмо.

— Я лучше прочту тебе, — сказала она. — Это от Деллы Уэзербай из санатория доктора Эймса.

— Хорошо, я весь внимание, — проговорил муж, опускаясь на диван, стоящий рядом со стулом жены, и вытягиваясь во всю длину.

Но жена не стала злоупотреблять его вниманием. Она встала и заботливо укрыла его пушистым пледом. Всего год назад они поженились; теперь ей было сорок два. Иногда казалось, что в этот короткий год она старалась вместить всю любовь и нежность, которые скопились за двадцать лет одиночества и тоски. Так же было и с сорокапятилетним доктором, в воспоминаниях которого тоже жили одиночество и тоска. Но ему оставалось только принимать это внимание. Конечно, он принимал его с радостью, хотя старался быть осторожным и не показывать этого слишком явно. Он сделал открытие, что миссис Полли слишком долго была мисс Полли и легко могла счесть себя навязчивой. Поэтому он только погладил ей руку, когда она лёгким прикосновением поправляла плед.

Наконец и она сама устроилась поудобнее, чтобы прочитать вслух письмо.

«Уважаемая миссис Чилтон, — писала Делла Уэзербай, — шесть раз я начинала писать Вам письмо и каждый раз рвала его. Так вот, в этот раз я решила не начинать совсем, а просто сказать Вам сразу, что мне нужно. Мне нужна Поллианна. Можно мне её получить?»

В прошлом марте я познакомилась с Вами и Вашим мужем, когда Вы приезжали за ней, но Вы, наверное, меня не запомнили. Я попросила доктора Эймса, который знает меня очень хорошо, написать Вашему мужу, чтобы Вы не боялись доверить нам Вашу маленькую племянницу.

Я узнала, что Вы с мужем собираетесь поехать в Германию, но Поллианну хотели бы оставить здесь, и вот, набралась дерзости написать Вам. Умоляю Вас, миссис Чилтон, отпустите её к нам! А теперь позвольте объяснить почему.

Моя сестра, миссис Кэрю — одинокая, несчастная женщина. Она живёт в мрачном мире, в

который не проникает солнечный свет. Если есть кто-нибудь, кто принёс бы ей лучик солнца, то это Ваша племянница. Не позволите ли Вы ей попробовать? Я бы хотела рассказать Вам, что она сделала здесь, в санатории, но не могу, это надо видеть. Уже давно я поняла, что о Поллианне невозможно рассказать. Когда попытаешься, получается какая-то нудная и назойливая менторша. Но мы с Вами знаем, что она совершенно не такая. Её надо увидеть, пусть уж она говорит за себя. Вот я и хочу дать ей возможность быть самой собой. Она будет ходить в школу, конечно, но в глубине души я надеюсь, что она исцелит израненное сердце моей сестры.

Не знаю, как закончить. Для меня это труднее, чем начать, я совсем не хочу заканчивать это письмо. Я хотела бы говорить и говорить из страха, что если я остановлюсь, то у Вас появится возможность сказать «нет». Если у Вас есть искушение сказать это ужасное слово, не могли бы Вы просто представить, что я всё ещё говорю, убеждая Вас, как мы нуждаемся в Поллианне? С мольбой и ожиданием, Ваша Делла Уэзербай».

— Ну вот! — воскликнула миссис Чилтон. — Читал ты когда-либо в жизни такое удивительное письмо? Слышал о более нелепой, дикой просьбе?

— Знаешь, я не совсем уверен, — улыбнулся доктор. — Я не думаю, что так уж нелепо хотеть, чтобы рядом была Поллианна.

— Но смотри, что она пишет! Исцелить раненое сердце! Можно подумать, что наша девочка — какое-нибудь лекарство!

Доктор засмеялся, а потом приподнял брови.

— А знаешь, ведь так оно и есть! Я всегда говорил — хорошо бы её прописать и купить, как пачку таблеток. Чарли Эймс рассказывал, что весь год, пока она была там, у них говорили: «Дать дозу Поллианны».

— Дозу! — возмутилась миссис Чилтон.

— Значит, ты не хочешь её пускать?

— Пускать? Конечно, нет! Зачем? Ты думаешь, я позволю ребёнку жить с совершенно незнакомыми людьми? Да ещё с какими! Почему я должна думать, что эта сиделка будет держать её в бутылке с ярычком и использовать до моего приезда из Германии?

Доктор опять запрокинул голову и сердечно рассмеялся, но только на мгновение. Его лицо совершенно изменилось, когда он сунул руку в карман, чтобы извлечь оттуда письмо.

— А я сегодня получил письмо от доктора Эймса, — сказал он, и в голосе его прозвучало что-то такое, что жена настороженно нахмурилась. — Я думаю, теперь я прочту тебе своё письмо.

«Дорогой Том,

Мисс Делла Уэзербай попросила меня, что-бы я написал ей и её сестре характеристику, что я с радостью выполняю. Я знаю их с детства. Они из старинной знатной семьи, и они благородные леди. По этому поводу вам не нужно беспокоиться.

Их было три сестры — Дорис, Руфь и Делла. Дорис вышла замуж за некоего Джона Кента против желания всей семьи. Кент хорошего рода, но какой-то странный, по-моему, он просто чужак, и с ним неприятно было иметь дело. Он страшно рассердился на Уэзербай, и между ними не было почти никакой связи, пока не появился ребёнок. Уэзербай обожали маленького Джеймса (они его называли просто Джейми). Когда ему исполнилось четыре года, мать его умерла, и семья приложила все старания, чтобы отец отдал ребёнка им. Неожиданно Кент

исчез и увёз мальчика с собой. С тех пор о нём никто не слышал, хотя его разыскивали по всему миру.

Потеря внука практически убила миссис и мистера Уэзербай, вскоре после этого они умерли. К тому времени Руфь уже овдовела. Фамилия её мужа была Кэрю. Он был очень богат и намного старше её. Кажется, он всего год прожил после свадьбы и оставил её с младенцем сыном, который тоже умер.

Со времени, как исчез маленький Джеми, у Руфи и Деллы осталась единственная цель в жизни — найти его. Они не жалеют денег, перевернули небо и землю, но всё тщетно. Делла стала сестрой милосердия. Она хороший работник и весёлая, исполнительная, разумная девушка, хотя не забывает своего племянника и не упускает ни одной возможности, которая помогла бы ей установить, где он.

Но с миссис Кэрю всё совершенно по-другому. После того, как она потеряла своего мальчика, всю свою неистраченную материнскую любовь она сосредоточила на сыне своей сестры. Ты можешь себе представить, что с ней было, когда он исчез. Это случилось восемь лет назад, и для неё эти годы стали годами страданий, горечи и мрака. Всё, что можно купить за деньги, доступно ей, но её ничего не удовлетворяет, ничего не интересует. Делла чувствует, что наступило время вывести её из этого состояния любой ценой, и верит, что маленькая племянница твоей жены обладает секретным ключом, чтобы отпереть для её сестры дверь в новую жизнь. Вот такая история. Я надеюсь, вы найдёте выход, как помочь её просьбе. Ещё я бы хотел добавить от себя, что буду очень благодарен вам за услугу, потому что Руфь Кэрю и её сестра — очень хорошие друзья моей жены и мои тоже. Всё, что касается их, касается и нас. Как всегда, твой Чарли».

Когда он кончил письмо, воцарилось молчание, такое долгое, что доктор тихонько произнёс:

— Ну что, Полли?

Она всё молчала. Доктор внимательно посмотрел ей в лицо и заметил, что обычно твёрдые губы и подбородок слегка дрожат. Он ждал, пока жена смогла заговорить.

— Как ты думаешь, когда они её ждут? — наконец спросила она.

Неожиданно для себя доктор Чилтон тихонько вздохнул.

— Ты хочешь сказать, что позволишь ей поехать? — спросил он.

Жена негодуя обернулась.

— Томас Чилтон, что за вопрос? Ты думаешь, после такого письма я её не пушу? Кроме того, доктор Эймс просит нас! Ты думаешь, после того, что он сделал для нашей Поллианны, я смогу ему в чём-нибудь отказать?

— А ты не можешь?

Жена только одарила его презрительным взглядом.

— Напиши доктору Эймсу, что мы отпустим Поллианну. И попроси его сказать мисс Уэзербай, чтобы она прислала нам подробный адрес, до десятого, ты ведь отплываешь в этих числах! А я хочу убедиться лично, что ребёнок благополучно устроился, прежде чем уеду.

— Когда ты думаешь сказать об этом Поллианне?

— Возможно, завтра.

— А что ты ей скажешь?

— Я точно не знаю, самое необходимое. Что бы там ни было, Томас, мы не хотим её испортить. Ни один ребёнок не устоит, если однажды вобьёт себе в голову, что он вроде... вроде...

— Микстуры в бутылочке, на которой прилеплен рецепт? — прервал её доктор, улыбаясь.

— Да, — вздохнула миссис Чилтон. — Что ни говори, она неотразима. Ты прекрасно знаешь, мой дорогой.

— Знаю, — кивнул муж.

— Она, конечно, понимает, что мы с тобой, да почти половина города, играем в её игру. С тех пор как она показала нам, что по Писанию можно жить, мы намного счастливее. — Голос миссис Чилтон немного дрогнул, но она продолжала: — Если бы она сознательно играла в эту игру, а не жила ею, то, разумеется, она была бы не нашей Поллианной, а, как выразилась эта девушка, нудной менторшей. В Слово Божие нельзя играть, по нему нужно жить, только тогда оно становится живым и изменяет сердца. Так говорил ей отец. Что бы я ей ни сказала, я не собираюсь объяснять, что она поедет к миссис Кэрю вместо микстуры, — закончила миссис Чилтон, решительно поднялась и отложила в сторону рукоделие.

— Я думаю, это очень разумно, — поддержал её доктор.

На следующий день Поллианна узнала о предстоящей поездке, и вот каким образом.

— Моя дорогая, — начала тётя, когда утром они остались одни, — как тебе понравится, если следующую зиму ты проведёшь в Бостоне?

— С вами?

— Нет, я решила поехать с твоим дядей в Германию. Но миссис Кэрю, хорошая приятельница доктора Эймса, предложила, чтобы ты приехала и остановилась у них на зиму. Я думаю, тебе лучше поехать.

Поллианна изменилась в лице.

— Тётя Полли! — воскликнула она. — В Бостоне не будет ни Джимми, ни мистера Пендлтона, ни миссис Сноу, никаких знакомых!

— Но ведь у тебя их и не было, когда ты приехала сюда.

Внезапная мысль озарила лицо Поллианны.

— Ну конечно же, тётя Полли! Значит, в Бостоне есть и Джимми, и мистер Пендлтон, и миссис Сноу? Они ждут меня, а я их ещё не знаю?

— Да, дорогая.

— Тогда я могу радоваться. Теперь я вижу, тётя Полли, что вы умеете играть в игру лучше, чем я. Я не думала, что кто-нибудь ждёт меня там. А их ведь так много! Я видела некоторых из них, когда мы были там два года назад с миссис Грей. Знаете, мы пробыли там целых два часа. На станции был один мужчина, очень внимательный и добрый. Он показал мне, где можно выпить воды. Вы думаете, он ещё там? Я бы с удовольствием с ним познакомилась. А ещё была очень хорошая женщина с маленькой девочкой. Они живут в Бостоне, так они мне сказали. Девочку зовут Сюзи Смит. Возможно, я и с ними встречу, да? А ещё там был мальчик и другая женщина с ребёнком, только они живут в Гонолулу; я, наверное, не смогу

их найти. Но там наверняка будет миссис Кэрю. А кто такая миссис Кэрю, тётя Полли? Она нам не родственница?

— Помилуй, Поллианна! — воскликнула миссис Чилтон, то ли смеясь, то ли ужасаясь. — Как можно уследить за твоим языком? А за твоими мыслями вообще невозможно угнаться, когда они мчатся в Гонолулу и обратно за две секунды! Нет, миссис Кэрю нам не родственница, она сестра Деллы Уэзербай. Ты помнишь мисс Уэзербай из санатория?

Поллианна захлопала в ладоши:

— Её сестра? Сестра мисс Уэзербай? Как хорошо! Миссис Уэзербай такая милочка! Я её любила. У неё лучики вокруг глаз и вокруг рта, когда она улыбается, и она знает замечательные истории. Мы с ней были только два месяца. Сперва я жалела, что она не была с самого начала, но потом я обрадовалась — тогда мне было бы труднее с ней расстаться. А теперь можно думать, что она опять со мной, потому что со мной будет её сестра. Миссис Чилтон глубоко вздохнула.

— Поллианна, дорогая, ты не должна ожидать, что они похожи.

— Почему? Они же сёстры, тётя Полли, — возразила девочка, широко раскрыв глаза. — Я думаю, сёстры всегда похожи. У нас в «Женской помощи» их было две пары. Одна пара — двойняшки, они так были похожи, что невозможно было сказать, которая из них миссис Пек, а которая миссис Джонс, пока на носу у миссис Джонс не выросла бородавка. Тогда, конечно, стало легче. Когда она жаловалась, что все её зовут миссис Пек, я сказала, что если бы они смотрели на бородавку, как я, они бы сразу поняли. Она почему-то очень рассердилась, то есть огорчилась. Я думала, она обрадуется, что их можно различить, особенно когда она стала начальницей, а люди часто её не признавали — не уступали места, не оказывали внимания в церкви, например... ну, вы знаете. Потом я слышала, как миссис Уайт говорила миссис Роусон, что миссис Джонс пробовала абсолютно всё, что только можно придумать, чтобы избавиться от этой бородавки, даже насыпала соль птичке на хвост. Не понимаю, как это может помочь? Тётя Полли, если насыпать соль птичке, разве это поможет от бородавки?

— Конечно, нет, детка! Ох, какая ты болтливая, Поллианна, особенно когда начинаешь говорить об этой «Женской помощи»!

— Правда? — печально спросила девочка. — А вам неприятно? Я не хочу докучать вам, честно, тётя Полли! Знаете, если я говорю о «Женской помощи», вы можете радоваться. Когда я о них вспоминаю, то думаю, как я рада, что больше не у них, а у собственной тёти. Вы можете этому радоваться, правда, тётя Полли?

— Да, да, дорогая, конечно, могу, — засмеялась миссис Чилтон, поднимаясь и выходя из комнаты. Неожиданно она почувствовала себя очень виноватой, что когда-то её раздражали вечные Поллианнины радости.

Последующие дни, пока письма летали в Бостон и обратно, Поллианна готовилась к поезду, нанося прощальные визиты белдингсвилльским друзьям.

Буквально все в этом вермонтском селеньице знали Поллианну, и почти все играли в её игру. Всего несколько человек воздерживались, потому что были полные невежды и не желали понять, в чём заключается игра. Из дома в дом Поллианна переносила новость, что она собирается в Бостон на всю зиму, а отвечали ей возгласы сожалений и протеста, начиная от Нэнси из тётиной кухни и кончая огромным домом на холме, где жил Джон Пендлтон.

Нэнси бестрепетно говорила всем (кроме своей хозяйки, конечно), что считает эту поездку просто глупостью и с радостью взяла бы мисс Поллианну к себе домой, вот так бы и взяла. А

миссис Полли могла бы спокойно катить в свою Германию.

Джон Пендлтон повторил практически то же самое, только он не постеснялся сказать это самой миссис Чилтон. Что же касается Джимми, двенадцатилетнего мальчика, которого Джон Пендлтон взял к себе, потому что так хотела Поллианна, и усыновил, потому что сам захотел, тот откровенно негодовал и не замедлил это высказать.

— Ты же только что приехала, — начал он тем тоном, которым пытался скрыть, что у него есть сердце.

— Да я здесь с самого марта! Кроме того, я не собираюсь там жить всегда. Это только на одну зиму.

— Ну и что? Тебя не было дома аж целый год. Если бы я знал, что ты уедешь опять, я бы не помог встречать тебя с флагами и с оркестром.

— Ты что! — удивилась Поллианна, а потом, с едва заметным превосходством, вызванным уязвлённой гордостью, добавила: — Я не просила тебя встречать меня с флагами. Кроме того, ты сделал две ошибки. Ты должен был сказать «я бы не помогал», вместо «я бы не помог». Слово «аж» употреблять не стоит. Во всяком случае, оно грубое.

— Подумаешь! Как мог, так сказал.

Поллианна ещё неодобрительней посмотрела на него:

— Ты сам просил, чтобы я поправляла тебя, когда ты говоришь неправильно, потому что мистер Пендлтон старается тебя научить.

— Вот росла бы ты в детском приюте, где никто на тебя не обращает внимания, кроме целой толпы старух, которым только и есть дела, что тебя поправлять, ты сказала бы и чего-нибудь похуже!

— Джимми Бин!!! — вспыхнула Поллианна. — У нас в «Женской помощи» не было старух, понял? Во всяком случае, многие из них не такие старые, — торопливо поправились она; склонность к правде и к правильности речи превзошли её раздражение. — К тому же...

— А я совсем и не Джимми Бин, — прервал её мальчик, задиристо поднимая голову.

— Ты не Джимми Бин?.. То есть как?..

— Я законно усыновлён. Он собирался это сделать сразу, он сам мне сказал, только был занят другими делами. А теперь вот сделал. И теперь меня зовут Джимми Пендлтон, а его я должен звать дядя Джон, только я... я ещё не привык. И я... я не зову, ещё не начал.

Он говорил сердитым, резким голосом, но все следы неприязни исчезли с лица Поллианны. Она радостно захлопала в ладоши:

— Ой, как замечательно! Теперь у тебя есть настоящая семья, которая о тебе заботится! И ты никому не должен объяснять, что он тебе не родственник, потому что у тебя такая же фамилия. Я так рада, рада, ра-ада-а-а!

Джимми соскочил с каменной стены, на которой он сидел, и пошёл в сторону. Щёки его горели, в глазах стояли слёзы. Это ведь Поллианне обязан он всем, совершенно всем. И этой самой Поллианне он только что сказал...

Он озлобленно поддел ногой маленький камешек, потом другой и третий. Горячие слёзы чуть не брызнули из его глаз и не побежали по пылающим щекам, как бы он ни старался унять их. Он опять поддел камешек, потом другой, нагнулся, поднял третий и швырнул его изо всех сил. Минуту спустя он медленно подошёл к Поллианне.

— А вот я добегу до этой сосны раньше тебя, — небрежно бросил он.

— Ну, нет! — закричала Поллианна, спрыгивая со стенки.

Соревнования не состоялись, Поллианна вспомнила, что быстрый бег ей запрещён. Но для Джимми это не имело значения. Щёки его приобрели обычный оттенок, глаза сияли обычным блеском, слёз уже не было. Он стал опять самим собой.

ДОЗА ПОЛЛИАННЫ

С приближением восьмого сентября, когда должна была прибыть Поллианна, миссис Руфь Кэрю всё больше и больше нервничала и сердилась на себя. Она признавала, что жалеет о своём обещании. Не прошло и суток, конечно, как она написала сестре, требуя, чтобы та освободила её от слов, но Делла ответила, что уже поздно, так как они оба, она и доктор Эймс, написали Чилтонам.

Вскоре после этого пришло письмо от Деллы, в котором она сообщала о согласии миссис Чилтон и о том, что через несколько дней та прибудет в Бостон, чтобы отдать девочку в школу. Миссис Кэрю уже ничего не могла сделать, и ей оставалось подчиниться развитию событий. Поняв это, она безропотно согласилась, не выражая никаких эмоций, и старалась вести себя благопристойно, когда наконец появились Делла и миссис Чилтон. К счастью, миссис Чилтон была ограничена во времени и занималась своими делами.

Возможно, было даже и хорошо, что Поллианна должна приехать не позже восьмого, потому что миссис Кэрю к тому времени уже примирилась с мыслью о новой постоялице, хотя всё-таки сердилась, браня себя за «нелепую податливость», а сестру — за «дикие замыслы».

Она даже и не подозревала, что происходит с Деллой. Внешне та вела смелую борьбу, а внутри сжималась от страха, не зная, к чему всё это приведёт. Всю надежду она возлагала на Поллианну и потому решила, что девочка примет всю атаку на себя и будет бороться в одиночку, без всякой помощи. «Когда миссис Кэрю встретит их на станции, — думала она, — и они познакомятся, она сошлётся на неотложную встречу и сейчас же уедет». Словом, старшая сестра оглянуться не успела, как осталась наедине с девочкой.

— Делла! Делла! — кричала она вслед удаляющейся фигурке. — Ты не должна... я ведь не могу...

Делла даже если и слышала, то не обращала никакого внимания. Раздражённая и раздосадованная, миссис Кэрю повернулась спиной к Поллианне.

— Ах, какая жалость! Она не услышала, да? — проговорила девочка, провожая свою приятельницу тоскливым взглядом. — Я совсем не хотела, чтобы она ушла! Но ведь теперь у меня есть вы? Я могу этому радоваться?

— О да, у тебя есть я и у меня есть ты, — ответила миссис Кэрю не очень приветливым

тоном. — Пойдём, нам сюда, — махнула она рукой.

Поллианна послушно пошла за ней через огромную вокзальную площадь. Раз или два она тревожно заглядывала в неприветливое лицо, наконец, смущённо заговорила.

— Наверное, вы думали, что я хорошенькая, — рискнула она спросить, и в голосе её прозвучала тревога.

— Хо-ро-ошенькая? — повторила миссис Кэрю.

— Да, с кудряшками и всё такое... Конечно, вам было интересно, как я выгляжу, точно так же, как и мне — насчёт вас. Я знала одно — что вы красивая и добрая, судя по вашей сестре. Я-то могла судить по ней, а вам не на кого было взглянуть, чтобы меня представить. Я не хорошенькая из-за веснушек. Это очень неприятно! Ожидаешь хорошенькую девочку и вдруг появляется такая, вроде меня...

— Что за вздор! — резко прервала её миссис Кэрю. — Пойдём, сейчас получим твой багаж, а потом поедем домой. Я надеялась, что сестра поедет с нами, но, как видно, она не считает это нужным, даже на одну-единственную ночь.

Поллианна улыбнулась и кивнула.

— Я знаю. Видимо, она не могла. Наверное, кому-то она нужнее. В санатории всегда кто-нибудь в ней нуждался. Конечно, нелегко, когда люди в тебе всё время нуждаются, правда? Ты не можешь распоряжаться собой. Хочется сделать что-нибудь своё, а в тебе нуждаются. Но всё равно, в этом тоже есть хорошая сторона, ведь очень приятно, когда в тебе нуждаются, правда?

Ответа не последовало, возможно, потому, что впервые в жизни миссис Кэрю подумала: есть ли кто-нибудь в мире, кто на самом деле в ней нуждается? «А на что мне это?» — сердито сказала она себе, дёрнулась, выпрямилась, а затем нахмурилась и посмотрела вниз на ребёнка, идущего рядом с ней.

Поллианна не видела её лица, она рассматривала толпу, мимо которой они проходили.

— Ой, как много народу! — воскликнула она. — Даже больше, чем когда я была тут в первый раз. Пока я не вижу никого из тех, прежних. Конечно, та женщина с ребёнком жила в Гонолулу, их не должно тут быть. Но Сюзии Смит жила прямо здесь, в Бостоне. Может быть, вы её знаете? Вы знаете Сюзии Смит?

— Нет, не знаю, — сухо ответила миссис Кэрю.

— Не знаете? Она очень хорошая и красивая, с чёрными кудрями, такими самыми, какие мне хочется иметь, когда я пойду на небо. Ну, ничего, я её найду, чтобы вы с ней познакомились. Ой, смотрите, какой красивый автомобиль! А мы на нём поедем? — спросила Поллианна, когда они подошли к лимузину, возле которого стоял ливрейный шофёр, широко раскрыв дверцу.

Тот постарался спрятать улыбку, но не смог. Однако миссис Кэрю ответила уставшим тоном, потому что для неё слово «ехать» значило только «передвигаться из одного надоедливое места в другое, такое же неприятное»:

— Да, поедем, — и, обращаясь к почтительному шофёру, добавила, — домой, Перкинс.

— Ох, неужели это ваш собственный? — воскликнула Поллианна. — Как хорошо! Значит, вы ужасно богатая... я хотела сказать, очень богатая, богаче, чем люди, у которых просто ковры в каждой комнате и по воскресеньям мороженое, как у одной дамы из «Женской помощи». Я

раньше думала, что они богатые. Но теперь я знаю, что на самом деле богатые носят кольца с бриллиантами, у них прислуга, котиковая шуба, платья из шёлка и бархата на каждый день, и ещё автомобиль. А у вас это всё есть?

— Да-а... наверное, — отвечала с усмешкой миссис Кэрю.

— Тогда вы богатая, — глубокомысленно кивнула Поллианна. — У моей тётки Полли тоже это есть, только её автомобиль — лошадь. Знаете, я никогда не каталась... нет, одна машина меня сбила, и меня положили в неё, а когда вытащили, то, конечно, я ничего не знала и радоваться не могла. А с тех пор мне не приходилось кататься. Тётя Полли их не любит, а дядя Томас любит и даже хочет купить. Он сказал, ему нужен автомобиль для работы. Он доктор, вы знаете, и у всех других докторов уже есть автомобили. Не пойму, как они договорятся, тётя Полли всё ещё против. Она хочет, чтобы у дяди Томаса было всё, что он хочет, только она хочет, чтобы он хотел то, что она. Вы понимаете?

Миссис Кэрю неожиданно рассмеялась.

— Да, моя милая, кажется, понимаю, — ответила она с наигранной серьёзностью, но в глазах её прыгал смех, что было для неё совершенно необычно.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо вздохнула Поллианна. — Я так и думала, что вы поймёте, хотя звучит это как-то запутанно. Тётя Полли говорит, что она совсем не против автомобиля, только лучше бы у других их не было, никто не мог бы на неё наехать. Ой, сколько домов! — неожиданно прервала она себя, оглядывая всё широко раскрытыми глазами. — Неужели они никогда не кончатся? Ну конечно, их должно быть очень много, чтобы вместить весь народ, который я видела на станции, кроме ещё вот этих, которые ходят по улицам. И конечно, где больше народу, там можно и больше узнать. Ух, я люблю людей! А вы?

— Люблю ли я людей?

— Да, просто людей. Ну, всяких, то есть всех.

— Знаешь, Поллианна, — ответила миссис Кэрю, нахмутив брови. — Я не могу сказать, что люблю.

Из глаз её исчезли весёлые огоньки, и она недоверчиво посмотрела на девочку. Про себя же она проговорила: «Теперь, после первой проповеди, я думаю, мой долг связаться с моей драгоценнейшей сестрой».

— Не любите? А я люблю, — вздохнула Поллианна. — Они все такие приятные и такие разные. А здесь особенно их так много. Вы даже не представляете, как я обрадовалась, когда приехала! Я знала, что буду рада в любом случае, потому что узнала, что вы — сестра мисс Уэзербай. Я люблю мисс Уэзербай, а значит, полюблю вас, потому что, конечно, вы такая же, даже если вы не двойняшки, как миссис Джонс и миссис Пек, а они не очень похожи, у одной бородавка. Но вы, наверное, не поняли, лучше я расскажу.

Так и случилось, что миссис Кэрю, которая настроилась против проповедей о любви к ближним, к величайшему своему удивлению обнаружила, что с большим вниманием слушает историю про бородавку, которая выросла на носу у одного из членов «Женской помощи».

К тому моменту, как история закончилась, лимузин свернул на Коммонуэлс-стрит, и Поллианна тут же разахалась при виде улицы и «садика, который идёт по самой середине». По её мнению он был «гораздо красивей всех этих узеньких улочек».

— Только я думаю, все хотят тут жить, — воскликнула она.

— Это невозможно, — ответила миссис Кэрю, приподнимая брови.

Поллианна решила, что она жалеет тех, кому не удалось жить на такой красивой улице, и поспешила исправить неловкость.

— Ну разумеется! — согласилась она. — Я не хотела сказать, что узкие улицы хуже, может быть, они даже лучше: можно радоваться, что не придётся далеко бежать, если вдруг надо сбегать через улицу, чтобы занять яиц или соды и...

Ох, вы живёте здесь?! — воскликнула она, так как автомобиль остановился перед внушительным домом. — Вы живёте здесь, миссис Кэрю?

— А что? — сказала та не без раздражения. — Конечно, живу.

— Ой, как вы рады, наверное! — воскликнула девочка, спрыгивая на тротуар и с любопытством оглядываясь. — Очень рады, правда?

Миссис Кэрю не ответила. Поджав губы и нахмутив брови, она вышла из лимузина.

Второй раз за эти пять минут Поллианна поспешила исправить ошибку.

— Конечно, я не имею в виду грешную, гордую радость! — воскликнула она, с тревогой заглядывая в лицо миссис Кэрю. — Может быть, вы подумали, что я её имела в виду, как тётя Полли раньше думала. Нет, нет! Я имею в виду такую радость, от которой хочется закричать, завопить, хлопнуть дверью, даже если это и неприлично, — закончила она, приплясывая на месте.

Шофёр, сдерживая смех, быстро повернулся к ним спиной и сделал вид, что занялся машиной. Миссис Кэрю, всё ещё поджав губы и нахмутив брови, молча направилась по широкой каменной лестнице.

— Пойдём, Поллианна, — отрывисто сказала она.

Пять дней спустя Делла получила письмо от сестры, которое с нетерпением вскрыла. Это было первое с тех пор, как Поллианна прибыла в Бостон.

«Дорогая сестра! — писала миссис Кэрю. — Ради Бога, почему ты хоть приблизительно не намекнула, чего ожидать от этого ребёнка, которого ты так настоятельно вручила мне? Я почти вне себя и просто не могу отослать её прочь. Трижды пробовала я это сделать, но всякий раз, прежде чем я успею раскрыть рот, она опережает меня. Эта девочка с восторгом говорит о том, как она чудесно проводит время, и как она рада быть здесь, и какая я добродетельная, позволяя ей жить со мной, пока её тётя Полли в Германии. Скажи на милость, как после таких слов я могу обернуться и сказать: «Хорошо, но езжай-ка ты домой»? А самая большая несуразность в том, что ей, видимо, никогда не приходило в голову, что она не нужна мне. Кажется, я не смогу ей об этом сказать.

Конечно, если она начнёт проповедовать, я немедленно отправлю её к тебе. Ты знаешь, я тебя предупреждала, что этого не потерплю. Раза два-три мне показалось, что она начинает, но она перескакивала на какую-нибудь смехотворную историю о своей «Женской помощи». И так всякий раз. В этом ей, конечно, повезло, если она собирается пробыть со мной дольше.

В самом деле, Делла, она просто невозможна. Прежде всего, она без ума от дома. В самый первый день она упросила меня открыть каждую комнату и не успокоилась до тех пор, пока все шторы не раздвинули, чтобы ей стали видны «все эти чудные вещи», которые, как она определила, даже лучше, чем у мистера Пендлтона. По всей вероятности, это кто-нибудь из Белдингвилла. Во всяком случае, он не из «Женской помощи».

Потом, будто этого недостаточно, она заставила меня бегать с ней из комнаты в комнату, словно я гид или проводник. Она обнаружила белое атласное платье, которое я уже многие годы не надевала, и умолила меня надеть его. И представляешь, я его надела. Почему? Ума не приложу, только я в её руках совершенно беспомощна.

Но это ещё только начало. Затем она попросила меня показать ей всё, что у меня есть, и так неподдельно веселилась со своими историями про миссионерскую помощь, что мне пришлось смеяться, хотя я готова была расплакаться от сознания, какие жалкие вещи этот несчастный ребёнок должен был носить. Конечно же, платье повело к драгоценностям, и она наделала столько шуму из-за моих колец, когда я необдуманно открыла сейф! Знаешь, Делла, я подумала, что девочка сошла с ума. Она надела на меня все кольца, брошки, браслеты, ожерелья, какие только были, потом настояла, чтобы я приколола обе бриллиантовые диадемы (выяснив, что это за «штучки»). И вот, я сидела, обвешанная жемчугом, бриллиантами и изумрудами, словно богиня в индийском храме, а этот бесподобный ребёнок начал танцевать вокруг меня, хлопая в ладоши и распевая: «Ой, как хорошо! Ой, как прекрасно! Я бы вас подвесила на веревочку возле окна, получилась бы замечательная призма!»

Только я собиралась спросить её, что она имеет в виду, как вдруг она села прямо посреди комнаты на пол и расплакалась. Как ты думаешь, из-за чего она плакала? Она рада, что у неё есть глаза и она может видеть! Ну, что ты об этом скажешь?

Конечно, и это ещё не всё. Это ещё только начало. Поллианна пробыла здесь четыре дня, и заполнила каждую минуту полностью. Она уже зачислила в число своих друзей истопника, полицейского, разносчика газет, не говоря уже о моих слугах. Они все просто очарованы ею. Но, пожалуйста, не думай так обо мне! Я бы отправила её немедленно к тебе, если бы не чувствовала себя обязанной исполнить своё обещание. Что же до того, чтобы я забыла Джеми и мою великую скорбь — это невозможно. Она ещё больше обостряет ощущение утраты, потому что я должна заботиться о ней вместо него. Как я уже сказала, я продержу её до тех пор, пока она не начнёт читать нотации. Тогда она немедленно отправится к тебе. Но она ещё не проповедует. Любящая, но совершенно расстроенная Руфь».

«Ещё не проповедует! — рассмеялась про себя Делла, читая убористо исписанный листок. — Руфь, Руфь! И ты позволила, вернее — сама открыла каждую комнату, раздвинула все шторы, нарядилась в атлас и драгоценности, а ведь Поллианна не пробыла там ещё и недели! Но она ещё не проповедовала, о нет, не проповедовала!»

ИГРА И МИССИС КЭРЬЮ

Для Поллианны Бостон был большим подарком, но и Поллианна для Бостона была настоящей жемчужиной. Познакомиться с нею было очень интересно.

Она говорила, что город ей нравится, только лучше бы он не был таким большим.

— Понимаете, — доверчиво поведала она миссис Кэрю на следующий день после прибытия, — я хочу увидеть и узнать его весь, но не смогу. Это как на обеде, когда тётя Полли приглашает гостей. Столько всего наготовлено, что только посмотреть, просто глаза разбегаются — и не знаешь, что есть.

Конечно, можно радоваться, что всего так много, — рассудительно добавила Поллианна,

переведа дух. — Ведь когда чего-нибудь очень много, это приятно. Только не лекарств и не похорон, конечно! Но лучше бы тёти Поллины обеды распределили на те дни, когда нет тортов и пирогов. Вот так и Бостон. Я бы хотела захватить его домой, чтобы на следующее лето у меня было что-нибудь новое. Но это нельзя. Города не похожи на торты с глазурью, да и торт не очень хорошо хранится, то есть не очень долго. Я пробовала, но он засох, особенно глазурь. Глазурь надо есть сразу, пока она ещё свежая, вот я и хочу всё увидеть сразу, пока я здесь.

Поллианна не думала, что, осматривая мир, нужно начинать с самой отдалённой точки. Она начала знакомство с Бостоном, подробно исследуя своё непосредственное окружение — жителей улицы, на которой стоял дом.

Это занятие и школьные уроки поглотили её время и внимание на несколько дней.

Ей хотелось много увидеть, много узнать, а всё было такое необыкновенное и красивое, от кнопочек на стене, которые заливали комнату светом, до величественной тишины гостиной, увешанной зеркалами и портретами. Столько прекрасных людей вокруг, с которыми надо познакомиться — ведь кроме самой миссис Кэрю была Мэри, которая убирала в доме, отвечала на звонки и провожала Поллианну в школу, а Бриджет жила на кухне и готовила, а Дженни прислуживала за столом, а Перкинс водил машину. Все они были очень хорошие, хотя и совсем не похожи друг на друга.

Поллианна прибыла в понедельник, поэтому она пробыла здесь целую неделю до первого воскресенья. В то утро она спустилась вниз, сияя.

— Я так люблю воскресенье! — вздохнула она.

— В самом деле? — прозвучал в ответ голос, в котором явно чувствовалось безразличие ко всем дням недели.

— Да! Ведь по воскресеньям можно ходить в церковь и в воскресную школу. Что вам больше нравится, церковь или воскресная школа?

— Мне?.. Я... наверное... — начала миссис Кэрю, которая очень редко посещала церковь и никогда не ходила в воскресную школу.

— Трудно сказать, правда? — поспешила на помощь Поллианна. — А я церковь люблю больше, из-за папы. Вы же знаете, он был пастором. Конечно, он теперь на небе вместе с мамой и с остальными детьми, но я всегда стараюсь представить его здесь, и не всегда получается. В церкви, когда пастор говорит, я закрываю глаза и представляю себе папу, и тогда мне становится легче. Я так рада, что мы можем воображать! А вы?

— Я не совсем в этом уверена, Поллианна.

— Нет, вы только подумайте, насколько прекраснее то, что воображаешь. Для вас, конечно, это не так, всё настоящее вокруг вас — очень хорошее. — Миссис Кэрю сердито раскрыла рот, чтобы возразить, но Поллианна продолжала: — Да и у меня всё гораздо лучше, чем раньше. Но всё то время, когда ноги у меня не ходили, мне было очень трудно, оставалось мечтать. Теперь, конечно, я тоже часто воображаю, ну, например, про папу. Сегодня я собираюсь представить, что папа стоит за кафедрой. Во сколько мы должны выйти?

— Выйти?

— Ну, в церковь!

— Понимаешь, я не... то есть... я, наверное, не... — миссис Кэрю поперхнулась, прокашлялась и опять попыталась сказать, что она совсем не собирается в церковь и почти

никогда не ходит. Но, глядя на спокойное личико Поллианны, она просто не смогла этого произнести и сказала:

— Я думаю, минут в пятнадцать одиннадцатого, если мы пойдём пешком. — А затем с раздражением добавила: — Здесь недалеко.

Вот так случилось, что миссис Кэрю в это ясное сентябрьское утро впервые за долгое время заняла фамильную скамью в богатой, красивой церкви, которую посещала в детстве, а сейчас поддерживала деньгами.

Для Поллианны же эта воскресная служба была настоящим праздником. Звучало необыкновенное пение одетого в строгие одежды хора; свет, проникая через цветные стёкла, мягко падал на прихожан; пылкий голос проповедника и благоговейное молчание молящихся так радовали её, что какое-то время она не могла произнести ни слова. И только когда они уже были почти у дома, она глубоко вздохнула:

— Ох, миссис Кэрю, я только что думала о том, как хорошо, что мы живём каждый день в отдельности!

Миссис Кэрю нахмурилась и строго посмотрела вниз. Она не любила проповедей, но ей некуда было деваться, пришлось выслушать проповедь с кафедры, а вот от этой несносной девчонки — это уж слишком! Кроме того, «жить сегодняшним днём» — любимая теория Деллы. Та постоянно повторяет: «Ты живёшь каждую минуту только один раз, Руфь, и можно вынести в эту минуту всё что угодно, ведь она больше не повторится!»

— М-да, — невнятно ответила миссис Кэрю.

— Вы только представьте, если бы пришлось прожить вчера, сегодня и завтра сразу! — вздохнула Поллианна. — Вокруг столько замечательных, необыкновенных вещей, вы же знаете. Но у меня было вчера, а теперь у меня есть сегодня, и у меня ещё есть в запасе завтра, и следующее воскресенье. Честное слово, миссис Кэрю, если бы теперь было не воскресенье, то я бы на этой улочке запрыгала бы, закружилась и запела. Я просто не смогла бы сдержаться. Но сегодня воскресенье, и я должна подождать, пока мы дойдём до дома, а тогда я подберу один гимн, самый радостный, мажорный гимн, который я только знаю. А какой самый радостный гимн? Вы знаете, миссис Кэрю?

— Нет, не знаю, — растерянно ответила та. Когда думаешь, что нужно прожить этот день только раз, потому что всё так плохо, странно слышать такие речи.

На следующее утро, в понедельник, Поллианна пошла в школу одна. Теперь она хорошо знала дорогу, да и школа была недалеко. Ей нравилась школа, она была маленькая, и для неё это было необычно, а ей нравилось необычное.

Однако миссис Кэрю не любила ничего необычного, а в последние дни необычным было всё. Того, кто от всего устал, и хотел бы побыть один, общаться с человеком, для которого всё ново и всё радостно, мягко выражаясь, утомляет; и миссис Кэрю сердилась. Она была просто измотана. Себе она признавалась, что если бы кто-нибудь задал ей вопрос, почему она так измучена, она могла бы ответить: «Потому что Поллианна слишком рада». Другим бы она не посмела так ответить.

Делле она всё же написала, что слово «рада» действует ей на нервы, но, к счастью, Поллианна ещё не начала проповедовать и не заставляет её играть в свою игру.

На второй неделе после появления Поллианны досада её вылилась в раздражённый протест. Непосредственной причиной послужили слова Поллианны об одной из участниц «Женской помощи».

— Миссис Кэрю, она играла в игру. Может быть, вы не знаете, что это за игра. Я вам расскажу. Она совсем безобидная.

Миссис Кэрю умоляюще подняла руки.

— Помилуй, Поллианна! — взмолилась она. — Об этой игре я знаю. Мне уже рассказала сестра, и... и... должна признаться, меня это не интересует.

— Ну конечно же, миссис Кэрю! — виновато воскликнула Поллианна. — Я не имела в виду вас. Конечно, вы не сможете в неё играть.

— Кто, я? — вскричала миссис Кэрю, которая не собиралась играть в эту глупую игру, но услышать, что она не сможет...

— Ну конечно! — отвечала Поллианна. — Ведь игра-то состоит в том, чтобы во всём находить радость, а вам и искать не надо.

Миссис Кэрю покраснела от негодования. В своей досаде она сказала гораздо больше, чем хотела.

— Ты права, Поллианна, не могу, — холодно призналась она. — Радости я ни в чём не вижу.

Поллианна растерянно смотрела на неё, потом удивлённо воскликнула:

— Почему, миссис Кэрю? — и затаила дыхание.

— А ты посмотри, что здесь хорошего? — начала миссис Кэрю, забыв на минуту о своём решении — не позволять Поллианне проповедовать.

— Но ведь... но ведь всё... — пробормотала Поллианна всё с тем же недоумением. — Вот, например, этот красивый дом...

— В нём можно поесть и поспать, а я не хочу просто есть и спать.

— Да ведь, кроме него, есть столько замечательных, превосходных вещей! — проговорила Поллианна.

— Они мне надоели.

— У вас есть автомобиль, вы можете поехать куда угодно.

— Я никуда не хочу ехать.

У Поллианны перехватило дыхание, и она почти прошептала:

— Подумайте о людях и о вещах, которые вы можете увидеть.

— Мне всё безразлично, Поллианна.

Поллианна совсем растерялась:

— Миссис Кэрю, мне тоже трудно играть, — в отчаянии проговорила она. — Раньше всегда случалось что-нибудь плохое, и чем труднее было, тем интереснее находить выход, найти хоть какую-то радость. Но там, где нет ничего плохого, и я не смогла бы придумать...

Некоторое время обе они молчали. Миссис Кэрю сидела, глядя куда-то за окно. Постепенно раздражение на её лице сменилось печальной беспомощностью. Наконец она медленно повернулась и проговорила:

— Поллианна, я не хотела говорить тебе, но теперь передумала. Я хочу рассказать тебе, почему всё, что у меня есть, не приносит мне радости.

И рассказала про Джеми — четырёхлетнего мальчика, который долгих восемь лет назад исчез в другом мире, оставив за собой закрытую дверь неизвестности.

— С тех пор вы его больше не видели? — еле слышно выдохнула Поллианна, когда история закончилась.

— Нет.

— Мы его обязательно найдём! Я уверена, мы его найдём.

Миссис Кэрю печально покачала головой:

— Нет. Я искала его везде, даже в других странах.

— Где-нибудь он должен быть!

— Ах, Поллианна, он, наверное, умер!

Поллианна тут же вскрикнула:

— Ой, нет! Миссис Кэрю, пожалуйста, только не говорите так. Давайте вообразим, что он жив. Вы можете это сделать, и это помогает. А когда мы представим его живым, мы сможем надеяться. Тогда станет намного легче.

— Я боюсь, что он умер, Поллианна, — прошептала миссис Кэрю.

— Вы не уверены в этом, правда?

— Н-нет.

— Тогда вы просто это представляете, — победно продолжала Поллианна. — А если вы можете представить его мёртвым, то можете представить и живым, это намного приятнее. Теперь вы понимаете? И однажды, я просто уверена, вы его найдёте. Ой, миссис Кэрю, да ведь теперь вы сумеете играть в игру! Вы можете играть про Джеми! Вы можете каждый день радоваться, ведь с каждым днём вы будете приближаться к тому дню, когда его найдёте. Понимаете?

Миссис Кэрю ничего не поняла. Она тоскливо поднялась со своего места и сказала:

— Нет, нет! Это ты не понимаешь. А теперь беги погуляй, или почитай, или займись, чем тебе вздумается. У меня болит голова, я пойду прилягу.

Поллианна с тревожным, задумчивым видом медленно покинула комнату.

ПРОГУЛКА ПОЛЛИАННЫ

Случилось это во вторую субботу после обеда, когда Поллианна отправилась на свою достопамятную прогулку.

Она никогда не ходила одна, только в школу и обратно. Миссис Кэрю не допускала даже мысли о том, чтобы девочка попыталась исследовать бостонские улицы, но запретить это как-то не подумала. В Белдингсвилле, особенно поначалу, главной целью прогулок были новые друзья и новые приключения.

В эту самую субботу, после обеда, миссис Кэрю сказала, как обычно:

— Пожалуйста, прошу тебя, беги погуляй, оставь меня в покое. Иди, куда тебе вздумается, займись чем-нибудь и делай, что твоей душе угодно, только, пожалуйста, на сегодня больше ни о чём не спрашивай!

До сих пор Поллианна, предоставленная сама себе, всегда находила что-нибудь интересное дома. Даже если её не интересовали неодушевлённые предметы, там были Мэри, Дженни, Бриджет и Перкинс. Однако сегодня у Мэри болела голова, Дженни мастерила новую шляпку, Бриджет занялась яблочными пирогами, а Перкинс куда-то делся. Кроме того, стоял необыкновенно прекрасный сентябрьский денёк, и ничто в доме не могло сравниться с привлекательностью яркого солнца и нежным ароматом осеннего воздуха. Словом, Поллианна вышла на улицу и села на ступеньку.

Некоторое время она сидела молча, разглядывая прохожих. Мимо шли хорошо одетые женщины, мужчины, дети. Одни быстро проходили, другие неторопливо прогуливались по тенистой аллейке, которая пролегла вдоль улицы. Потом она встала, сбежала по ступенькам и остановилась, поглядев сначала направо, затем — налево.

Поллианна тоже решила пройтись. День был просто чудесный, и к тому же она ещё ни разу не выходила, чтобы просто погулять. Дорога в школу и из школы не считалась; и она решила, что сегодня — самое подходящее время. Миссис Кэрю не будет возражать, не она ли недавно сказала, что Поллианна может делать всё, что ей только понравится, если не будет задавать вопросов? А впереди было целых полдня. Только представьте себе, как много можно увидеть за полдня! Поллианна решила пойти в эту сторону, и, переполненная радостью, слегка подпрыгнула, а потом бодро зашагала вдоль улицы.

Она улыбалась всем встречным, но вскоре расстроилась оттого, что ни одной улыбки в ответ не получила. Эту особенность здесь, в Бостоне, она уже заметила; однако продолжала улыбаться в надежде, что, может быть, кто-то улыбнётся в ответ.

Дом миссис Кэрю стоял совсем недалеко от начала улицы, и через некоторое время Поллианна оказалась у перекрёстка. Напротив, во всей своей осенней прелести, лежал бостонский парк, который, по мнению Поллианны, был «прекрасней любого двора».

Поллианна остановилась. Глаза её тоскливо смотрели на богатство осенних красок. Она нисколько не сомневалась, что это сад каких-нибудь богатых людей. Однажды, когда она ещё была в санатории, их с доктором пригласила одна дама, которая жила в очень красивом большом доме, окружённом дорожками, деревьями, клумбами, такими же красивыми, как здесь.

Поллианне очень хотелось пересечь улицу и пройти по той стороне, но она сомневалась, удобно ли это? Там было много людей, они ходили туда и сюда... Может быть, их пригласили? Понаблюдав некоторое время, она увидела двух женщин, мужчину, а затем — маленькую девочку, которые свободно прошли в ворота и торопливо пошли по дорожке, и решила, что ей тоже можно войти. Пользуясь случаем, она проворно перешла улицу и вошла в парк.

Вблизи он оказался ещё красивее. Над её головой перекликались птички, дорожку

перебежали белочки. На скамейках сидели мужчины, женщины, дети. Через ветви деревьев пробивались золотистые лучи солнца и отражались в воде, а откуда-то доносились весёлые крики детей и звуки музыки.

Поллианна опять остановилась в нерешительности и, немножко робея, обратилась к изящно одетой молодой женщине, которая шла ей навстречу.

— Простите, пожалуйста, тут, наверное, бал? — спросила она.

Женщина в недоумении уставилась на неё.

— Бал?

— Да. Я хотела спросить, можно мне здесь остаться?

— Тебе? Конечно. Это для... для всех! — воскликнула молодая женщина.

— Ох, тогда всё в порядке! — засияла Поллианна. — Как я рада, что пришла!

Женщина не ответила, только оглянулась, посмотрела на Поллианну всё так же недоуменно и торопливо пошла своим путём.

Поллианну не удивило, что хозяин этого прекрасного места, должно быть, очень щедрый, позволил всем принять участие в торжестве. Она шла, оглядываясь по сторонам. Там, где тропинка поворачивала, она увидела маленькую девочку с кукольной коляской и остановилась, но не успела она произнести и дюжины слов, как откуда ни возьмись, появилась молодая женщина, которая протянула руки к маленькой девочке и строго сказала:

— Сюда, Гледис! Сейчас же иди ко мне! Разве мама позволила говорить с чужими?

— Я не чужая, — объяснила Поллианна. — Я живу здесь, в Бостоне... — Но женщина с маленькой девочкой, которая тащила за собой кукольную коляску, была уже далеко. Поллианна, подавив вздох, замолчала. С минуту она стояла в раздумье, совершенно расстроенная, затем, решительно вздёрнув подбородок, пошла дальше. «Ну и что? Я могу радоваться, — подумала она, — потому что теперь я найду кого-нибудь ещё лучше. Может быть — Сюзи Смит, а может — даже и Джеми. Во всяком случае, я хочу их найти, а если их и не встречу, всё равно с кем-нибудь познакомлюсь».

Она мечтательно смотрела на поглощённых собою людей, проходящих мимо неё. Ей было одиноко. Воспитанная отцом и «Женской помощью» в маленьком городке, она каждый дом считала своим домом, каждого жителя — своим другом. Приехав к своей тёте в Вермонт, она просто решила, что разница только в том, что там новые дома и новые друзья, даже более привлекательные. Они ведь другие, а она очень любила всё новое. Высшей радостью в Белдингсвилле были прогулка по городу и посещения новых друзей. Естественно, Бостон, когда она увидела его впервые, показался ей ещё привлекательней, потому что обещал более увлекательные приключения.

До сих пор, однако, ей приходилось признать, что ожидания не оправдались. Она пробыла здесь почти две недели и так и не узнала людей, которые живут через улицу или даже по соседству. Ещё необъяснимей было то, что миссис Кэрю и сама не знала многих и никого не знала хорошо. Она, кажется, была совершенно безразлична к своим соседям, и тут, по-видимому, ничего нельзя было сделать.

— Они меня не интересуют, — отвечала она.

Поллианна, которую они очень интересовали, должна была этим удовлетвориться.

Однако сегодня она начала прогулку, надеясь с кем-нибудь познакомиться. Путешествие пока не увенчалось успехом, но она не сомневалась, что все люди вокруг просто восхитительны, если только их поближе узнать. Она никого не знала, мало того — узнать их не было никакой возможности, они совершенно не желали с ней знакомиться. Поллианна всё ещё помнила строгие слова про «чужих».

«Тогда им просто надо показать, что я не чужая», — наконец решила она, уверенно направляясь вперёд.

Окрылённая этой мыслью, Поллианна широко улыбнулась следующему встречному и жизнерадостно сказала:

— Какой сегодня чудесный день!

— Г-где? Что? А, д-да... — пробормотала какая-то женщина и пошла быстрее.

Поллианна ещё раз два повторила тот же опыт, но безрезультатно. Скоро она оказалась возле небольшого пруда, который блестел от солнечных лучей, проникающих через ветки деревьев. Пруд был красивый, по нему плавало несколько лодок, полных весёлых смеющихся детей. Наблюдая за ними, Поллианна всё больше печалилась. Но тут неподалеку на скамейке она заметила мужчину, который сидел один, медленно направилась к нему, и села на другом конце скамьи.

Затем она смело подвинулась и весело предложила ему познакомиться. Резкий отказ удивил её. Она сжалась и пристально посмотрела на мужчину.

На вид он был совсем непривлекательным. Одежда его, хотя и новая, была вся в пыли, и по всему было видно, что он о ней не заботится. Она была именно такая (хотя Поллианна этого и не знала), какую государство даёт заключённым, когда они выходят на свободу. Лицо у него было бледное, обрамлённое неопрятной бородкой, шляпа глубоко натянута на глаза, руки засунуты в карманы. Он сидел, опустив голову и уставившись в землю.

Сначала Поллианна ничего не могла сказать, потом опять попыталась:

— Сегодня хороший день, правда?

— Что ты сказала? — спросил он серьёзно и испуганно, озираясь вокруг, чтобы убедиться, что вопрос обращён к нему.

— Я сказала, что сегодня чудесный день, — поспешила объяснить Поллианна, — но это неважно. Конечно, я рада, что день хороший, но я сказала так, чтобы начать разговор, и теперь я буду говорить о чём-нибудь другом, о чём угодно. Ну, например, о том, что вы видите.

Мужчина тихо рассмеялся. Даже для Поллианны его смех прозвучал как-то странно, хотя она не знала, что смех с его губ не слетал уже многие месяцы.

— Ты хочешь, чтобы я с тобой поговорил? — печально произнёс он. — А с какой стати? Такая приличная маленькая леди может найти себе более приятных людей, чем я, старый болван.

— Мне нравятся старые болваны! — торопливо воскликнула Поллианна. — То есть мне нравятся пожилые, а что такое болваны, я не знаю, и не могу сказать, нравятся ли они мне. А вообще-то, если вы болван, я люблю болванов, — закончила она, усаживаясь поудобнее.

— Что ж, я польщён, — иронически улыбнулся мужчина, хотя лицо его выражало явное изумление. Он поёрзал и сел прямее. — Ну, о чём же мы будем говорить?

— Это неважно... То есть, я хотела сказать, это всё равно, правда? — спросила Поллианна сияющей улыбкой. — Тётя Полли говорит, что, о чём бы я ни говорила, я каким-то образом непременно возвращаюсь к «Женской помощи». Наверное, это потому, что они меня воспитывали. Вы тоже так думаете? Мы можем поговорить про бал. Я думаю, он просто чудесный.

— Б-б-бал?

— Ну, всё это, вы знаете, все эти люди! Это бал, да? Одна леди сказала, что это для всех, поэтому я и осталась, хотя я ещё не дошла до главного дома.

Губы у незнакомца невольно скривились.

— Д-да, милая леди, возможно, и бал, — улыбнулся он. — Даёт его город Бостон. Тут общественный парк, общественный, понимаете? Для всех.

— Ох, правда? Для всех? Я могу приходить сюда, когда захочу? Ой, как чудесно! Даже лучше, чем я думала. Ведь я боялась, что не смогу больше сюда прийти! Как я рада теперь, что не знала этого с самого начала. Хорошее становится ещё лучше, когда поволнуешься немного. Вы тоже так думаете?

— Возможно, — печально ответил собеседник. — Если оно вообще когда-нибудь станет хорошим.

— Станет, станет, — кивнула Поллианна, не заметив его печали. — Ну, разве здесь не красиво? Интересно, знает ли миссис Кэрю об этом месте? Я думаю, все хотят сюда прийти, хоть просто прийти и посмотреть.

Лицо у мужчины стало чёрствым.

— Бывают и другие занятия, не только ходить и смотреть. Знаешь, есть в мире люди, которые работают. Правда, я не отношусь к их числу.

— Да? Ну, тогда вы можете радоваться, правда? — вздохнула Поллианна, восторженно следя за проплывающей лодкой.

Губы у мужчины негодующе раскрылись, но он не произнёс ни слова. А Поллианна продолжала:

— Я бы хотела ничего не делать, кроме этого. Но я должна ходить в школу. Конечно, я люблю школу, но столько вещей я люблю больше! И всё равно я рада, что могу ходить в школу. Особенно рада, когда вспоминаю, как в прошлую зиму думала, что никогда не смогу ходить. Понимаете, я лишилась ног на время, они не ходили. Знаете, никогда не думаешь, как много ты чем-нибудь пользуешься, пока этого не лишишься. Например, глаза. Вы когда-нибудь думали о том, как много вы делаете глазами? Я не думала, пока не попала в санаторий. Там была одна женщина, которая ослепла всего год назад. Я учила её играть в игру — чему-нибудь радоваться, понимаете, но она говорила, что не может. Чтобы её понять, мне пришлось завязать глаза платком всего на один час. Это было ужасно! Вы когда-нибудь пробовали?

— Зач-чем? Н-нет, не пробовал. — На лице его появилось не то раздражение, не то смущение.

— Да, это ужасно. Вы ничего не можете делать, совершенно ничего. А я ходила так целый час. С тех пор я рада, когда вижу что-нибудь необыкновенное, как вот тут, понимаете? Я была так рада, что чуть не заплакала, потому что могу всё видеть. А теперь она играет в игру, хотя так и осталась слепой. Это мисс Уэзербай мне сказала.

— В игру?

— Да, это игра в радость. Разве я вам не сказала? Надо найти что-нибудь, о чём можно радоваться. Теперь она нашла, понимаете? Её муж, он занимает такую должность, помогает составлять законы. И она попросила его, чтобы они помогли слепым, особенно младенцам. Она сама пошла и рассказала, как чувствуешь себя, когда ослепнешь, и они составили такой закон. Они сказали, что она сделала больше всех, даже больше, чем её муж. Они говорят, если бы не она, этого закона вообще бы не было. Теперь она рада, что не видит, потому что помогла многим детям. Но вы ведь ещё не играли в игру, я вам лучше расскажу. Начинается так. — И, глядя на красоту деревьев, Поллианна рассказала о маленьких костылях и обо всём, что произошло в её детстве.

Когда история закончилась, наступила долгая тишина; потом, немного резко, мужчина поднялся.

— Ой, вы уже уходите? — спросила она.

— Да, я пойду, — улыбнулся он, глядя на неё сверху вниз.

— А вы придёте опять?

Он покачал головой и опять улыбнулся:

— Надеюсь, что нет. Понимаешь, сегодня я сделал великое открытие. Я думал, что я задавлен и выброшен. Я думал, что для меня нигде нет места. Но только что я узнал, что у меня есть глаза, руки и ноги. И я хочу воспользоваться ими.

Сказав это, он исчез.

«Вот это да! Какой интересный человек!» — подумала Поллианна, поднимаясь и продолжая прерванную прогулку.

Она опять стала самой собой и шла совершенно уверенно. Разве не сказал этот мужчина, что парк — общий, и она, как все остальные, имеет право здесь быть? Она пошла к пруду и перешла мостик, ведущий к причалу.

Некоторое время она с удовольствием смотрела на детей, внимательно высматривая, нет ли среди них чёрных кудряшек Сюзи Смит. Она бы и сама прокатилась на лодке, но надпись гласила: «Пять центов», а у неё совсем не было денег. С надеждой улыбнулась она нескольким женщинам, дважды попробовала заговорить; но с ней никто не заговаривал, а те, к кому она обращалась, смотрели на неё холодным взглядом, удостоив лишь лёгкого кивка.

Через некоторое время Поллианна свернула на тропинку. Здесь она увидела бледного мальчика, сидящего в инвалидной коляске. Она хотела заговорить с ним, но он был так поглощён книгой, что она не решилась его отвлекать, и, постояв немного, пошла дальше. Вдруг она увидела хорошенькую, но очень печальную девушку, которая сидела одна, глядя прямо перед собой, но, по всей вероятности, ничего не видя, как тот мужчина. С лёгким возгласом Поллианна уверенно направилась к ней.

— Добрый день! — сказала она. — Я так рада, что вас встретила! Я так давно вас ищу, — и уселась на свободный конец скамьи.

Хорошенькая девушка в недоумении повернулась к ней.

— О, — воскликнула она и разочарованно отвернулась. — Я думала... Что ты имеешь в виду? Я никогда тебя не встречала.

— Я тоже вас не встречала, — улыбнулась Поллианна, — но всё равно искала вас. Конечно, я не знала, что это будете вы. Я хотела найти кого-нибудь, кто выглядит одиноким и у кого никого нет. Здесь сегодня так много людей, у которых кто-нибудь есть!

— Да, понимаю, — кивнула девушка, опять впадая в апатию. — Как жаль, что ты узнала об этом так рано.

— О чём?

— Что самое одинокое место — среди толпы в большом городе.

Поллианна слегка нахмурилась.

— В самом деле? Как можно быть одиноким, когда вокруг тебя столько народу? Хотя... — она умолкла и нахмурилась ещё больше. — Да, я была одинока, хотя вокруг ходили люди. Только... только они меня не замечали...

Девушка горько улыбнулась.

— Вот я и говорю. Люди нас не замечают...

— Некоторые — замечают, — поспешила сказать Поллианна. — Спасибо и на том! Теперь, когда я...

— О да, некоторые замечают, — прервала её собеседница. Говоря это, она содрогнулась и с затаенным страхом посмотрела на тропинку позади Поллианны. — Некоторые замечают даже слишком хорошо.

Поллианна в смятении сжалась. Второй раз она получила такой резкий отпор, и он вызвал в ней какое-то новое, незнакомое чувство.

— Вы меня имеете в виду? — запинаясь, спросила она. — Вы бы хотели, чтоб я вас не заметила?

— Нет, нет! Я говорю о других, совсем не похожих на тебя. Я рада, что хоть ты заговорила... только сначала я подумала, что это кто-нибудь из дома.

— Значит, вы живёте не здесь?

— Нет, теперь я живу здесь, — вздохнула девушка, — если это можно назвать жизнью...

— А чем вы занимаетесь? — с любопытством спросила Поллианна.

— Я? Занимаюсь? — с горечью усмехнулась девушка. — С утра до ночи я продаю пышные кружева и яркие бантики девочкам, которые смеются и болтают. Потом я иду домой в маленькую чердачную комнатку, в которой помещается только детская кровать, умывальник с кувшином, сломанный стул и я. Она — как раскалённая печь летом и как морозильник зимой, но больше я ничего не смогла найти, и должна быть там, когда не работаю. Но сегодня я пришла сюда. Мне не хочется сидеть в комнате или идти в старую библиотеку. Сегодня у нас последний неполный рабочий день в году, и я решила хорошо провести время. Я ещё молода и тоже хотела бы посмеяться, пошутить, как те девочки, которым я продаю кружева и бантики. Да, сегодня я буду смеяться и шутить.

Поллианна улыбнулась и одобрительно кивнула:

— Я рада, что у вас такое настроение. Так весело, когда чувствуешь себя счастливой, правда? Ведь Библия учит нас: «радуйтесь и веселитесь». Это повторяется там восемьсот

раз. Вы, наверное, знаете о «радостных текстах».

Хорошенькая девушка тряхнула головой, и на её лице появилось странное выражение.

— Нет, не знаю, — с лёгким ехидством сказала она. — Я не могу сказать, что думала про Библию.

— Не думали? Ну да, возможно, но, понимаете, мой папа был пастор...

— Пастор?

— А ваш тоже? — воскликнула Поллианна.

— Д-д-да, — незнакомка побледнела.

— Ой, и он тоже ушёл, чтобы быть с Богом и ангелами?

— Нет, он живой, — ответила она, едва переводя дыхание.

— Ой, как вы, наверное, рады! — завистливо сказала Поллианна. — Иногда я думаю, если бы я могла хоть разочек увидеть папу. А вы его видите, правда?

— Нечасто. Понимаешь, я здесь...

— Но вы сможете его увидеть, а я нет. Он ушёл, чтобы быть с мамой и всей нашей семьёй на небе. А мама у вас тоже есть? На земле?

— Д-д-да, — беспокойно отвечала девушка, поднимаясь, и как будто намереваясь уйти.

— Тогда вы можете видеть их обоих! — выдохнула Поллианна с нескрываемой тоской. — Вы, наверное, очень рады! Никто не заботится так, как мама и папа. Они замечают больше всех. Понимаете, у меня был папа почти до одиннадцати лет. А вместо мамы у меня была «Женская помощь», пока тётя Полли не взяла меня к себе. «Женская помощь» хорошая, но, конечно, не такая, как мама или даже как тётя Полли...

Поллианна продолжала, она любила говорить, и ей ни разу не пришло в голову, что некрасиво, или нехорошо, или неправильно рассказывать свою историю совершенно незнакомым людям. Для неё все мужчины, женщины и дети были просто друзьями, знала она их или нет. До сих пор она встречала незнакомых с таким же восторгом, как и знакомых, потому что от них всегда можно было ожидать чего-нибудь неизвестного и таинственного, пока они не станут знакомыми.

Поэтому она откровенно рассказывала про своего отца, про тётю Полли, про дом на Дальнем Западе и про путешествие в Вермонт. Она говорила о старых и новых друзьях и, конечно, о своей игре. Что же касается её собеседницы, она говорила очень мало. Однако апатия её прошла, девушка изменилась до неузнаваемости. Горящие щёки, нахмуренные брови, беспокойные глаза и нервное движение пальцев свидетельствовали о внутренней борьбе. Время от времени она с опаской поглядывала на дорожку, проходящую за спиной Поллианны. После одного из таких взглядов она вдруг схватила Поллианну за руку.

— Пожалуйста, посиди здесь ещё с минутку, не оставляй меня. Слышишь? Сиди на месте. Тот мужчина идёт сюда, но, что бы он ни говорил, не обращай внимания и ни в коем случае не уходи. Я останусь с тобой, понимаешь?

Не успела Поллианна удивиться, как прямо перед ней оказался красивый молодой человек.

— А, вот и ты, — приятно улыбнулся он девушке, приподнимая шляпу. — Боюсь, что должен

начать с извинений, я немного опоздал.

— Неважно, — торопливо ответила девушка. — Я... я решила не ходить.

Молодой человек слегка замялся.

— Да не сердись ты! Ну, немного опоздал...

— Нет, не в том дело, — возразила девушка, и лёгкая краска залила её щёки. — Я просто не пойду.

— Что за вздор? — он перестал улыбаться. — Вчера ты сказала, что пойдёшь.

— Да, помню, но я решила не ходить. Я обещала моей маленькой подружке, что останусь с ней.

— Ой, нет! Лучше идите с этим приятным джентльменом... — сердечно начала Поллианна, но девушка так на неё посмотрела, что она тут же замолкла.

— Я сказала, что не пойду.

— Помилуй, что за непостоянство? — проговорил молодой человек с таким выражением, что Поллианне он больше не казался красивым. — Вчера ты обещала...

— Да, обещала, — прервала его девушка, дрожа телом. — Но и тогда я знала, что не должна. Теперь я знаю это лучше. Вот и всё, — и она решительно отвернулась.

Но это было ещё не всё. Мужчина дважды пытался её звать, уговаривал, потом насмехался. В глазах его горели злые огоньки. Наконец он что-то зло и тихо сказал; Поллианна не поняла, что именно. В следующую минуту он повернулся и быстрыми шагами пошёл в сторону.

Девушка напряженно следила за ним, пока он не скрылся из виду, затем она расслабилась и положила трясущуюся руку на плечо Поллианне.

— Спасибо, крошка. Я обязана тебе больше, чем ты думаешь. До свидания.

— Вы не совсем уходите? — умоляюще проговорила Поллианна.

Девушка устало вздохнула.

— Я должна. Он может вернуться, и тогда я, может быть, уже не смогу устоять, — ответила она и поднялась на ноги. С минуту она постояла в нерешительности, потом проговорила: — Понимаешь, он из тех, кто слишком замечает... — с этими словами она исчезла.

— Какая интересная девушка! — пробормотала Поллианна, тоскливо провожая удаляющуюся фигурку. — Хорошая, но тоже не такая, как все, — заметила она, поднимаясь, и побрела по дорожке.

ДЖЕРРИ ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

Поллианна дошла до выхода из парка, где пересекались две улицы. Это был «ужасно интересный» перекрёсток, через который спешили машины, повозки, экипажи и пешеходы.

Огромная красная бутылка, стоявшая в окне аптеки, привлекла её внимание. Откуда-то доносились звуки шарманки. Остановившись на мгновение, Поллианна решительно перешла улицу и направилась в сторону восхитительной музыки.

Там оказалось много интересного. В окне магазина, на витрине, были необыкновенные предметы, а вокруг шарманки, когда она достигла её, плясали десятки детей. Всё это было так привлекательно, что она присоединилась к компании и некоторое время следовала за нею, чтобы смотреть, как танцуют дети. Неожиданно она очутилась на очень оживлённом перекрёстке, на котором стоял громадный мужчина в синей форме, подпоясанный широким ремнём, и помогал людям переходить через улицу. Она понаблюдала за ним, а потом стала нерешительно переходить улицу сама.

Здесь её ожидало новое приключение. Огромный мужчина в форме сразу заметил её и направился к ней. Через широкую полосу, где пытели моторами автомобили и нетерпеливо переминались лошади, она важно прошла к противоположной обочине и так обрадовалась, что через минуту отправилась обратно. Потом она перешла улицу ещё два раза. Это было очень интересно — путь открывался как по мановению волшебной палочки, стоило мужчине поднять руку. Но в последний раз, доведя её до обочины, он нахмурился и посмотрел на неё.

— Девочка, да я же тебя только что переводил! — строго сказал он. — И до этого, вроде бы, тоже...

— Да, сэр! — засияла Поллианна. — Это уже четвёртый раз!

— Четвёр... — начал было полицейский, но Поллианна продолжала:

— И каждый раз всё интереснее!

— О-о-о, вот оно что! — пробормотал он и, набравшись духу, прогремел: — Для чего, ты думаешь, я здесь? Водить тебя туда-сюда?

— Ох, нет, сэр, — заколебалась Поллианна. — Конечно, вы не только ради меня, ведь тут ещё так много других. Я знаю, для чего вы здесь. Вы полицейский. У нас есть один там, где я живу, у миссис Кэрю, только, знаете, он просто ходит по тротуару. Сначала я думала, что вы солдат, потому что у вас золотые пуговицы и синяя фуражка, но теперь я в этом получше разбираюсь. Только всё равно я думаю, что вы вроде солдата, потому что вы такой смелый — стоите здесь, прямо посреди всех этих машин, и помогаете людям.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся огромный мужчина, заливаясь краской, как школьник. — Ох-хо! И то верно. — Он замолчал, быстро подняв руку. В следующее мгновение он сопровождал испуганную пожилую женщину к противоположной обочине; шаги его стали немного твёрже и грудь больше выпятилась. Потом, пригласив властным жестом проезжать нетерпеливых водителей, он вернулся к Поллианне.

— Ох, как замечательно! — приветствовала она его. — Мне так нравится смотреть, как вы это делаете. Вот так Израиль пересекал Чермное море, правда? А вы придерживаете волны, пока люди перейдут. Должно быть, вы постоянно радуетесь, что можете это делать. Я всегда думала, что доктор — это самая радостная профессия, но теперь я подумала и решила, что быть полицейским ещё лучше. Стоять и помогать людям, которые боятся, и... — Но мужчина опять прервал её раскатистым смехом и опять оказался на середине улицы, оставив на обочине одну.

Ещё с минуту Поллианна наблюдала своё «Чермное море», затем, с сожалением оглянувшись, пошла вдоль улицы. «Наверное, мне уже пора домой, — размышляла она. — Наверное, пора ужинать». И она бодро зашагала в ту сторону, откуда пришла.

На нескольких перекрёстках она постояла в нерешительности и наугад сделала два неверных поворота. Тут она сообразила, что возвращаться не так-то легко. Перед ней выросло здание, которого она никогда раньше не видела, и она окончательно поняла, что заблудилась.

Улица была узенькая и замусоренная. Грязные многоквартирные кварталы и несколько непривлекательных магазинов тянулись по сторонам. Вокруг группами стояли какие-то мужчины и женщины, но ни одного слова из их разговора Поллианна понять не могла. Кроме того, она заметила, что все с любопытством её разглядывают, как будто знают, что она не отсюда.

Уже несколько раз она пыталась спросить, куда ей идти, но всё напрасно. Казалось, что никто не знает, где живёт миссис Кэрю. Последние два раза ей ответили какими-то непонятными словами; поразмыслив, она решила, что это голландский язык, как в семье Хеггерманов, которые жили в Белдингсвилле.

Поллианна шла и шла по одной улице, затем по другой, пока сильно не устала. Теперь она не на шутку испугалась. Ей хотелось есть, ноги болели, глаза застилали слёзы, которые она старалась сдержать. А ещё хуже было то, что начинало темнеть.

«Я должна быть рада, что потерялась, — всхлипнула Поллианна про себя, — будет так хорошо, когда я найдусь!»

На широком, оживлённом перекрёстке она остановилась в отчаянии. Слёзы уже невозможно было удержать, они хлынули потоком, и так как у неё не было носового платка, она вытирала их тыльной стороной обеих ладоней.

— Привет, крошка! Чего плачешь? — услышала она весёлый голос. — Что случилось?

Поллианна повернулась навстречу мальчику, который держал под мышкой пачки газет.

— Ой, я так рада, что встретила тебя! — воскликнула она. — Я так мечтала встретить кого-нибудь, кто не говорит по-голландски!

Мальчик улыбнулся.

— По-голландски? — усмехнулся он. — Ты, наверное, имела в виду испашек?

Поллианна слегка нахмурилась.

— Не знаю, только это не английский, — неуверенно проговорила она. — Они не могли ответить мне. Может быть, ты сможешь? Ты не знаешь, где живёт миссис Кэрю?

— Прямо сейчас!

— Что-о-о? — переспросила Поллианна ещё неуверенней.

Мальчик усмехнулся опять:

— Да я не знаю.

— Разве никто нигде её не знает? — умоляюще спросила Поллианна. — Понимаешь, я только пошла прогуляться и потерялась. Я давным-давно хожу, но никак не могу найти её дом, а уже время обедать, то есть ужинать, и темнеет. Я хочу вернуться. Я должна вернуться.

— Да уж, положеньице! — посочувствовал мальчик.

— И я боюсь, что миссис Кэрю тоже беспокоится, — вздохнула Поллианна.

— Чего беспокоиться-то? — неожиданно хихикнул мальчик. — Ладно, слушай. На какой она улице живёт?

— На такой... широкой, — тихо ответила Поллианна.

— Широкой? Вот это да! Мы почти у цели. А дом какой, ты хоть знаешь? Покопайся в голове!

— Покопаться в голове? — Поллианна вопросительно нахмурилась и робко подняла руку к волосам.

Мальчик одарил её презрительным взглядом.

— Да откуда ты взялась? Уж такого-то не сообразить! Я спрашиваю, ты знаешь номер дома?

— Н-нет... там есть семёрка, — ответила Поллианна с едва слышным вздохом.

— Семё-ёрка? — передразнил её мальчик.

— Ох, но дом-то я узнаю, как только увижу, — живо перебила Поллианна. — Узнаю даже улицу, потому что на ней такой красивый длинный сад прямо посередине.

На этот раз настала очередь мальчику хмуриться и думать.

— Сад? — переспросил он. — Посреди улицы?

— Да, деревья и трава, ты же знаешь, и тропинка посередине, и скамейки, и...

Мальчик прервал её радостным возгласом:

— Здорово свистишь! Коммонуэлс-стрит, как пить дать! Теперь — порядок! Ну, ты молоток!

— Ох, неужели ты знаешь? Ты в самом деле знаешь? — взмолилась Поллианна. — Да, звучит вроде бы так, только причём тут молоток? У меня его нет...

— Ладно, замнём, — усмехнулся мальчик. — Благодарю судьбу, что я знаю, где это. Как-никак, я отвожу сэра Джеймса в парк почти каждый день. И тебя тоже придётся отвести. Только ты поторчи здесь, пока я не справлюсь с работой, не продам этот выпуск. А уж потом мы отправимся на твой бульвар. Не успеешь чихнуть, будем там.

— Ты проводишь меня домой? — переспросила Поллианна, не совсем его понимая.

— Верное дело, если дом узнаешь.

— Ох, конечно, узнаю! — уверенно ответила Поллианна. — Но я не знаю, верное это дело или нет. Если нет, не мог бы ты...

Но мальчик опять одарил её презрительным взглядом и направился в гущу толпы. Через мгновение Поллианна услышала его резкий голос: «Газеты, газеты! «Вестник», «Новости», сэр, газеты!»

Со вздохом облегчения она отступила в сторонку и стала ждать. Она была усталой, но счастливой. Несмотря на всю неизвестность, она доверяла мальчику и была совершенно уверена, что он проводит её домой. «Он хороший, мне он нравится, — сказала она про себя, провожая глазами живую, энергичную фигурку. — Но он так потешно разговаривает. Будто по-английски, а иногда совсем непонятно. Во всяком случае, я очень рада, что он меня нашёл», — закончила она со вздохом облегчения.

Скоро мальчик вернулся с пустыми руками.

— Пошли! Все на палубу! — весело позвал он. — Отчаливаем в сторону бульвара. Если бы я был джентльменом, я бы тебя доставил домой в карете с колокольчиками, а так придётся нам телепать на своих двоих.

Большую часть пути они шли молча. Поллианна впервые в жизни слишком устала, чтобы говорить, даже про свою «Женскую помощь». Мальчик старался найти кратчайший путь. Когда они дошли до парка, она радостно воскликнула:

— Ох, теперь я почти что дома! Я помню это место. Я так приятно сегодня провела здесь время. Теперь совсем недалеко.

— Порядок! — бросил мальчик. — Что я говорил? Сейчас скостим, и выйдем прямо на твой бульвар, а там уж сама ищи дом.

— О, дом-то я найду, — заверила его Поллианна.

Было уже совсем темно, когда она поднялась по широким ступенькам. На звонок мальчика дверь быстро открылась, и Поллианна оказалась лицом к лицу не только с Мэри, но и с миссис Кэрю, Бриджет и Дженни. Все четыре женщины были бледны.

— Бедная, да где же ты была? — закричала миссис Кэрю, бросаясь вперёд.

— Я... я просто пошла погулять, — начала Поллианна. — Но я заблудилась, и этот мальчик...

— Где ты её нашёл? — прервала её миссис Кэрю, надменно поворачиваясь к проводнику, который с нескрываемым восхищением разглядывал комнату, поражающую своей роскошью. — Где ты нашёл её? — резко повторила она.

Сперва он бесстрашно выдержал её взгляд, потом немного смешался, хотя голос, когда он заговорил, звучал спокойно:

— Я нашёл её на северной окраине, мэм. Она не могла понять этих даго, и они не помогли ей.

— На северной окраине! Одна! Поллианна! — содрогнулась миссис Кэрю.

— Ох, я была не одна, миссис Кэрю, — поспешила Поллианна. — Там везде так много людей. Правда, мальчик?

Но мальчик, насмешливо улыбаясь, уже скрылся за дверью.

За следующие полчаса Поллианна услышала множество наставлений. Она узнала, что хорошей девочке не положено гулять одной в незнакомом городе, садиться в парке на скамейку и разговаривать с незнакомцами. Она узнала, какое «совершенно необыкновенное чудо», что она добралась до дому и не попала во множество, множество неприятных происшествий.

— Миссис Кэрю! — наконец, воскликнула Поллианна в полном отчаянии. — Я здесь, я не потерялась! Я могу радоваться, а не думать о том, чего не было.

— Да-да, возможно, возможно, — вздохнула миссис Кэрю. — Но ты меня очень напугала, и я хочу, чтобы ты запомнила, за-пом-ни-ла и никогда так больше не делала. Теперь — пошли, милочка. Ты, наверное, голодна.

Когда Поллианна ложилась спать, она пробормотала про себя: «Больше всего я жалею о том, что не спросила, как зовут этого мальчика и где он живёт. Теперь я даже не могу его поблагодарить».

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Прогулка с приключениями не осталась для Поллианны без последствий. За каждым её шагом теперь внимательно наблюдали, и ей было запрещено выходить из дому без Мэри или самой миссис Кэрю (конечно, школа в этот запрет не входила). Поллианна этим не тяготилась, ей нравились обе женщины, и она с радостью проводила с ними время. Даже миссис Кэрю, со всеми своими «что случится?!», прилагала все усилия, чтобы её развлечь.

Так и получилось, что с миссис Кэрю Поллианна стала ходить на концерты и дневные спектакли, побывала в библиотеке и в Музее искусств, а с Мэри они отправились на прогулку по Бостону.

Поллианне очень нравилось кататься на автомобиле, но трамваи понравились ей ещё больше, что, конечно, удивило миссис Кэрю.

— А мы на трамвае поедem? — радостно спросила Поллианна.

— Нет, нас повезёт Перкинс, — ответила миссис Кэрю, и, увидев неожиданное разочарование на лице Поллианны, с удивлением добавила: — В чём дело? Я думала, тебе нравится автомобиль.

— Да, да, — торопливо согласилась Поллианна, — и я бы ничего не сказала, конечно, потому что это гораздо дешевле, чем трамвай...

— Дешевле, чем трамвай? — воскликнула миссис Кэрю.

— Ну конечно! — широко раскрыв глаза, поясняла Поллианна. — Ведь трамвай стоит пять центов за человека, а автомобиль ничего не стоит, потому что он ваш. Да и вообще я люблю машины, — продолжала она, не давая миссис Кэрю возразить. — Разница в том, что в трамвае много людей, за ними интересно наблюдать. А? Правда?

— Не совсем, — сухо ответила миссис Кэрю, отворачиваясь в сторону.

Дня через два она случайно услышала от Мэри ещё кое-что о Поллианниних трамваях.

— Это очень забавно, мэм, — искренне объясняла Мэри. — Это просто необыкновенно, как Поллианна со всеми знакомится. Нет, она ничего не делает, совершенно ничего. Она просто радуется, и всё тут. Я сама видела, как она вошла в трамвай, все там раздражённые, дети хнычут, и через пять минут вы бы его не узнали. Взрослые перестали хмуриться, а дети забыли, как плачут. Иногда они просто слушают наши разговоры, а иногда она скажет «спасибо», если кто уступит нам место. Да-да, вы не представляете, нам всегда уступают место! А то она просто улыбнётся ребёнку или собачке. Собаки виляют хвостами, а все дети, большие и маленькие, улыбаются ей в ответ. Если мы задерживаемся, это просто комедия, а когда мы попадаем не в тот трамвай, это уж Бог знает что. С нею невозможно брюзжать, даже если ты в полном трамвае.

— Удивительно... — пробормотала миссис Кэрю, возвращаясь к себе.

Октябрь в этом году был необыкновенно тёплым. Золотые дни приходили и уходили, и скоро все поняли, что поспеть за маленькими ножками Поллианны просто невозможно. Это занимало так много времени, требовало столько терпения, что миссис Кэрю не позволяла больше Мэри тратить своё время на капризы и фантазии их питомицы (терпения она, конечно, не учитывала).

Держать ребёнка в доме в эти чудесные дни поистине жестоко, и вскоре Поллианна опять оказалась одна в «чудесном большом саду», как она называла общественный парк. Внешне она жила так же свободно, как раньше, но на самом деле была окружена высокой стеной запретов и правил.

Она не должна была разговаривать с незнакомыми мужчинами и женщинами, играть с незнакомыми детьми и ни при каких обстоятельствах выходить за пределы парка, если не идёт домой. Мэри, которая отводила её, должна была убедиться, что Поллианна знает дорогу и помнит, где Коммонуэлс-стрит пересекается с Арлингтон-стрит. Возвращаться домой она должна была, когда часы на церковной башне пробьют половину пятого.

Поллианна часто ходила в парк, иногда с кем-нибудь из школьных подруг, но в большинстве случаев одна. Несмотря на скучные запреты, она всегда находила развлечения. Она могла наблюдать за людьми, даже если и не заговаривала с ними; с белками и голубями говорила сколько угодно, а воробьи, жадно налетавшие на орешки, которые она скоро стала носить с собой, доставляли ей большое удовольствие.

Поллианна часто искала своих старых друзей, которых она встретила в тот первый день — мужчину, который был рад, что у него есть глаза, ноги и руки, и хорошенькую девушку, которая не захотела пойти с сердитым мужчиной. Но она их не находила. Довольно часто она видела мальчика на инвалидной коляске, и ей очень хотелось заговорить с ним. Мальчик тоже кормил птичек и белочек, и они были такими ручными, что голуби садились ему прямо на голову и на плечи, а белочки совсем скрывались в его карманах, добывая орешки. Но, наблюдая со стороны, Поллианна замечала одну странность: хотя мальчик всегда устраивал эти банкеты, запасы его сразу кончались. Каждый раз он неизменно выглядел расстроенным, как и белочки, но приносил столько же корма на следующий день. Поллианне это казалось непредусмотрительным.

Когда же мальчик не играл с птичками и белочками, он всегда читал. В его коляске лежали две-три истрёпанные книжки, а иногда — один или два журнала. Почти всегда Поллианна находила его на одном и том же месте, и ей было интересно, как же он туда попадает? В один прекрасный день она это узнала. Уроков не было, и она пришла в парк пораньше. Вскоре она увидела, что мальчика катит по дорожке курносый светловолосый парнишка. Она внимательно посмотрела тому в лицо и с радостным возгласом бросилась ему навстречу.

— Ох, это ты! Я тебя знаю, хотя и не знаю, как тебя зовут. Ты меня нашёл, помнишь? Ой, я так рада, что тебя встретила! Я так хотела поблагодарить тебя!

— Во здорово! Это та самая кроха с бульвара! — ухмыльнулся парнишка. — А что с тобой дальше было? Опять потерялась?

— О, нет! — воскликнула Поллианна, пританцовывая на цыпочках от неудержимой радости.

— Я не могу больше потеряться, потому что бываю только здесь. И я ни с кем не должна разговаривать. Но с тобой могу, потому что тебя я знаю, а потом я смогу и с ним, если ты нас познакомишь... — закончила она, бросив лучистый взгляд на мальчика в инвалидной коляске и выжидательно замолчала.

Светловолосый паренёк хихикнул и дёрнул плечом в сторону мальчика в кресле.

— Послушай её теперь, хочешь? Ах нет, подожди, пока я тебя представлю! — он принял

напыщенный вид. — Мадам, это мой друг сэр Джеймс...

Но мальчик в коляске прервал его.

— Джерри, прекрати свой вздор! — с досадой воскликнул он, а потом повернул к Поллианне улыбающееся личико. — Я уже много раз видел тебя здесь. Я видел, как ты кормила птичек и белочек, у тебя их так много всегда! Наверное, ты тоже больше всех любишь сэра Ланселота? Конечно, леди Ровена неплохая, но вчера она обидела Джиневвер, прямо из-под носа утащила её обед.

Поллианна заморгала и нахмурилась. Она переводила взгляд с одного мальчика на другого в совершенной растерянности. Джерри усмехнулся опять, а затем поставил коляску на обычное место и, повернувшись, пошёл обратно, через плечо бросив Поллианне:

— Если чем могу помочь, дай мне знать! Он не пьяный и не чокнутый. Это просто клички, вот ихние, — и он махнул рукой в сторону пушистых и крылатых существ, торопящихся к ним со всех сторон. — Даже не людские имена, просто из книг. Теперь врубилась? Он лучше покормит их, чем себя. Одно слово, чудак. Вот так, сэр Джеймс, — добавил он, скорчив гримасу мальчику в коляске. — А теперь — вперёд, а то к вечеру тебе ничего не останется. Пока! — и он исчез.

Поллианна всё ещё смущённо моргала, когда мальчик повернулся к ней с улыбкой.

— Ты не должна обижаться на Джерри. Ради меня он жизнь положит. Он просто любит шутить. А где ты его встречала? Он никогда про тебя не рассказывал.

— Меня зовут Поллианна Уиттиер. Я заблудилась, а он меня нашёл и привёл домой, — ответила Поллианна всё ещё в замешательстве.

— Да, это на него похоже, — кивнул мальчик. — Ведь это он привозит меня сюда каждый день.

В глазах Поллианны моментально загорелось сочувствие.

— Ты совсем не можешь ходить, с-сэр Джеймс?

Мальчик весело рассмеялся:

— Ну, какой там сэр! Это он меня так называет. Я совсем не сэр.

Поллианна выглядела совершенно расстроенной:

— Ты не сэр? И... и не лорд?

— Конечно, нет!

— Ох, а я надеялась, что ты как маленький лорд Фаунтлерой... — продолжала Поллианна.

Но мальчик живо перебил её:

— Ты знаешь маленького лорда Фаунтлероя? И сэра Ланселота, и Святой Грааль, и короля Артура, и его Круглый стол, и леди Ровену, и Айвенго? Да?

Поллианна с сомнением покачала головой.

— Нет, всех я, наверное, не знаю, — призналась она. — А они из книг?

Мальчик кивнул.

— У меня они здесь, некоторые, конечно, — сказал он. — Я всё время про них читаю. Да и других у меня нет, это были папины. Ах ты, маленький мошенник, прекрати сейчас же! — рассмеялся он, глядя на бельчонка с пушистым хвостом, который, прижавшись к его ногам, старался просунуть носик в карман. — Наверное, пора их покормить, а то они попытаются съесть нас. Это сэр Ланселот. Он всегда первый!

Непонятно откуда мальчик вытащил маленькую картонную коробку, осторожно открыл её, охраняя от зорких маленьких глазок, которые следили за каждым его движением. Вокруг него хлопали крылья, ворковали голуби, требовательно чирикали воробьи. Сэр Ланселот, весь — внимание и нетерпение, пристроился на подлокотнике коляски. Другой гость с пушистым хвостом, менее смелый, сидел немного поодаль на задних лапках. Третий шумно болтал на соседней ветке.

Из коробки мальчик достал пять орехов, маленькую булочку и пончик. На пончик он смотрел голодными глазами, но съесть его не решился.

— А ты принесла что-нибудь? — переведя на Поллианну взгляд, спросил он.

— Да, да! — кивнула Поллианна, похлопывая по бумажному пакету.

— Тогда, наверное, это я съем, — вздохнул мальчик, пряча пончик в коробку с явным облегчением.

Поллианна, которой значение этого поступка было совершенно непонятно, запустила руку в свой пакет, и пир начался.

Для Поллианны это был самый прекрасный час — она нашла того, кто мог говорить быстрее и дольше, чем она сама. Станный мальчик знал несметное множество историй об отважных рыцарях и феях, о турнирах и сражениях. Мало того, он так живо всё описывал, что Поллианна собственными глазами видела вооружённых рыцарей и пышнокудрых фей в воздушных платьях, усыпанных алмазами, хотя смотрела на стайки ластивых птиц, на резвых белочек и на зелёную траву, залитую яркими лучами осеннего солнца.

«Женская помощь» была забыта, что там — даже игра в радость. Пылая щеками и сверкая глазами, путешествовала она по древним замкам, а вёл её удивительный мальчик, который (она об этом не знала) старался вместить в короткий час бесчисленные, томительные дни одиночества.

Когда прозвучал колокол, который торопил Поллианну домой, она вдруг вспомнила, что так и не спросила его имя. «Одно я только знаю, что он не сэр Джеймс, — вздохнула она, поморщившись от досады. — Ну ничего, я могу спросить завтра».

ДЖЕМИ

Наступило «завтра», и, выглянув в окошко, Поллианна увидела, что идёт дождь. Это значило, что в парк она не пойдёт. На следующий день дождь тоже шёл, а на третий она не увидела своего нового друга. Солнышко было ярким и тёплым и она, пораньше отправившись в парк, всё выглядывала и поджидала, но мальчик не появился. Только на четвёртый день он был на своём обычном месте, и Поллианна бросилась к нему:

— Ой, я так рада! Где же ты был вчера? Ты совсем не приходил?

— Я не мог, из-за болей, — объяснил мальчик.

— Из-за болей? У тебя что-то болит? — с волнением спросила Поллианна, и в глазах её отразилось неподдельное сочувствие.

— Да, — весело и просто кивнул мальчик. — Обычно я могу терпеть и даже приезжать сюда, но иногда уж совсем плохо.

— Как же ты терпишь постоянные боли? — прошептала Поллианна.

— Куда же я их дену? — ответил мальчик, широко раскрыв глаза. — То, что есть, никуда не денешь, приходится мириться. Да и кроме того, чем сильнее болит один день, тем приятнее назавтра, что уже не так тяжело, а полегче.

— Я знаю! Это как... — начала было Поллианна, но мальчик прервал её.

— У тебя много еды? — с надеждой спросил он. — Понимаешь, я ничего им сегодня не принёс. Джерри не смог даже пенни истратить на орешки. Да и в моей коробке не хватит даже для меня.

Поллианна очень удивилась.

— Тебе не хватит еды?

— Ну конечно! — улыбнулся мальчик. — Ты не горюй! Это не первый раз, да и не последний, я уже привык. Привет! Вот и сэр Ланселот пожаловал.

Однако Поллианна не могла думать про белок.

— А разве дома больше ничего не было?

— Нет, дома никогда ничего не остаётся, — засмеялся мальчик. — Понимаешь, мама работает, ну, лестницы убирает, стирает, и её там кормят. Джерри тоже кое-что перепадает, а вечером и утром он ест вместе с нами, если у нас что найдётся.

Поллианна буквально остолбенела.

— А что ты делаешь, когда совсем нечего есть?

— Остаюсь голодным.

— Я никогда не слышала, чтобы у кого-то не было еды! — прошептала Поллианна. — Мы с папой, конечно, были бедными, приходилось есть бобы и рыбные тефтели, когда нам хотелось индюшатины. Почему ты никому не скажешь? Ведь можно сказать людям, которые живут вокруг в этих домах?

— А что пользы?

— Они тебе обязательно что-нибудь дадут!

Мальчик опять рассмеялся, но на этот раз смех прозвучал как-то странно.

— Ты не понимаешь... Никто не разбрасывается бифштексами и тортами. Да и если не голодаешь, то никогда не оценишь того, что иногда перепадёт. Нечего будет записать на Листочки радостей.

— Куда?

Мальчик смущённо засмеялся и густо покраснел:

— Я просто забыл на минуту, что ты не Джерри и не мама.

— Что это за листочки? — умоляюще повторила Поллианна. — Пожалуйста, расскажи мне. А там тоже есть Рыцари, принцессы и сеньоры?

Мальчик покачал головой. Глаза его перестали смеяться, потемнели и стали задумчивыми.

— Я бы хотел, чтоб они там были... — тоскливо вздохнул он. — Когда не можешь даже ходить, не можешь выигрывать битвы и отбивать трофеи, не можешь преподнести принцессе свой меч и заслужить золотые награды... — глаза его вспыхнули, грудь выпрямилась, словно в ответ на призывный звук трубы, но так же внезапно огонь потух и мальчик откинулся назад. — Ничего не делать просто невозможно, — устало продолжал он. — Сидишь-сидишь и думаешь-думаешь, и иногда становится совсем плохо. Во всяком случае, у меня так бывает. Я хотел бы пойти в школу и учиться, мама не всему может научить. Я об этом часто думал. Хотел бы бегать, играть в мяч с другими мальчиками, об этом я тоже думаю. Хотел бы пойти по улицам и продавать газеты вместе с Джерри... и об этом я думаю. Не хотел бы, чтобы обо мне всю мою жизнь кто-то заботился. Вот такие у меня мысли.

— Я знаю, ох, я знаю! — выдохнула Поллианна, и глаза её засияли. Ведь я тоже не могла ходить!

— Ты? Тогда ты кое-что поймёшь. Но ты опять ходишь, а я... — вздохнул мальчик, и глаза его стали ещё грустнее.

— Ты ещё не рассказал мне о своих листочках! — взмолилась опять Поллианна.

Мальчик заёрзал и смущённо засмеялся.

— Знаешь, это только для меня имеет значение. Тебе будет неинтересно. Я начал их год назад. В тот день я чувствовал себя очень плохо, всё шло наперекосяк. Некоторое время я ворчал и думал, потом взял одну из папиных книжек и стал читать. И увидел эпитафию. Потом я его выучил наизусть, даже могу декламировать. «Удовольствий гораздо больше там, где их не видно. Нет ни одного листа, который упал бы на землю, не содержа в себе радостей тишины или звука». Ну, в общем, я затосковал. Хотел бы я поместить того, кто писал эти слова, на моё место! Я разозлился и решил доказать, что он сам не знает, о чём говорит. Тогда-то я и стал искать радости в моих листочках. Я взял старенькую записную книжку, которую Джерри как-то мне подарил, я решил записывать всё, в чём я находил хоть что-нибудь хорошее. Потом я решил посчитать, сколько же у меня радостей.

— Да, да! — воскликнула Поллианна в восторге, когда мальчик остановился, чтобы перевести дыхание.

— Знаешь, по правде сказать, я ожидал, что их будет мало, но представляешь? Вышло много! Почти во всём мне хоть что-нибудь, да нравилось. Самое первое — листочки, на которых я мог писать. Потом кто-то подарил мне цветок в горшочке, и Джерри нашёл замечательную книгу в метро. Мы стали их искать. Иногда я их находил в очень странных местах! Однажды Джерри попались на глаза листочки, и он узнал, что это такое. Ну, вот и всё.

— Всё! Всё! — закричала Поллианна. — Так ведь это же игра. Ты играешь в игру и не знаешь об этом! Только ты играешь в неё намного лучше, чем я! Представляешь, я бы ни за что не смогла играть, если бы... если бы у меня не было еды, и я бы не могла совсем ходить или... — ей сдавило горло.

— Игра? Какая игра? — нахмурился мальчик.

Поллианна захлопала в ладоши.

— Конечно, ты не знаешь! В том-то и дело! Поэтому это так чудесно и так... так прекрасно! Послушай, я расскажу тебе, что это за игра.

И она ему всё рассказала.

— Вот так история! — выдохнул он, когда она закончила.

— Ты играешь в мою игру гораздо лучше. А я ещё и не знаю, как тебя зовут, — воскликнула Поллианна с благоговейным страхом, — и вообще, про твою жизнь...

— Тут нечего и знать, — ответил мальчик, пожимая плечами. — Да и кроме того, посмотри, сэр Ланселот и все остальные не дождутся обеда.

— Ох, и правда, — вздохнула Поллианна, посмотрев на нетерпеливо прыгающих, порхающих и стрекочущих тварей. Она беспечно перевернула свой пакет вверх дном. — Ну вот, — сказала она, — пускай едят, а мы с тобой поговорим. Я так много хочу узнать! Прежде всего, как тебя зовут? Я знаю только одно, что ты не сэр Джеймс.

Мальчик улыбнулся:

— Это Джерри так меня зовёт. Маменька и все остальные зовут меня Джемми.

— Джемми! — у Поллианны перехватило дыхание. — А маменька — это твоя мама?

— Конечно!

Поллианна вдруг расслабилась. Лицо её сразу опало. Если у этого Джемми есть мать, то он, конечно, не может быть тем Джемми, у того мама умерла.

— А где ты живёшь? — допытывалась она. — Есть кто-нибудь ещё в вашей семье, кроме тебя, твоей мамы и... и Джерри? Ты всегда приходишь сюда, каждый день? Можно мне посмотреть листочки? Не говорил тебе доктор, что ты когда-нибудь будешь ходить? Когда это случилось, ну, с ногами? А откуда ты взял коляску?

Мальчик усмехнулся:

— Ты, хочешь, чтобы я на всё сразу тебе ответил? Начну с последнего вопроса и пойду в обратном порядке, если по пути не забуду чего-нибудь. Коляску я получил год назад. Джерри узнал одного журналиста, ну, знаешь, они пишут статьи в газетах. Он написал обо мне, что я не могу ходить, и какие-то люди притащили эту коляску. Прочитали про меня и захотели, чтоб у меня была коляска.

— Вот это да! Ты, наверное, обрадовался.

— Да, конечно. Целый листочек исписал.

— Разве ты никогда не сможешь ходить?

— По-видимому, нет...

— Ох, так и мне говорили, а потом меня послали к одному доктору, я пробыла там почти год, и он поднял меня на ноги. Может быть, и ты так? Может быть, он тебя вылечит?

Мальчик печально покачал головой.

— Нет, не вылечит... Да я и не могу туда попасть, это слишком дорого. Просто я должен смириться, что никогда не смогу ходить. Ладно, не огорчайся. — Мальчик нетерпеливо закинул голову. — Я стараюсь об этом не думать. Ты же знаешь, как бывает, когда... когда начнёшь о чём-нибудь думать...

— Конечно-конечно, я понимаю, а сама заговорила об этом! — с раскаянием воскликнула Поллианна. — Ты играешь в игру гораздо лучше меня. Ну, продолжай. Ты ещё и половины не рассказал. Где ты живёшь? Сколько у тебя братьев и сестёр? Только Джерри?

Мальчик улыбнулся, глаза его заблестели.

— Да. Впрочем, он мне не настоящий брат. Он даже совсем и не родственник, и маменька тоже не родственница. Только подумай, как они добры ко мне!

— Что ты сказал? — насторожилась Поллианна. — Твоя... маменька тебе совсем не мама?

— Нет, и вот поэтому...

— У тебя нет родной матери? — прервала его Поллианна, всё больше волнуясь.

— Нет, я не помню мамы, а папа умер шесть лет назад.

— Сколько тебе было лет?

— Не знаю. Я был ещё маленький. Маменька говорит, мне было, наверное, лет шесть, когда они меня взяли.

— И тебя зовут Джеми? — Поллианна затаила дыхание.

— Ну да, я же тебе сказал.

— А как твоя фамилия? — с надеждой и страхом спросила Поллианна.

— Я не знаю.

— Не знаешь?

— Не помню. Наверное, я был слишком маленький. Даже Мерфи не знают. Они всегда звали меня только Джеми.

Поллианна очень огорчилась, но через мгновение какая-то мысль смахнула тень с её лица.

— Ну тогда, раз ты не помнишь своей фамилии, нельзя сказать, что твоя фамилия — не Кент! — воскликнула она.

— Кент? — удивлённо повторил мальчик.

— Да! — начала Поллианна в сильном волнении. — Понимаешь, был такой мальчик, Джеми Кент, и он... — вдруг она остановилась и прикусила губу. Ей вдруг пришло на ум, что лучше ничего сейчас не говорить. Нужно полностью убедиться, прежде чем подавать надежду, а то получится, что вместо радости она принесёт ему ещё больше разочарования и печали. Она не забыла, как сильно был расстроен Джимми Бин, когда пришлось сообщить ему, что он не нужен «Женской помощи», да и потом, когда мистер Пендлтон не захотел сначала взять его к себе; и твёрдо решила, что не будет повторять той же ошибки в третий раз. Поллианна быстро приняла безразличный вид, чтобы обойти этот самый опасный вопрос и сказала:

— Ну, это всё неважно. Расскажи лучше о себе.

— Да тут и рассказывать нечего, — смутился мальчик. — Говорят, папа был странный и никогда не разговаривал. Никто даже не знает, как его звали. Все его называли просто «профессор». Маменька говорит, что он жил со мной в маленькой задней каморке на самом верхнем этаже в Лоуэлле, где и они раньше жили. Они тогда были бедные, но не такие, конечно, как сейчас. Тогда ещё отец Джерри был жив и работал.

— Продолжай, продолжай, — настаивала Поллианна.

— Ну, а маменька говорит, что мой отец часто болел, становился всё слабее и, когда ему стало совсем плохо, они взяли меня к себе. Я ещё немного ходил, но у меня ноги и тогда были слабые. Я играл с Джерри и маленькой девочкой, она потом умерла. Когда папа умер, у меня никого не осталось, и меня хотели сдать в детский дом, но маменька говорит, что мы с Джерри привязались друг к другу, и они решили меня оставить. Девочка тогда как раз умерла, и они сказали, что я буду вместо неё. Вот я у них и живу. С тех пор я чувствую себя намного хуже, да и отец у Джерри умер, они теперь очень бедные. Но они всё равно меня держат. Вот это доброта, верно?

— Да, да! — воскликнула Поллианна. — Но они получают свою награду! Я точно знаю, Господь воздаст им! — Поллианна трепетала от восторга. Последние сомнения исчезли. Она нашла пропавшего Джеми, в этом она была уверена! Но говорить ещё нельзя. Прежде всего, надо увидеть миссис Кэрю. А потом, потом... Даже Поллианна не могла вообразить, как обрадуются потерянный Джеми и миссис Кэрю.

Чтобы скрыть волнение, она слегка подпрыгнула навстречу сэру Ланселоту, который как раз вернулся и ткнул мордочкой ей в ноги, надеясь получить ещё орешков.

— Теперь мне пора, но завтра непременно приду. Может быть, я приведу с собой одну женщину, очень хорошую. Ведь ты придёшь завтра? — спросила она с трепетом.

— Конечно, если нужно. Джерри привозит меня сюда почти каждое утро. Он подстраивается так, чтобы успеть, а я приношу с собой обед и сижу здесь до четырёх. Джерри очень добрый.

— Да, да, — кивнула Поллианна. — Может быть, ты ещё кого-нибудь найдёшь, кто будет добр к тебе! — прибавила она и с этими загадочными словами убежала.

ПЛАНЫ И ЗАМЫСЛЫ

По пути домой Поллианна составляла радостные планы. Завтра во что бы то ни стало миссис Кэрю должна пойти с ней в парк. Как это преподнести, Поллианна не знала, но решила твёрдо.

Сказать миссис Кэрю, что она нашла Джеми, ей не хотелось. Могло случиться, что он совсем и не тот Джеми, а вселить ложную надежду ужасно. Поллианна знала от Мэри, что миссис Кэрю несколько раз была в совершенном отчаянии, когда ей кого-то показывали, и она находила, что это не сын её умершей сестры. Словом, говорить нельзя, надо просто повести миссис Кэрю в парк. «Как же её уговорить? Ничего, что-нибудь придумаю», — решила она, радостно подходя к дому.

Как обычно и бывает, на следующий день её планы нарушила гроза — достаточно было выглянуть за дверь, чтобы понять, что ни о какой прогулке мечтать не придётся. Мало того, ни в этот день, ни на завтра тучи не рассеялись, и Поллианна тоскливо ходила от окна к окну,

посматривая на небо и спрашивая окружающих:

— Вам не кажется, что уже чуть-чуть проясняется?

Такое её поведение было совершенно необычно, а постоянные вопросы — так надоедливы, что, в конце концов, миссис Кэрю потеряла терпение.

— Ради Бога, в чём дело? — воскликнула она. — Я не знала, что тебя может мучить погода! Где же твоя игра в радость?

Поллианна смутилась и покраснела.

— Простите, я забыла про игру, — призналась она. — Конечно, и здесь я могу быть рада, если только хорошенько поищу. Я могу быть рада, что... что когда-нибудь дождь перестанет. Конечно, Бог сказал, что не пошлёт больше потоп. Но понимаете, я очень хотела, чтобы сегодня была хорошая погода.

— Почему именно сегодня?

— Ох, просто... просто я хотела пойти в парк. — Поллианна изо всех сил старалась говорить беззаботно. — Я думала, может быть, вы тоже пойдёте со мной.

— Я? — переспросила миссис Кэрю, слегка приподнимая от удивления брови. — Нет, не думаю.

— Вы... вы же не откажетесь? — взмолилась Поллианна.

— Откажусь.

Поллианна проглотила комок, стоящий в горле, и сильно побледнела.

— Миссис Кэрю, пожалуйста, пожалуйста, только не говорите, что вы не пойдёте, когда наступит хорошая погода! — умоляла она. — Понимаете, я по очень веской причине не хочу вам говорить, но пойдите со мной, только один раз!

Миссис Кэрю нахмурилась. Она только раскрыла рот, чтобы сказать «хватит», но в умоляющих глазах увидела что-то такое, что с губ её слетели совершенно другие слова:

— Ну хорошо, хорошо, капризуля, пусть будет по-твоему. Я обещаю пойти, но и ты обещаю мне, что не подойдёшь больше к окну целый час и ни разу не спросишь сегодня о том, прояснилась ли погода.

— Да, конечно, спрошу, то есть не спрошу, — запуталась Поллианна. А потом словно яркий луч света проник через окно, радостно закричала: — Как вы думаете?.. Ох! — остановилась она и бросилась бежать из комнаты.

На следующее утро небо прояснилось. Солнце ярко светило, но стоял пронизывающий холод, а после обеда, когда Поллианна вернулась из школы, подул колючий ветер. Невзирая на все протесты, она настаивала на том, что день очень прекрасный и она будет очень горевать, если миссис Кэрю не пойдёт с ней в парк.

Как и можно было предположить, пошли они туда зря. Нетерпеливая женщина и чего-то ищущая девочка, дрожа от холода, торопливо ходили по тропинкам. Не обнаружив своего друга на обычном месте, Поллианна тщетно обследовала все уголки и закоулки. Наконец, сильно продрогшая и раздражённая, миссис Кэрю настояла на том, чтобы они вернулись домой. Поллианне пришлось согласиться.

Наступили безрадостные дни. То, что для неё было почти вторым потопом, для миссис Кэрю было «обычным осенним дождём». Стояла сырость, навис туман, то моросило, то лило. Если случался солнечный денёк, Поллианна отправлялась в парк, но напрасно — Джеми не появлялся. Уже была середина ноября, парк выглядел унылым и заброшенным. Деревья стояли голые, скамьи — пустые. На пруду не было больше ни единой лодки. Правда, белочки и голуби оставались на месте, и воробьи не унимались, но кормить их скорее было печально, чем радостно. Когда сэр Ланселот щеголевато помахивал хвостом, Поллианна вспоминала о мальчишке, который дал ему эту кличку, а сам не появлялся.

— Подумать только, я даже не узнала, где он живёт! — снова и снова вздыхала она про себя. — А ведь он и есть Джеми, я знаю, это Джеми. Теперь мне придётся ждать и ждать, пока не придёт весна. Тогда, может быть, меня уже здесь и не будет... Ох, беда! Ну что же делать? Ведь я совершенно уверена, что это Джеми!

В один из таких мрачных дней случилось чудо. Проходя по верхнему коридору, Поллианна услышала раздражённые голоса возле парадной двери. Один из них она узнала, то был голос Мэри, а другой... другой...

Другой голос, говорил:

— Да нет, я совсем не попрошайка! Пустите меня, я должен увидеть Поллианну! У меня к ней поручение от... от сэра Джеймса. Пожалуйста, позовите её, если вам не трудно!

Поллианна повернулась и бросилась вниз по лестнице.

— Ой, я здесь! Я здесь! Я бегу! — крикнула она, задыхаясь. — Что случилось? Джеми тебя послал?

Она распростёрла руки и едва не обняла мальчишку, но Мэри с возмущением остановила её:

— Мисс Поллианна, мисс Поллианна! Вы знаете этого попрошайку?

Мальчик вспыхнул от возмущения, но, прежде чем он успел раскрыть рот, Поллианна встала на его защиту.

— Он совсем не попрошайка! Он один из моих самых лучших друзей. Это тот самый мальчик, который нашёл меня, когда я потерялась, и привёл домой! — и, повернувшись к нему, она нетерпеливо спросила: — Что случилось? Джеми прислал тебя?

— Ну конечно. Уже месяц, как он совсем слёг.

— Слёг? — растерянно повторила Поллианна.

— Он заболел, а теперь хочет тебя видеть. Ты пойдёшь?

— Заболел? Ох, как жаль! — простонала Поллианна. — Конечно, пойду. Только возьму пальто и шляпку.

— Мисс Поллианна! — неодобрительно проговорила Мэри. — Разве миссис Кэрю позволит вам идти неизвестно куда с незнакомым мальчишкой?

— Он знакомый! — возразила Поллианна. — Я его давно знаю, и я должна пойти. Я...

— Что всё это значит? — вдруг прозвучал голос миссис Кэрю из дверей гостиной. — Поллианна, что это за субъект, и что ему здесь надо?

Поллианна резко повернулась и воскликнула:

— Ой, миссис Кэрю, вы позволите мне идти, правда?

— Куда?

— Повидать моего брата, мэм, — торопливо вступил в разговор мальчик, стараясь быть очень вежливым. — Он не может ходить, и он не давал мне покоя, пока я не схожу за нею, — он дёрнул головой в сторону Поллианны. — Он всё время говорит о ней и вздыхает.

— Ну, можно мне идти? Можно? — взмолилась Поллианна.

Миссис Кэрю нахмурилась:

— Пойти с этим мальчиком, тебе? Конечно, нет! Я думаю, у тебя хватит соображения хоть чуть-чуть подумать.

— Лучше бы вы тоже пошли! — начала Поллианна.

— Я? Нет, ты ненормальный ребёнок! Это просто невозможно! Дай ему денег прямо здесь, если хочешь, но...

— Спасибо, мэм, я не за деньгами пришёл, — ответил мальчик и глаза его загорелись недобрым огнём. — Я пришёл за ней.

— Миссис Кэрю, я забыла сказать, это Джерри, Джерри Мерфи, тот самый мальчик, который нашёл меня и привёл домой, — заторопилась Поллианна. — Теперь вы позволите?

Миссис Кэрю покачала головой:

— Поллианна, об этом не может быть и речи.

— Но он сказал, что Дже... другой мальчик болен и хочет меня видеть.

— Ничем не могу помочь.

— Я его очень хорошо знаю, миссис Кэрю. Правда, знаю. Он читает книжки, интересные, хорошие книжки, о всяких рыцарях, о принцессах, и он кормит птичек и белочек, называет их по именам... Но он не может ходить и у него мало еды, часто он совсем голодный, — убеждала её Поллианна. — Он играл в мою игру целый год и сам того не знал. Он играет в неё гораздо лучше, чем я. Я ищу его много, много дней. Правда, миссис Кэрю! Я должна его повидать. — Поллианна почти заплакала. — Я не могу опять потерять его!

— Поллианна, какой вздор! Я просто поражаюсь! У меня не укладывается в голове, что ты так упрямишься. Никуда я тебя не пущу. Пожалуйста, я не хочу больше ничего слышать.

Лицо у Поллианны резко изменилось. Она подняла голову, в глазах её отразились ужас и решительность. Подойдя к миссис Кэрю, она прямо посмотрела на неё и дрожащим от волнения и отчаяния голосом начала:

— Тогда я вам всё расскажу. Я не хотела, пока совсем не буду уверена. Я думала, будет лучше, если вы его увидите. Но теперь у меня нет выхода и я должна сказать. Я думаю, миссис Кэрю, что это Джеми.

— Джеми? Мой Дж-Джеми?! — миссис Кэрю мгновенно побелела.

— Да.

— Это невозможно!

— Я понимаю, но его зовут Джеми, другого имени он не знает и фамилии не знает. Отец его умер, когда ему было шесть лет, а мать он не помнит. Он думает, что ему сейчас двенадцать лет. Эти люди взяли его, когда его отец умер. Тот был странный, никому не говорил своей фамилии, и...

Но миссис Кэрю жестом остановила её. Она стала ещё бледнее, но глаза её вдруг вспыхнули.

— Мы сейчас же пойдём, — сказала она. — Мэри, вели Перкинсу подать машину как можно скорее. Поллианна, надень пальто и шляпку. Мальчик, подожди здесь, пожалуйста. Мы сейчас же поедem с тобой. — В следующую минуту она торопливо бежала вверх по лестнице.

Оставшись один, мальчик перевёл дыхание.

— Вот здорово! — тихонько пробормотал он. — То вообще не пускала, а теперь поедem на настоящем автомобиле! Посмотрим, что на это скажет сэр Джеймс.

В БЕДНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Шумно рыча и пытя, машина миссис Кэрю проехала с Коммонуэлс-стрит, свернула на Арлингтон-стрит и поехала дальше. В ней сидели девочка с радостными, сияющими глазами и чопорная бледная женщина. Впереди, рядом с совершенно обескураженным водителем, сидел Джерри, который указывал дорогу. Он чувствовал себя невероятно важной личностью, и гордость просто распирала его.

Лимузин остановился напротив низкой двери в узеньком, грязном проулочке. Мальчик спрыгнул на землю и стал изображать напыщенного лакея, за которым часто наблюдал. С низким поклоном открыв дверцу машины, он застыл в ожидании.

Поллианна, выпорхнувшая из машины первая, широко раскрыла глаза. Она молча оглядывалась вокруг. Позади неё показалась миссис Кэрю. Взгляд её мгновенно охватил грязь, убожество, оборванных детей, которые выползли, визжа и болтая, из мрачных барачков и в мгновение ока окружили автомобиль; и её передернуло от отвращения.

Джерри сердито замахал руками.

— Сейчас же убирайтесь! — закричал он весёлой толпе. — Это не бесплатное кино! Чего уставились? Живо отсюда, нам нужен проход! Это гости к Джеми!

Миссис Кэрю передёрнуло опять, она положила дрожащую руку на плечо Джерри.

— Здесь? Не может быть! — и она отшатнулась. Мальчик не слушал. Ожесточённо прокладывая путь, он не жалел пинков и толчков, пуская в ход крепкие кулаки и локти. Не успела миссис Кэрю что-либо сообразить, как оказалась вместе с ним и Поллианной у подножия ветхой лестницы в тусклом вонючем подъезде.

— Подожди! — хрипло попросила она. — Запомните, ни один из вас не должен произнести ни слова о... о том, что это — тот мальчик, которого я ищу. Я должна сначала его увидеть и задать некоторые вопросы.

— Ну конечно! — согласилась Поллианна.

— Я — за! — кивнул Джерри. — Я уйду, чтобы не мешать. Теперь осторожно ступайте, эти ступеньки — все в дырах, да и дети вечно спят на них. А лифт у нас не работает, — весело добавил он. — Идти — на самый верх.

Миссис Кэрю обнаружила, что поломанные доски ужасно скрипят и угрожающе прогибаются под её дрожащими ногами. Она увидела и ребёнка — двухлетнюю девочку, которая играла с пустой жестяной банкой на грязной верёвке, спуская ту со второго этажа и опять вытягивая вверх. Двери все были широко открыты, из них дерзко или робко выглядывали женщины и взъерошенные, чумазные дети. Откуда-то доносились жалобный плач младенца и площадная ругань пьяного мужчины. Пахло самогоном и кислой капустой.

На четвёртом этаже, который был последним, мальчик остановился перед закрытой дверью.

— Интересно, что скажет сэр Джеймс, когда увидит, какой подарок я принёс? — прошептал он тихим голосом. — Я знаю, что маменька сделает, она тут же начнёт плакать. — Он широко распахнул дверь с весёлым возгласом: — А вот и мы! На настоящем автомобиле! Понятно, сэр Джеймс?

В крохотной, пустой, холодной, но очень чистой комнатке не пахло ни самогоном, ни капустой. Стояли здесь две кровати, три сломанных стула, жиденький столик и печка, бросающая тусклый отблеск света, но явно не дающая тепла. На одной из кроватей лежал мальчик. Глаза и щёки его горели. Возле него сидела худенькая бледная женщина, вся согнутая и скорченная от ревматизма.

Миссис Кэрю вошла в комнату и, чтобы не упасть, прислонилась спиной к стене. С минуту она молчала. Поллианна бросилась вперёд с тихим возгласом, а Джерри сказал:

— Извините, я должен идти, до свидания! — и исчез за дверью.

— Ох, Джеми, я так рада, что нашла тебя! — восклицала Поллианна. — Ты не представляешь, как я тебя искала. Как жалко, что ты болеешь!

Джеми радостно улынулся и протянул тонкую худую руку.

— А я рад, — значительно выговорил он, — что ты пришла ко мне. Да мне и лучше. Маменька, это та самая девочка, которая рассказала мне про игру в радость. Маменька теперь тоже играет. — Он снова повернулся к Поллианне. — Раньше она плакала, потому что у неё сильно болит спина и не даёт ей ходить. А потом, когда мне стало хуже, она стала радоваться, что ей не надо идти на работу, можно оставаться со мной.

Миссис Кэрю подалась вперед. Глаза её с жадной и страхом остановились на бледном личике несчастного мальчика.

— Это миссис Кэрю, — представила Поллианна слегка дрожащим голосом. — Я привела её, чтобы познакомить с тобой, Джеми.

Маленькая скрюченная женщина с трудом поднялась на ноги и нервно предложила стул. Миссис Кэрю, не глядя, села. Её глаза тщательно изучали мальчика.

— Тебя зовут Джеми? — спросила она с большим трудом.

— Да, мэм, — глаза его смотрели прямо в её глаза.

— А как твоя фамилия?

— Я не знаю.

— Он не ваш сын? — миссис Кэрю повернулась к маленькой скрюченной женщине, которая всё ещё стояла возле кровати.

— Нет, мэм.

— И вы не знаете его фамилии?

— Нет, мэм, я никогда не знала.

Миссис Кэрю опять повернулась к мальчику:

— Подумай, вспомни! Неужели ты ничего не помнишь, кроме имени?

Мальчик покачал головой. В глазах его появилось недоумение.

— Ничего.

— А нет ли каких-нибудь вещей твоего отца?

— От него ничего, кроме книг, не осталось, — робко сказала миссис Мерфи. — Может быть, вы бы их посмотрели? — предложила она, указывая на потрёпанные книги, а затем с неожиданным любопытством спросила: — Вы думаете, что вы были с ним знакомы?

— Не знаю, — пробормотала миссис Кэрю сдавленным голосом, поднимаясь и направляясь к полке с книгами.

Книг было немного, десять или двенадцать: Шекспир, два-три трактата по древней и средневековой истории. Миссис Кэрю внимательно перелистала каждую, но не нашла ни единого написанного от руки слова. Со взглядом отчаяния она вернулась к женщине и мальчику, которые наблюдали за ней внимательным взглядом.

— Пожалуйста, расскажите всё, что вы о себе знаете, — упавшим голосом проговорила она, тяжело опускаясь на стул возле кровати.

Женщина рассказала ту же самую историю, которую Джеми рассказывал Поллианне. Когда она кончила, Джеми пристально смотрел в лицо миссис Кэрю.

— Вы думаете, что знали моего отца? — робко спросил он.

Миссис Кэрю закрыла глаза и сдавила руками голову.

— Никак не пойму, — ответила она медленно. — Наверное, нет.

Поллианна вскрикнула от отчаяния, но тут же замолчала под предупреждающим взглядом миссис Кэрю.

Джеми вдруг вспомнил, что он хозяин, и перевёл удивлённые глаза на Поллианну.

— Как хорошо, что ты пришла! — благодарно произнёс он. — Как там сэр Ланселот? Ты ещё ходишь их кормить? — Поллианна не ответила, и он перевёл взгляд с её лица на что-то светло-розовое, торчащее из бутылки с отбитым горлышком, которая стояла на окне. — Ты видела мой букетик? Джерри его нашёл. Кто-то выбросил, а он подобрал. Красивые, правда? Они даже немного пахнут.

Поллианна, казалось, не слышала. Она замороженно оглядывала комнату широко раскрытыми глазами. Руки её нервно сжимались.

— Я не представляю, как здесь можно играть в игру, Джеми, — запинаясь, проговорила она.
— Я не представляла себе, что может быть такое ужасное место. — И она содрогнулась.

— Хо! — добродушно усмехнулся Джеми. — Ты не видела Пиксов внизу. У них намного хуже, чем у нас. Ты не знаешь, как много хорошего в этой комнате. Почти каждый день в то окошко заглядывает солнце на целых два часа. Если подойти к нему поближе, можно увидеть кусочек неба. Я бы очень хотел остаться в этой квартире, но, наверное, нам придётся уйти...

— Уйти?

— Да, мы не уплатили, потому что маменька заболела, и ничего не зарабатывает. — Несмотря на все старания, голос у Джеми дрогнул. — Миссис Долан, которая живёт внизу и у которой мы оставляем мою коляску, заплатила вместо нас за эту неделю, но она не может платить постоянно, и тогда, если Джерри не повезёт, или ещё что-нибудь не случится, нам придётся уйти.

— А мы не мо... — начала Поллианна.

Но она резко замолчала, так как миссис Кэрю резко поднялась и торопливо сказала:

— Пошли, Поллианна, нам пора. — Затем, повернувшись к женщине, она устало произнесла:
— Вы не должны уходить. Я пришлю вам деньги и еду, и расскажу о вашем деле одной благотворительной организации...

Вдруг она удивлённо замолчала. Согнутая, маленькая фигурка напротив неё почти выпрямилась. Щёки у миссис Мерфи вспыхнули, в глазах блеснул тлеющий огонёк.

— Нет, миссис Кэрю, спасибо, — произнесла она робко, но с гордостью. — Мы бедные, Бог знает об этом, но мы не попрошайки.

— Вздор! — резко оборвала её миссис Кэрю. — Вы позволяете женщине с нижнего этажа помогать вам, ведь мальчик только что сказал.

— Да, но это не милостыня, — продолжала женщина, вся трепеща. — Миссис Долан — моя подруга. Она знает, что я всегда выручала её точно так же. Помощь от друзей — не милостыня. Они дают с любовью, в том-то и разница. Мы не всегда были в таком состоянии, и от этого ещё больнее видеть, как опускаешься. Спасибо, но мы не можем принять ваших денег.

Миссис Кэрю нахмурилась. Этот час для неё прошёл самым ужасным образом. Она была разбита, расстроена и страшно измождена.

— Как вам угодно, — ответила она холодно, и со смутным раздражением добавила: — Почему бы вам не пойти к хозяину дома и не потребовать, чтобы он создал хотя бы элементарные условия, пока вы здесь? Ведь вам полагается кое-что, кроме разбитого окна, заделанного тряпками и бумагой! А лестница, по которой я поднималась, в неимоверно опасном состоянии.

Миссис Мерфи безнадёжно вздохнула. Её изуродованная фигурка опять поникла, как бы воплощая само отчаяние.

— Мы пытались что-то сделать, но ничего не вышло. Кроме агента, мы никогда здесь никого не видели. А он говорит, плата слишком низкая, чтобы вкладывать средства на ремонт.

— Что за чушь! — вспыхнула миссис Кэрю. Нервы её были натянуты до предела и, казалось, она обрадовалась, что нашла выход для накопившегося в ней гнева. — Какой позор! Это прямое нарушение закона, особенно — лестница! Я должна буду заняться этим вопросом и

посмотрю, какое он найдёт оправдание. Как фамилия вашего агента? И кто хозяин этого прелестного учреждения?

— Я не знаю фамилии хозяина, мэ. Агент у нас мистер Додж.

— Додж?! — резко повернулась миссис Кэрю, и на лице её появилось странное выражение.

— Не Генри Додж?

— Да, мэ. Я думаю, его зовут Генри.

Густая краска залила лицо миссис Кэрю, и так же внезапно отхлынула.

— Прекрасно, я займусь этим, — пробормотала она сдавленным голосом и отвернулась. — Пойдём, Поллианна.

Поллианна склонилась над кроватью, глаза её были полны слёз. Она попрощалась с другом.

— Я опять приду, я скоро приду, — ласково пообещала она и торопливо вышла вслед за миссис Кэрю.

Не произнеся ни единого слова, они спустились по длинным шатким ступенькам трёх этажей и прошли через толпу мужчин, женщин и детей, окруживших лимузин. Перкинс стоял хмурый и очень недовольный. Поллианна не могла дожидаться, пока гневный водитель захлопнет за ними дверцу, и тогда взмолилась:

— Милая миссис Кэрю, пожалуйста, пожалуйста, скажите, что это ваш Джеми! Ах, как бы ему было хорошо!

— Это не Джеми.

— Вы уверены?

Несколько мгновений они молчали, а потом миссис Кэрю закрыла лицо руками.

— Нет, не уверена, в этом-то и беда... — простонала она. — Я не думаю, что это он. Я почти уверена, что это не он. Но, конечно, всё может быть, это-то меня и убивает.

— Ну, тогда просто вам нужно думать, что это Джеми, — взмолилась Поллианна. — И вести себя так, как будто он Джеми, и тогда вы могли бы взять его домой и...

Миссис Кэрю свирепо повернулась к ней.

— Взять этого мальчишку к себе в дом, если он не Джеми? Никогда! Поллианна, я не смогу!

— Если вы не можете помочь Джеми, то вы будете очень рады помочь кому-нибудь, — с трепетом начала Поллианна. — А что, если ваш Джеми в таком же состоянии — бедный, больной? Разве вы не хотели бы, чтобы кто-нибудь взял его к себе, обогрел, позаботился и...

— Не надо, не надо, Поллианна! — взмолилась миссис Кэрю. — Когда я думаю, что наш Джеми в таком состоянии... — она прерывисто всхлипнула.

— Об этом я и говорю! — взволнованно подхватила Поллианна. — Понимаете? Если бы это был ваш Джеми, конечно, вы бы взяли его, а если нет, то вы несколько не повредите другому Джеми. И вы сделаете много добра, потому что он будет таким счастливым! Таким счастливым! А потом, если вы когда-нибудь найдёте настоящего Джеми, вы ничего не потеряете, просто сделаете счастливыми двух мальчиков вместо одного...

Миссис Кэрю опять прервала её.

— Не надо, Поллианна, помилуй! Я не хочу даже думать!

Поллианна откинулась на своё сиденье и с большим трудом просидела молча целую минуту, а потом слова посыпались сами:

— Ох, но что за ужасное, ужасное место! Я хотела бы, чтобы человек, который владеет этим домом, сам там пожил, а потом бы поискал, чему можно порадоваться!

Миссис Кэрю вдруг выпрямилась. Лицо её внезапно изменилось. Почти с мольбой она протянула к Поллианне руки.

— Нет! — закричала она. — Может, может быть... Поллианна, она не знала! Я уверена, она не знала, что владеет таким местом. Но его отремонтируют теперь, всё отремонтируют!

— Она?! Разве это женщина? Вы с ней знакомы? И с агентом тоже?

— Да. — Миссис Кэрю закусил губу. — Я знакома с ней и с её агентом.

— Ох, как хорошо! — вздохнула Поллианна. — Тогда всё будет в порядке.

— Всё, конечно, будет лучше, — подчеркнула последнее слово миссис Кэрю. Машина остановилась перед её собственным домом.

Прежде чем уснуть в эту ночь, она отправила письмо на имя Генри Доджа, вызывая его немедленно, чтобы обсудить некоторые вопросы — особенно ремонт, который немедленно нужно произвести в её домах. Было там несколько резких слов об окнах, заткнутых тряпками, и о рахитичных лестницах... В общем, этот самый Генри Додж сердито нахмурился, что-то процедил сквозь зубы, но побледнел от страха.

СЮРПРИЗ ДЛЯ МИССИС КЭРЮ

Ремонт был сделан, и миссис Кэрю успокоила себя тем, что свои обязанности она выполнила честно и добросовестно. На этом следовало поставить точку. Мальчик — не её Джеми, этого просто не может быть. Этот невежественный, больной калека — сын её умершей сестры? Невозможно! Она просто выбросит всё из головы.

Однако миссис Кэрю обнаружила, что борется с громадной горой. Она не могла избавиться от этих мыслей. Перед её глазами постоянно стояли пустая маленькая комнатка и бледное лицо мальчика, с тоскою смотрящего на неё. В ушах звучали невыносимые слова: «А что, если это Джеми?» И, конечно, везде была Поллианна. Миссис Кэрю могла уговорить её язычок, готовый постоянно просить и спрашивать, но от её умоляющих взглядов она уйти не могла.

Миссис Кэрю дважды ездила к мальчику, каждый раз повторяя про себя, что ей необходимо только ещё один раз взглянуть на него, чтобы убедиться — это не тот, кого она ищет. В его присутствии она говорила себе, что убедилась, но стоило ей уйти, как тот же самый вопрос возвращался. В конце концов, в полном отчаянии, она написала сестре всю историю.

«Сначала я не хотела тебе говорить, — писала она, — мне жалко было беречь твою рану или подавать пустые надежды. Я уверена, что это не он, но даже когда я пишу эти слова, я знаю, что не уверена. Вот почему я хочу, чтобы ты приехала. Ты просто должна приехать. Я

должна показать его тебе.

Мне хочется знать, что бы ты сказала. Конечно, мы не видели нашего маленького Джеми с тех пор, как ему было четыре годика. Теперь ему было бы двенадцать. Видимо, и этому мальчику двенадцать. Он не знает своего возраста. Глаза и волосы у него другие, чем у Джеми. Он калека, но калекой он стал после того, как упал лет шесть назад. Описания его отца мне получить не удалось, но нет никаких «за» или «против» того, что он муж нашей бедной Дорис. Звали его «профессор», что очень странно, и у него ничего не было, кроме нескольких книг. Вообще-то, Джон Кент тоже был странным и вкусы у него были богемные. Я совершенно не помню, интересовался ли он книгами. Может быть, ты знаешь? Конечно, кличку «профессор» мог выдумать он сам, или его так называли другие. Но что касается мальчика — не знаю... Я не знаю, но надеюсь, что ты узнаешь... Твоя обезумевшая сестра Руфь».

Делла не заставила себя ждать и немедленно отправилась посмотреть на мальчика, но и она «не знала». Как и сестра, она не думала, что это их Джеми, но в то же самое время — всё может быть... Однако, как и у Поллианны, у неё был готов простой выход.

— Почему, дорогая, тебе не взять его? — предложила она сестре. — Почему не усыновить? Для него бы это было просто замечательно, он такой несчастный...

Миссис Кэрю нахмурилась и даже не дала ей закончить.

— Нет! Нет! Я не могу, не могу! — простонала она. — Мне нужен мой Джеми, и больше никто!

Делла со вздохом отступилась и вернулась к своей работе.

Но если миссис Кэрю думала, что на этом всё закончится, она опять ошибалась. Дни её были такими же беспокойными, а ночи — бессонными или мучительными из-за снов, в которых «может быть» или «а вдруг» превращались в «да». С Поллианной ей стало трудно.

Та была в недоумении, не находила себе места, вопросы переполняли её. Впервые в своей жизни она лицом к лицу встретила с нищетой. Теперь она знала людей, у которых мало еды, которые плохо одеты и живут в тёмных, грязных, очень маленьких комнатах. Первым её побуждением было, конечно, помочь. С миссис Кэрю она дважды навестила Джеми и очень обрадовалась тому, что «мистер Додж» сделал в их доме. Но ведь это — капля в море! Вокруг столько несчастных мужчин, худых женщин, оборванных детей. С надеждой смотрела она на миссис Кэрю: а вдруг та поможет им тоже?

— Ну конечно! — воскликнула миссис Кэрю, когда об этом узнала. — Ты хочешь, чтобы я всю улицу снабдила новыми обоями и новыми лестницами? Помилуй, а больше тебе ничего не хочется?

— Хочется! — радостно воскликнула Поллианна. — Понимаете, им так много всего нужно! А как весело будет, если они всё это получат! Я хотела бы стать богатой, чтобы помочь, но пока я буду радоваться, что вы им поможете.

Миссис Кэрю чуть не задохнулась от удивления и возмущения. Не теряя времени, но потеряв терпение, она объяснила, что не намерена ничего больше делать в том проулке и что никто от неё этого не ждёт. Каждый может подтвердить, что она очень щедра и много сделала для дома, где живут Мерфи. (О том, что она владелица этого дома, она не посчитала нужным упомянуть.) Кроме того, она объяснила Поллианне, что есть специальные благотворительные организации, и что этим организациям она часто помогает.

Но Поллианна не успокоилась.

— Не понимаю, — возражала она, — почему это лучше собираться вместе и делать то, что все решат? Гораздо приятнее сделать что-то от себя. Лучше я подарю Джеми книгу сама, чем поручу это какому-то обществу! И ему будет гораздо приятнее принять её от меня, чем от других.

— Возможно, — устало ответила миссис Кэрю. — Но для Джеми это не очень хорошо. Если книгу принесут от общества, она ему больше подойдёт. Они-то уж знают, что ему нужно читать.

Это привело её к пространным рассуждениям, из которых Поллианна ничего не поняла. Она говорила о зле, которое приносит «неразборчивое чтение», и о «вредных эффектах неорганизованной благотворительности».

— Да и кроме того, — добавила она, увидев недоумение на маленьком личике. — Если я предложу помощь этим людям, они её просто не примут. Помнишь, что миссис Мерфи заявила, когда я предложила ей немного денег? Однако она с удовольствием примет их от своих соседей.

— Да, я знаю, — вздохнула Поллианна, отворачиваясь. — Этого я никак не могу понять. И всё-таки неправильно, когда у нас столько хорошего, а у них почти ничего.

Дни проходили, неприятное чувство в сердце Поллианны не уменьшалось, а росло. Все её вопросы, все замечания отражали беспокойство миссис Кэрю. Даже игра в радость почти потеряла свой вкус.

— Я не могу найти, — говорила Поллианна, — чему бы им радоваться. Конечно, мы можем быть рады, что не такие бедные, как они. Но всякий раз, когда я думаю, что я этому рада, мне становится их так жалко, и я не могу радоваться. Конечно, мы должны быть рады, что есть бедные, потому что мы можем им помочь. Но если мы им не помогаем, тогда что?

И Поллианна не могла найти никого, кто бы дал ей удовлетворительный ответ. Когда она подходила с этим вопросом к миссис Кэрю, та становилась ещё беспокойней и печальней. С приближением Рождества ничего не менялось.

Всё, даже блеск мишуры, причиняло ей боль — ведь ёлка напоминала о детских башмачках, приготовленных для Деда Мороза. Для её Джеми башмачка не было.

Наконец, за неделю до Рождества, она решила, что одержала победу над собой. Решительно, но без всякой радости, она отдала краткие распоряжения Мэри и позвала Поллианну.

— Поллианна, — резко начала она, — я решила взять... взять Джеми. Машина сейчас будет готова. Я поеду за ним и привезу его. Если хочешь, можешь ехать со мной.

Лицо Поллианны вмиг преобразилось от радостного света.

— Ох, как я рада! — едва выдохнула она. — Я так рада, что мне хочется плакать и кричать! Почему, миссис Кэрю, когда ужасно радуешься, хочется плакать?

— Я не знаю... — упавшим, безразличным голосом произнесла миссис Кэрю. На её лице не было и следа радости.

Когда они оказались в маленькой квартирке, она сразу сообщила о своём решении. Она рассказала о том, как потерялся их Джеми, и о своей надежде. Сомнений она не скрывала, но решила взять его к себе и обеспечить ему безбедную жизнь. Затем, утомлённым тоном, она перешла к частностям.

В ногах кровати стояла миссис Мерфи и тихонько плакала. Напротив стоял Джерри, глаза его радостно сверкали, и он тихо воскликнул:

— Вот это здорово! А, сэр Джеймс?

Что же касается Джеми, который лежал на кровати, то ему казалось, что для него открылась дверь в рай. Но по мере того как миссис Кэрю говорила, в его глазах появилось что-то новое, печальное. Медленно, очень медленно он закрыл их и отвернулся к стене.

Когда миссис Кэрю замолчала, долго стояла тишина, потом он повернул голову и заговорил, лицо его было бледным, глаза полны слёз.

— Спасибо, миссис Кэрю, но я не пойду, — просто ответил он.

— Что? — воскликнула миссис Кэрю, как будто сомневалась в том, что слышит правильно.
— Не пойдёшь?

— Джеми! — прошептала Поллианна.

— Ну, сэр! Какая тебя муха укусила? — нахмурился Джерри. — Это же просто здорово!

— Да, но я не пойду, — повторил больной мальчик.

— Джеми, Джеми, ты только подумай, представь, что это значит! — дрожащим голосом произнесла миссис Мерфи.

— Я д-думаю, — сдавленным голосом выговорил Джеми. — Неужели, по-вашему, я не знаю, что делаю? — и, повернув к миссис Кэрю мокрые глаза, он повторил: — Не пойду, — голос его прервался. — Я не позволю вам всё это делать. Если бы вы меня любили, было бы иначе... но вы... вы меня совсем не любите... Я вам не нужен, то есть вам нужен не я. Вам нужен тот Джеми, а я... я чужой... вы не думаете, что я ваш. Я это вижу.

— Но... но... — беспомощно начала миссис Кэрю.

— Вообще, я не такой, как другие мальчики, я не могу ходить, — перебил её несчастный мальчик. — Вы сразу устанете от меня, я вижу. Я не могу быть для вас обузой. Если бы вы меня хоть жалели, как маменька... — он закрылся рукой и подавил всхлипывания, потом опять отвернулся. — Я не тот Джеми, — закончил он. Его худые мальчишеские руки сжались так, что все косточки выделялись на старой порванной шали, покрывающей постель.

Некоторое время царил полная тишина. Потом, очень тихо, миссис Кэрю поднялась со своего места. Лицо её страшно побледнело, но в нём что-то было ещё, и Поллианна затаила дыхание, но услышала только:

— Пойдём.

— М-да, ты просто дурак, — пробурчал Джерри, после того как закрылась дверь.

А Джеми плакал так, словно та дверь действительно вела его в рай, а теперь навеки закрылась.

ИЗ-ЗА КАССЫ

Миссис Кэрю очень рассердилась. Довести себя до того, чтобы взять к себе этого калеку, а потом услышать, как он холодно отказывается! Это просто невыносимо! Она не привыкла к тому, чтобы пренебрегали её желаниями. Мало того, и теперь, когда она не могла взять этого мальчика, её охватил невероятный ужас, что он — её Джеми. Знала она и ещё одно: она решила взять его не потому, что полюбила, даже не потому, что пожалела — нет, она надеялась помочь себе, заглушить бесконечно звучащий вопрос: «А что, если это Джеми?».

Мальчик помог ей увидеть себя, но это её не утешило. Ожесточившись, она гордо признала, что и на самом деле его не любит, потому что он не сын её сестры. Надо забыть об этой истории.

Но забыть она не могла. Как бы решительно она ни направляла мысли к другим занятиям, перед ней всплывал образ несчастного мальчика, лежащего в убогой комнатке.

Кроме того, Поллианна совершенно не походила на себя. Она бродила как потерянная по всему дому.

— Нет, я не больна, — отвечала она, когда ей задавали вопросы.

— А в чём дело?

— Ни в чём. Просто... я думала про Джеми... почему у него нет всех этих красивых вещей? Ковров, картин, занавесок...

То же самое было и за столом. Поллианна потеряла аппетит, но говорила, что не болеет.

— Ох, нет, — вздыхала она печально. — Просто я не голодна. Как только я начинаю есть, я думаю про Джеми, ведь у него только чёрствые пончики и сухой хлеб. И тогда... я ничего не хочу...

Миссис Кэрю охватило чувство, которое она сама едва сознавала — надо во что бы то ни стало вывести Поллианну из этого состояния. Она заказала огромную ёлку, две дюжины гирлянд с разноцветными лампочками, всякие игрушки. Впервые за долгие годы дом был ярко освещён, переливался мишурой, благоухал свежей хвоей. Решив устроить рождественский вечер, миссис Кэрю предложила Поллианне пригласить девочек из класса.

Но и тут её ждало разочарование. Поллианна была благодарна, заинтересована, даже взволнована, но личико её оставалось печальным. В конце концов оказалось, что вечер принёс больше печали, чем радости, потому что первая же вспышка ярких лампочек вызвала целую бурю рыданий.

— Ну, в чём дело, Поллианна?! — в отчаянии воскликнула миссис Кэрю. — Что же на этот раз не так?

— Н-н-ничего, — плакала Поллианна. — Только... это чудесно, ужасно красиво... а Джеми ничего не видит!

Тут терпение у миссис Кэрю лопнуло.

— Джеми! Джеми! Джеми! — закричала она. — Поллианна, не можешь ли ты прекратить эти разговоры? Ты прекрасно знаешь, что это не моя вина. Я предлагала ему жить здесь. Да и куда подевалась твоя игра? Я думаю, самое время играть в неё.

— Я в неё играю, — с дрожью в голосе ответила Поллианна. — Но я не представляла себе, что может быть так скверно. Раньше, когда я чему-то радовалась, мне становилось хорошо. А теперь я так рада, что у нас есть ковры, картины, и хорошая еда... я могу гулять, и бегать, и ходить в школу... Но чем больше я радуюсь за себя, тем больше мне жалко его. Я не знала,

что игра может быть такой грустной, и не знаю, в чём дело. Может быть, вы знаете?

Миссис Кэрю отвернулась и, вздохнув, вышла из комнаты.

Накануне Рождества случилось то, что немного отвлекло Поллианну от Джеми. Миссис Кэрю отправилась за покупками, и в тот самый миг, когда она стала выбирать кружева, Поллианна заметила лицо за кассой, которое ей показалось знакомым. Некоторое время она хмурилась, внимательно всматриваясь, а потом, с лёгким возгласом, бросилась вдоль прилавка.

— Ой, это ты! Это ты! — воскликнула она, обращаясь к девушке, которая раскладывала на витрине розовые бантики. — Я так рада тебя видеть!

Девушка, стоящая за кассой, подняла голову и удивлённо посмотрела на Поллианну. Но тёмное, угрюмое лицо тут же озарилось улыбкой радости.

— Да это же моя крошка из парка! — воскликнула она.

— Я так рада, что ты вспомнила, — сияла Поллианна. — Ты ни разу больше не приходила. Я часто тебя искала.

— Я не могла, я должна работать. Это был наш последний выходной перед праздником и...

Пятьдесят центов, мадам, — прервала свою речь девушка, чтобы ответить пожилой женщине, которая спрашивала, сколько стоит чёрно-белый бантик.

— Пятьдесят центов? Хм-м-м! — женщина потрогала бантик, постояла в нерешительности и положила его опять. — Да, он довольно красивый... — и отошла в сторону.

После неё подошли две весёлые девочки, которые с хихиканьем и болтовнёй выбрали украшение из пунцового атласа, усыпанное сверкающими камешками, а потом взяли и тюль, расшитый розовыми бутонами. Когда они, болтая, ушли, Поллианна восхищённо вздохнула:

— Ты занимаешься этим весь день? Как ты, наверное, рада, что выбрала такую работу!

— Рада?

— Столько народа вокруг, и все разные! И ты можешь с ними разговаривать! Ты должна даже с ними разговаривать, это твоя работа. Мне бы понравилось! Наверное, я тоже этим займусь, когда вырасту. Так интересно видеть, что они покупают!

— Интересно... — усмехнулась девушка за кассой. — Если бы ты знала хотя бы половину... Один доллар, мэм, — торопливо прервала она себя, чтобы ответить на резкий вопрос о цене ярко-жёлтого бархатного бантика.

— Та-а-ак... — резко бросила молодая женщина. — Долго же пришлось ждать ответа!

Девушка за кассой закусила губу.

— Простите, я не слышала, мэм.

— Меня это не касается, ваше дело слушать. Вам за это платят. Сколько стоит вон тот, чёрный?

— Пятьдесят центов.

— А голубой?

— Доллар.

— Не дерзите, мисс! Отвечайте вежливо, а то я доложу хозяину. Покажите мне эти, розовые.

Губы у девушки приоткрылись и опять сжались в тонкую линию. Она послушно протянула руку к прилавку, достала оттуда поднос с розовыми бантиками и подала его, но глаза её горели, а руки заметно дрожали. Молодая женщина, которую она обслуживала, выбрала пять бантиков, спросила цену и отвернулась, бросив коротко:

— Ничего привлекательного не вижу.

— Вот так, — дрожащим голосом проговорила девушка за кассой, обращаясь к Поллианне, которая смотрела на неё широко раскрытыми глазами. — Что ты теперь думаешь о моей работе? Можно здесь чему-нибудь порадоваться?

Поллианна смущённо засмеялась:

— Вот злюка! Но она смешная, правда? Во всяком случае, ты можешь радоваться, что не все такие, как она!

— Возможно, — ответила девушка с печальной улыбкой. — А всё-таки, я тебе скажу, эта твоя игра подходит тебе, но... — она опять остановилась, чтобы ответить: — Пятьдесят центов, мэм.

— А ты такая же одинокая? — задумчиво спросила Поллианна, когда девушка опять освободилась.

— Не могу сказать, что дала с тех пор несколько балов, — ответила девушка так горько, что Поллианна уловила сарказм.

— А Рождество ты праздновала?

— О да! Весь день пролежала в постели, задрала ноги. Прочитала четыре газеты и один журнал. Потом отправилась в столовую, где выбросила тридцать пять центов за пирожок с курицей вместо обычных двадцати пяти.

— А что у тебя с ногами?

— Волдыри. Целый день стояла под Рождество, было полно народу.

— Ой! — сочувственно нахмурилась Поллианна. — И у тебя не было ни ёлки, ни вечера? — воскликнула она, поражённая и расстроенная.

— Откуда?!

— Как бы я хотела, чтобы ты посмотрела на мою... — вздохнула девочка. — Она такая красивая и... Ой, как здорово! — воскликнула она радостно. — Ты ещё можешь посмотреть! Мы её не убрали. Приходи сегодня вечером или завтра...

— Поллианна! — прервала её миссис Кэрю ледяным тоном. — Что всё это значит? Где ты была? Я везде тебя искала!

Поллианна повернулась к ней.

— Ох, миссис Кэрю, я так рада, что вы пришли! — затараторила она. — Я ещё не спросила, как её зовут, но я её знаю, так что это неважно. Я познакомилась с ней в парке. Она очень одинокая. Её отец тоже был пастором, как и мой, только он ещё жив. И у неё нет рождественской ёлки, только ноги в волдырях и пирожок с курицей. Я хочу, чтобы она посмотрела мою, понимаете, мою ёлку, — говорила Поллианна, не переводя дыхания. — Я

пригласила её к нам сегодня или завтра. Вы позволите опять зажечь все огни, правда?

— Ну, знаешь, Поллианна... — начала миссис Кэрю с явным осуждением.

Но девушка из-за кассы прервала её довольно холодно.

— Не беспокойтесь, мэм. Я не собираюсь к вам приходить.

— Ой, пожалуйста! — взмолилась Поллианна. — Ты не представляешь, как я хочу, чтобы ты...

— Я заметила, что не все этого хотят, — прервала её кассирша с лёгкой злостью.

Миссис Кэрю вспыхнула, густо покраснела и повернулась, чтобы уйти, но Поллианна схватила её за руку и удержала, торопливо разговаривая с девушкой, которая как раз оказалась без покупателей.

— Нет, миссис Кэрю тебя приглашает, она хочет, чтобы ты пришла! Ты просто не знаешь, какая она добрая. Она отдаёт столько денег благотворительным организациям...

— Поллианна! — возмутилась миссис Кэрю. Она снова попыталась уйти, но на этот раз её задержал звонкий, как колокольчик, смех.

— О, это я знаю! Многие дают им деньги. Многие готовы помочь тем, кто пошёл по плохой дороге. Что ж, я не вижу здесь ничего плохого, только иногда удивляюсь, почему никто не подумает о девушках прежде, чем они на эту дорогу попали. Почему им не предоставят красивые дома с книгами и картинками, с мягкими коврами и музыкой и кого-нибудь, кто бы о них заботился? Может быть, тогда не было бы так много... несчастных. — Она горько усмехнулась и замолчала.

Затем с тем же усталым видом она повернулась к молодой женщине, остановившейся перед кассой с голубым бантиком в руке. — Пятьдесят центов, мэм, — услышала миссис Кэрю, торопливо уводя Поллианну.

ОЖИДАНИЕ И ПОБЕДА

План был просто восхитительный! За пять минут Поллианна продумала абсолютно всё, а затем поделилась с миссис Кэрю. Той, однако, он совсем не понравился.

— Ох, я уверена, что им он понравится, — возразила Поллианна в ответ на её доводы. — Вы только подумайте, как нам это легко! Ёлка стоит немного — конечно, без подарков, но мы можем их сделать. Ведь до Нового года совсем недалеко! Только представьте себе, как она будет рада прийти! Разве вы бы не обрадовались, если б у вас на Рождество не было ничего, кроме пирожка с курятиной?

— Дорогая моя, ну что ты за невозможный ребёнок! — нахмурилась миссис Кэрю. — Тебя не останавливает даже то, что мы не знаем её имени.

— Да, разве это не удивительно? Всё равно я знаю её очень хорошо, — улыбнулась Поллианна. — Понимаете, у нас был такой замечательный разговор в парке. Она мне рассказала, как она одинока. Она считает, что самое пустынное место — среди толпы в

большом городе, потому что люди тебя не замечают. Правда, один человек заметил, но он почему-то не должен был её замечать. Смешно, правда? Он пришёл за ней в парк, чтобы она с ним куда-то пошла, а она отказалась, и он был на самом деле красивый, пока не стал на неё злиться. Люди некрасивые, когда сердятся, правда? Сегодня там одна женщина искала бантик, и она сказала... ох, она сказала много неприятных вещей! И стала совсем некрасивая. Вы позволите мне устроить Новый год с ёлкой, правда? И пригласить эту девушку и Джеми? Ему сейчас немного лучше, он сможет приехать. Конечно, Джерри должен будет его прикатить, но мы ведь хотим, чтобы Джерри тоже был.

— А, Джерри! — воскликнула миссис Кэрю с презрительной усмешкой. — Почему же останавливаться на нём? Я уверена, что у него есть множество друзей, которые тоже захотят прийти.

— Ох, миссис Кэрю, можно? — подпрыгнула Поллианна в неистовом восторге. — Ой, какая вы замечательная, миленькая, хорошенькая! Я так хотела...

В глазах миссис Кэрю отразился ужас, и она испуганно прошептала:

— Нет, нет, Поллианна, я...

Но Поллианна восклицала в безмерной благодарности:

— Ну конечно, вы хорошая, самая лучшая на свете! Теперь я уверена, что будет настоящий праздник! Там есть Томми Долан и его сестра Дженни, двое детей Макдоналдов, и три девочки, я их ещё не знаю, они живут под Мерфи, и ещё много других, если они все поместятся. Только подумайте, как они обрадуются, когда я им скажу! Ох, миссис Кэрю, мне кажется, что я никогда так не радовалась, и это всё вы! Можно, я пойду прямо сейчас, приглашу их?

И миссис Кэрю услышала, что отвечает: «Да». Возможно, в памяти её застряли слова той девушки, возможно в ушах её ещё звучала история, которую ей рассказала Поллианна об этой самой девушке, которая считает, что толпа в большом городе — самое пустынное место в мире, но отказалась идти с красивым мужчиной. А может быть, в сердце её была надежда, что где-то среди всего того она найдёт покой. Наверное, всё это вместе, да ещё беспомощность перед Поллианной, преобразило сарказм в гостеприимство радушной хозяйки. Как бы то ни было, дело было сделано, её вовлекли в водоворот планов, решений, в центре которых, конечно же, была Поллианна.

Своей сестре миссис Кэрю написала отчаянное письмо, которое заканчивалось такими словами: «Что я буду делать, я не знаю, но думаю, что отступить нельзя. Для меня нет другого выхода. Конечно, если Поллианна начнёт проповедовать, я отправлю её к тебе с чистой совестью».

Делла, читавшая это письмо, громко рассмеялась. «Начнёт! — сказала она про себя. — А что она делает, если ты, Руфь Кэрю, за неделю устроила два праздника, а твой дом, погружённый в могильные сумерки, был освещён огнями и игрушками до самого последнего уголка! Начнёт! Вот именно».

Праздник был великолепный, даже миссис Кэрю признала это. Джеми в инвалидной коляске, Джерри со своими странными, но очень выразительными замечаниями, и девушка, которую, как оказалось, звали Сэди, робко смотрели друг на друга. Сэди, к великому удивлению всех, а возможно — и к своему собственному, проявила большие познания в самых забавных играх. Вперемешку с историями Джеми и добродушными шутками Джерри, игры эти поддерживали веселье до самого ужина. А после щедрой раздачи подарков детей отправили домой усталых, но довольных.

Может быть, Джеми, который уходил с Джерри последним, и оглядывался с печалью, но никто не обратил на это внимания. Миссис Кэрю нагнулась, чтобы попрощаться и шепнула ему на ухо встревоженно и нетерпеливо:

— Джеми, а ты не передумал?

Мальчик смутился, щёки его медленно побледнели. Он повернулся и печально посмотрел ей в глаза, потом медленно покачал головой.

— Если бы всегда могло быть, как сегодня, я бы передумал, — вздохнул он. — Но так не будет. Придёт завтра, а потом следующее утро, а потом — месяц и год... да что там, на следующей неделе я уже буду знать, что не должен был переходить к вам.

Вскоре миссис Кэрю обнаружила, что новогодний праздник ещё не был концом Поллианниных выдумок. На следующее же утро та опять заговорила с ней.

— Ох, я так рада, что опять нашла Сэди! — говорила она без передышки. — Даже если я не смогла найти для вас настоящего Джеми, я всё равно нашла кого-то ещё, чтобы вы его полюбили... то есть её...

Миссис Кэрю набрала воздуха и выдохнула с явным раздражением. Непокоримая вера в доброту ее сердца и вера в ее желание «всем помочь» удивляла её, иногда даже сердила, но нелегко сказать «нет», глядя в доверчивые, счастливые глаза.

— Поллианна, — бессильно возразила миссис Кэрю, чувствуя, что всё больше попадает в невидимую шёлковую сеть. — Ни я, ни ты, ни эта девушка не заменят настоящего Джеми.

— Я знаю, что она не Джеми, — быстро подхватила Поллианна. — Конечно, я жалею, что она не Джеми, но она всё равно кому-то — как Джеми, а сейчас у неё никого нет, её никто не замечает. Когда вы вспоминаете Джеми, вы можете радоваться, что можете кому-то помочь, как кто-то помог бы Джеми.

Миссис Кэрю вздрогнула и тихо застонала.

— Мне нужен Джеми, — грустно сказала она.

Поллианна кивнула:

— Я знаю, «присутствие ребёнка». Мистер Пендлтон говорил мне. А у вас есть «женская рука».

— Женская рука?

— Да, чтобы создать дом, понимаете? Он говорил, чтобы жилище стало домом, необходима женская рука или присутствие ребёнка. Это когда он хотел взять меня, а я нашла для него Джимми. И вместо меня он усыновил его.

— Джимми? — воскликнула миссис Кэрю с блеском надежды в глазах. Этот блеск всегда появлялся, когда она слышала похожее имя.

— Да, Джимми Бин.

— А, Бин, — проговорила миссис Кэрю, расслабляясь.

— Да, он убежал из детского дома, а я нашла его. Он сказал, что хочет другой дом, с мамой вместо воспитателей. Я не смогла найти ему маму, но нашла мистера Пендлтона, тот его усыновил. Теперь его зовут Джимми Пендлтон.

— А раньше он был Бин?

— Да, Бин.

На этот раз глубоко вздохнула миссис Кэрю.

После новогоднего праздника она часто видела и Сэди, и Джеми. Поллианна приглашала их под всякими предлогами. К большому своему удивлению и досаде, миссис Кэрю не могла ей противостоять. Поллианна завладела её совестью и радостями, и она не могла растолковать, что недовольна этой затеей.

Понимала ли это миссис Кэрю или нет, но она научилась многому, чего не знала в прежние дни, когда запиралась в своей комнате и велела Мэри никого не пускать. Она узнала, что значит быть одинокой и бедной девушкой в большом городе, которой никто не интересуется, кроме тех, кто интересуется слишком сильно.

— Что вы имеете в виду? — однажды спросила миссис Кэрю, когда они с Сэди сидели вечером вместе. — Что вы имели в виду тогда, в магазине?

Сэди покраснела.

— Простите, я была груба, — виновато произнесла она.

— Я не об этом. Скажите, что вы имели в виду? С тех пор я много об этом думала.

Некоторое время девушка молчала, потом она сказала с горечью в голосе:

— Просто я знала одну девушку и подумала про неё. Она из нашего города и была очень хорошенькой и доброй, но не очень самостоятельной. Целый год мы жили вместе, в одной комнате, варили яйца на газовой горелке, ели потрошки и рыбные котлеты в дешёвой столовой. Нам совершенно нечего было делать, только пройтись по улице или пойти в кино, если у нас было свободное время. Комната была не очень приятная, жарко летом, холодно зимой, а газовая горелка очень коптила, мы не могли ни читать, ни шить. Да мы вообще так уставали, что нам ничего не хотелось делать. Кроме того, над нами кто-то постоянно ворочался, а под нами кто-то учился играть на кларнете. Вы когда-нибудь слышали, как учатся играть на кларнете?

— Н-нет, не припомню, — пробормотала миссис Кэрю.

— Ну, тогда вы много потеряли, — печально проговорила девушка и, помолчав, продолжила: — Иногда, особенно на Рождество и на другие праздники, мы прохаживались по улицам, заглядывая в окна, на которых шторы не задёрнуты, чтобы видеть всю красоту. Понимаете, мы были очень одинокими, особенно в эти дни, и нам казалось, что приятно видеть дома, где так много народу и мы прекрасно знали, что становится только хуже, потому что мы в этом не участвуем. Ещё труднее было смотреть на автомобили с весёлыми молодыми людьми. Понимаете, мы сами были молоды, нам тоже хотелось смеяться и болтать. Нам хотелось развлечься. Постепенно моя подруга... стала развлекаться. Словом, однажды мы расстались, и она пошла своим путём, я — своим. Мне не нравилась компания, с которой она подружилась, и я об этом сказала, а она не хотела их оставить. Мы не встречались почти два года, а недавно, месяц назад, я получила от неё записку и пошла к ней. Она была в одном из этих спасательных домов. Место хорошее: мягкие ковры, картины, цветы, книги, рояль, красивые комнаты. Богатая женщина подъехала на автомобиле, чтобы повезти её покатать. Она возила её на концерты и спектакли. Она училась стенографии, они хотели помочь ей устроиться на работу, как только она немного освоится. Все к ней были очень внимательны, все хотели помочь. Но она сказала ещё кое-что... Она сказала: «Сэди, если бы они хоть наполовину так заботились обо мне в те дни, когда я была честной, скромной, трудолюбивой,

я не нуждалась бы в помощи сейчас».

И я не могу этого забыть. Нет, я не против благотворительности, она нужна. Только я думаю, что в ней не было бы такой нужды, если бы они хоть чуть-чуть помогли раньше...

— Я думала, есть дома для работающих девушек и какие-нибудь общежития... — проговорила миссис Кэрю таким тоном, который могли распознать только несколько её друзей.

— Да, есть. А вы хоть когда-нибудь туда заглядывали?

— Н-нет, — голос миссис Кэрю стал виноватым и умоляющим. — Я даю им деньги.

Сэди странно улыбнулась:

— Да, я знаю. Много хороших женщин даёт им деньги, но не поинтересовались, что там внутри. Пожалуйста, не подумайте, что я против этих домов. Они нужны. Они хоть как-то помогают, но это капля в море... Однажды я попробовала... но там был такой воздух, что я чуть не потеряла сознание... Может, они не все такие, а может, со мной что-то не в порядке. Если бы я попыталась рассказать вам, вы бы не поняли. Там просто нужно пожить, а вы их даже не видели. Иногда я думаю, почему бы хорошим женщинам не приложить к своим деньгам чуть-чуть сердечного участия. Ох, простите, я не думала так много говорить, но вы сами спросили!

— Да, сама... — отворачиваясь, проговорила миссис Кэрю.

Не только от Сэди услышала она совершенно новые вещи. Джемми тоже немало удивил её.

Он бывал теперь часто. Поллианне нравилось, когда его привозили, и он с удовольствием бывал у них. Вначале он немножко стеснялся, но потом успокоил свои сомнения и уступил глодавшей его тоске. Он объяснил Поллианне, а больше — себе, что «в гости» — это не насовсем.

Часто миссис Кэрю заставляла их возле окна библиотеки; коляска стояла сложенная в сторонке. Иногда они полностью погружались в чтение. Однажды она услышала, как Джемми говорит Поллианне, что быть инвалидом — не так уж плохо, столько интересных книг. Конечно, он был бы намного счастливее, если б у него были и ноги, и книги, он бы тогда просто летал от счастья. Иногда он рассказывал истории, а Поллианна слушала, широко раскрыв глаза.

Миссис Кэрю удивлялась её интересу, пока однажды не остановилась сама и не прислушалась. После этого она не удивлялась, а сама приходила послушать. Как и любой ребёнок, который не учится регулярно, он говорил не очень правильно, но так живо и образно, что незаметно миссис Кэрю обнаружила, что путешествует в золотом веке вместе с Поллианной. А вёл их волшебный мальчик с сияющими глазами.

Как сквозь туман, стала она понимать, что значит иметь живое воображение и совершать подвиги, когда на самом деле ты всего-навсего калека в инвалидной коляске. Миссис Кэрю не заметила, какую важную роль несчастный мальчик стал играть в её жизни. Она не догадывалась, как важно для неё его присутствие и как старательно она ищет что-нибудь новое, чтобы ему показать. С каждым днём всё больше и больше он казался ей сыном умершей сестры.

Прошли февраль, март, апрель, наступил май, который приближал отъезд Поллианны. Неожиданно миссис Кэрю пришла в себя и подумала, что значит для неё это расставание.

Она удивилась и ужаснулась. До сих пор она думала, что ждёт-не дожждётся, когда Поллианна

уедет. Она говорила себе, что в доме опять наступит тишина, станет поменьше света. Тогда она снова найдёт покой, закроется от назойливого, шумного мира, сможет посвятить себя грустным мыслям и воспоминаниям о потерянном мальчике, который когда-то шагнул в неизвестность и закрыл за собою дверь. Да, она была уверена, что это вернётся, когда Поллианна уедет домой.

Но теперь, когда Поллианна на самом деле должна была уехать, предстала совершенно иная картина. «Тихий дом, в который не проникнет солнечный свет», вдруг представился ей мрачным и невыносимым. Тоска в тишине и покое показалась ужасным одиночеством. Желание спрятаться от назойливого, шумного мира и предаться горьким воспоминаниям сменилось воспоминаниями о новом Джеми, с такими жалобными, умоляющими глазами, который вполне может быть и тем Джеми, «настоящим».

Миссис Кэрю понимала, что без Поллианны дом будет пустым, а без «этого» Джеми станет гораздо хуже. При её гордости такое сознание не приносило ничего хорошего. Сердце просто разрывалось, ведь он дважды сказал, что не переедет к ней. В последние дни, которые Поллианна жила в её доме, страдания были особенно тяжелы, но гордость одерживала верх. Наконец, когда она осознала, что Джеми пришёл в её дом в последний раз, сердце одержало победу. Она подошла и попросила, чтобы Джеми стал для неё тем, «настоящим».

Что она говорила, она никогда не могла вспомнить, но то, что ответил ей мальчик, не изгладилось из её памяти. Ответ этот состоял из нескольких коротких слов. Минута, пока он смотрел ей в глаза, показалась ей ужасно длинной. Потом лицо его озарилось внутренним светом, и он сказал, точнее — выдохнул:

— Да, конечно. Ведь вы меня любите.

ДЖИММИ И ЧУДОВИЩЕ С ЗЕЛЁНЫМИ ГЛАЗАМИ

На этот Раз Белдингсвилль не встречал Поллианну с духовым оркестром, может быть, потому что о времени её прибытия знали только несколько жителей. Но это не помешало радостно встретиться со всеми, когда она вышла из поезда. Встречали её тётя Полли и доктор Чилтон. Поллианне не пришлось долго стоять, оглядываясь, не появятся ли старые друзья. Конечно, в следующие несколько дней, по выражению Нэнси, «на неё невозможно было пальцем указать — только поднимешь палец, как её и след простыл».

Где бы Поллианна ни появлялась, она слышала один и тот же вопрос: «Тебе понравился Бостон?» Наверное, ни одному человеку она не ответила так, как мистеру Пендлтону. Всякий раз, слыша этот вопрос, она хмурила брови.

— Да, он мне понравился. Я просто полюбила... кое-что в нём.

— Но не всё? — улыбнулся мистер Пендлтон.

— Нет, не всё... Да, я рада, что побывала там! — торопливо воскликнула она. — Я прекрасно проводила время, много было странного и непохожего, понимаете, ну, например, обедать вечером, а не днём. Все были добры ко мне, я видела много замечательных вещей! Например, парк, автомобили, целые мили картин, витрин, улиц, у которых нет конца. А народу! Я никогда не видела столько людей.

— Я уверен... я думаю, тебе понравились люди, — вставил собеседник.

— Да, — ответила Поллианна и опять нахмурилась. — Но что за удовольствие, когда людей так много, а ты никого не знаешь? Миссис Кэрю не позволяла мне с ними знакомиться, она и сама их не знала. Она говорит, там никто друг друга не знает.

На мгновение Поллианна замолчала, затем со вздохом добавила:

— Я думаю, мне больше всего не понравилось, что люди не знают друг друга. Было бы намного приятнее, если бы они познакомились. Ну только подумайте, мистер Пендлтон, там так много людей живёт на грязных, узких улицах, у них нет даже бобов и рыбных тефтелей на обед, нет «Женской помощи», им носить нечего. Но есть и другие, например, миссис Кэрю. Они живут в красивых больших домах, у них всего много: еды, одежды; они даже не знают, что с этим делать. И вот я думаю, если бы они знали других людей...

Мистер Пендлтон прервал её громким смехом.

— Милая моя, неужели тебе не ясно, что они не хотят знать друг друга? — насмешливо спросил он.

— Некоторые хотят, — возразила Поллианна. — Вот, например, Сэди Дин, она продаёт бантики, такие красивые бантики в большом магазине. Я познакомила её с миссис Кэрю, она приходила к нам домой, а ещё у нас бывал Джеми и много других, и все познакомились. Вот я и думаю — если бы было побольше таких, как миссис Кэрю, я бы не могла их всех познакомить. Да я и сама многих не знала. А если бы они узнали друг друга, богатые могли бы дать бедным часть своих денег...

Мистер Пендлтон опять перебил её.

— Ох, Поллианна, Поллианна! — усмехнулся он. — Боюсь, ты заходишь слишком далеко. Не успеешь оглянуться, как станешь социалисткой.

— Кем? — переспросила девочка. — Я не знаю, что это значит. Но я знаю, что такое — быть общительной, и мне нравятся общительные люди. Если это что-то похожее, я не против, я — с радостью.

— Не сомневаюсь, Поллианна, — улыбнулся её друг. — Но когда ты подойдёшь на практике к распределению богатств, ты окажешься перед неразрешимой проблемой и тебе придётся туго.

Поллианна глубоко вздохнула:

— Да-да, — кивнула она. — Миссис Кэрю тоже так говорила. Она говорит, что это приведёт к нищете, неразберихе, гибели... или что-то в этом духе, не помню, — она нахмурилась ещё больше, так как её собеседник опять расхохотался. — Но всё-таки я не понимаю, почему у одних так много, а у других нет ничего? Мне это не нравится. Если у меня когда-нибудь будет много, я обязательно поделюсь с теми, у кого ничего нет, даже если потом обнищаю...

Мистер Пендлтон так хохотал, что Поллианна некоторое время молча смотрела на него, потом стала смеяться вместе с ним.

— Во всяком случае, — продолжала она, переводя дыхание, — я не понимаю.

— Вот этого-то я и боюсь, — согласился он, неожиданно опечалившись, и ласково посмотрел на неё. — И никто не понимает. Скажи мне, — добавил он, — кто такой этот Джеми?

Поллианна стала ему рассказывать. По мере рассказа с её лица исчезли тревога и недоумение. Она любила говорить о Джеми. Это она понимала. Здесь не нужны были длинные, пугающие слова. Да и кроме того, мистеру Пендлтону понравится, что миссис

Кэрю взяла к себе мальчика, уж он-то понимал, что такое «присутствие ребёнка».

О Джеми Поллианна рассказывала всем. Она предполагала, что всем так же интересно об этом знать, как ей. Обычно она не расстраивалась, если кто-либо не проявлял интереса, но однажды очень удивилась. Было это, когда они разговаривали с Джимми Пендлтоном.

— Подожди, — нервно потребовал он. — Да разве в Бостоне никого больше нет, кроме этого Джеми?

— Ну почему же? — воскликнула Поллианна. — Что ты имеешь в виду, Джимми Бин?

Мальчик недовольно поднял голову:

— Я не Джимми Бин, я Джимми Пендлтон. Из твоего разговора можно заключить, что в Бостоне, кроме этого задавалы, который даёт клички птицам и белкам и поёт всякую чушь, никого больше не было.

— Ну почему, Джимми Би... Пендлтон? — возмущённо выдохнула Поллианна, а затем, вдруг вспыхнув, быстро проговорила: — Джеми совсем не задавала! Он очень хороший. Он знает много книг и всяких историй. Представляешь, он может придумывать истории прямо на ходу. Если бы ты знал хоть половину того, что он знает, и это было бы неплохо, — закончила она. Глаза её горели.

Джимми Пендлтон ужасно покраснел и совсем опечалился.

— Во всяком случае, — усмехнулся он, — взять хотя бы одно его имя. Джеми! Ха! Прямо маменькин сынок. И я знаю ещё одного человека, который так сказал бы.

— Кто это?

Ответа не последовало.

— Ну кто, скажи, — настаивала Поллианна.

— Отец, — угрюмо ответил Джимми.

— Твой отец? — повторила Поллианна удивлённо. — Почему? Откуда он мог знать Джеми?

— Конечно, не мог. Он не о том Джеми говорил. Он говорил обо мне. — Мальчик смотрел куда-то в сторону, но в голосе его звучала странная мягкость.

— О тебе?

— Да. Это было незадолго до того, как он умер. Мы почти на неделю остановились у одного фермера. Отец помогал ему с сеном, ну, и я тоже. Жена фермера очень хорошо ко мне относилась и стала меня называть Джеми, не знаю уж, почему. Однажды отец это услышал. Он страшно рассердился, так что я на всю жизнь запомнил его слова. Он сказал, что Джеми — имя совсем не для мальчика, а уж тем более не для его сына. Так называют малышей. Мне кажется, я никогда не видел его таким злым, как в тот вечер. Он даже не остался, чтобы закончить работу, в ту же ночь мы оттуда ушли. Мне немного жаль было, она мне понравилась, жена фермера. Она хорошо ко мне относилась.

Поллианна поддакнула с интересом и сочувствием. Не часто Джимми рассказывал так много из своей таинственной жизни.

— А что же потом? — спросила она, совершенно забыв о причине их спора.

Мальчик вздохнул.

— Мы шли до тех пор, пока не нашли другое место. Там отец умер. Тогда меня отдали в приют.

— А потом ты убежал, и я нашла тебя в тот день, недалеко от миссис Сноу, — мягко улыбнулась Поллианна. — С тех пор я тебя уже знаю.

— Да, ты меня знаешь с тех пор, — повторил Джимми совершенно другим тоном, неожиданно вспомнив, где они. — Теперь я не Джеми, понимаешь? — добавил он, презрительно подчёркивая последние слова, и гордо ушёл, оставив расстроенную и озадаченную Поллианну.

— Ну что ж, я могу радоваться, что он не всегда так себя ведёт, — вздохнула она, печально глядя на крепкую мальчишескую фигуру.

ТЁТЯ ПОЛЛИ БЬЁТ ТРЕВОГУ

Приблизительно через неделю после того, как Поллианна прибыла домой, миссис Чилтон получила письмо от Деллы Узербай.

«Я бы хотела рассказать Вам, что Ваша маленькая племянница сделала с моей сестрой, — писала та, — но боюсь, не смогу. Вы должны знать, какой сестра была до этого. Может быть, Вы заметили, в какую замкнутость и мрачность она погрузила себя на многие годы. Но вы не имели представления о постоянной ране её сердца, о бесцельности жизни, об отсутствии интереса и непрерывных вздохах.

Тогда-то и появилась Поллианна. Возможно, я не говорила Вам, но моя сестра жалела, что обещала взять ребёнка. Тогда она поставила строгое условие: как только Поллианна начнёт «проповедовать», она немедленно отправит её ко мне. И та не проповедовала, по крайней мере, сестра говорит, что не проповедовала, а ей виднее. Но всё же позвольте мне сначала рассказать Вам о том, что меня встретило, когда я приехала к ней вчера. Возможно, ничто не даст вам лучшего представления о том, что натворила ваша замечательная, милая, маленькая Поллианна.

Приближаясь к дому, я заметила, что почти все шторы раскрыты, тогда как раньше они были задёрнуты, чтобы не проникал дневной свет. Когда я переступила порог, я услышала музыку. Дверь гостиной была открыта, а в воздухе стоял запах роз.

— Миссис Кэрю и мистер Джеми в музыкальной комнате, — доложила горничная.

Там я их и застала — мою сестру и парнишку, которого она взяла к себе. Они слушали одно из современных изобретений, на котором записана целая опера, включая оркестр.

Мальчик сидел в инвалидной коляске. Он был бледен, но вид у него был счастливый. Моя сестра выглядела лет на десять моложе. Её бескровные щёки покрылись лёгким румянцем, глаза блестели и искрились. После того как я немного поговорила с мальчиком, мы с сестрой поднялись наверх в её комнату, и там-то она и рассказала мне о Джеми. Не о старом Джеми, как раньше, чуть не плача и беспомощно вздыхая, а о новом. На этот раз ни вздохов, ни слёз не было. Наоборот, я ощутила неудержимый энтузиазм.

— Делла, он просто замечательный! — начала она. — Ему нравится самая лучшая музыка и литература. Он передаёт всё так бесподобно, только, конечно, ему нужно заниматься. Об

этом я сейчас и думаю. Завтра придёт учитель. Конечно, он, в сущности, не учился, но читал хорошие книги, у него прекрасная память и богатый словарь. Ты бы послушала, какие истории он сочиняет! Конечно, знаний недостаточно, но он рвётся в бой, так что это скоро выправится. Джемми любит музыку, и я просто должна его учить. Я заказала лучшие пластинки. Ах, если бы ты только видела его лицо, когда он впервые услышал симфоническую музыку! Он всё знает о короле Артуре и его Круглом столе, а о лордах и принцессах говорит так, как мы с тобой говорим о членах нашей семьи. Только иногда я не могу понять, кто его сэр Ланселот — средневековый рыцарь или бельчонок из парка? И ещё, Делла, я верю, что он сможет ходить. Я попрошу доктора Эймса, чтобы он посмотрел его...

Она говорила и говорила, а я сидела удивлённая, потерявшая дар речи, но такая счастливая! Я Вам всё это рассказываю, дорогая моя миссис Чилтон, чтобы Вы сами поняли, как она заинтересовалась, с каким участием она относится к мальчику. Делая для него столько, она не может остаться в стороне. Я верю, что Руфь никогда не будет мрачной, угрюмой женщиной, которой была раньше. И всё это благодаря Поллианне.

Милый ребёнок! А лучше всего то, что она это делает, совершенно не сознавая своей роли. Я думаю, даже моя сестра не вполне поняла, что произошло с её собственным сердцем и жизнью, а тем более — Поллианна.

Скажите, дорогая миссис Чилтон, как я могу отблагодарить Вас? Я знаю, что всё будет мало, поэтому и пытаться не буду. Но сердцем Вы, конечно, знаете, как я благодарна вам обеим.

Делла Уэзербай».

— Кажется, исцеление прошло благополучно, — улыбнулся доктор Чилтон, когда жена кончила читать письмо.

К его изумлению, она подняла руку с явной тревогой.

— Томас, пожалуйста, не надо! — взмолилась она.

— Почему, Полли? В чём дело? Разве ты не рада, что микстура подействовала?

Миссис Чилтон с отчаянием откинулась на спинку стула:

— Конечно, я рада, что эта бедная женщина к кому-то привязалась. И, конечно, я рада, что Поллианна это сделала. Но я совсем не рада, когда о ребёнке постоянно говорят как о... как о микстуре. Понимаешь?

— Вздор! Ну какой от этого вред? Я зову Поллианну тонизирующим средством с тех пор, как её узнал.

— Вред?! Томас Чилтон, она становится старше с каждым днём. Ты что, хочешь испортить её? До сих пор она делала это совершенно бессознательно, даже и не подозревая о своей необыкновенной способности. Здесь-то и сокрыт секрет её успеха. Как только она сознательно постарается кого-нибудь преобразить, она станет просто невыносимой. Не дай Бог, чтобы она возомнила, что может исцелять бедных, больных и страждущих.

— Меня это не беспокоит, — рассмеялся доктор.

— А меня беспокоит, Томас.

— Полли, подумай, что она сделала, — возразил доктор. — Подумай о миссис Сноу, о мистере Пендлтоне, о многих других. Ведь это совершенно не те люди, какими они были раньше, как и миссис Кэрю. И всё это Поллианна, да благословит её Бог.

— Я знаю, — кивнула его жена. — Но не хочу, чтобы знала Поллианна. Конечно, она что-то видит. Она понимает, что они намного счастливее. Это всё нормально. Это игра, её игра, и они вместе в неё играют. Должна признаться, Поллианна преподавала и нам поучительный урок. Но в ту минуту, когда она об этом узнает... нет, я не хочу. А теперь позволь мне рассказать, что я решила ехать с тобой в Германию этой осенью. Сначала я думала не ехать. Я не хотела оставлять Поллианну... и, конечно, не оставляю. Мы возьмём её с собой.

— С собой? Прекрасно!

— Да, я должна, мало того, я даже буду рада остаться там с тобой на несколько лет. Я хочу увезти Поллианну, увезти её на время подальше от Белдингсвилла. Я бы хотела сохранить её милой и неиспорченной. Она не вообразит ничего плохого, если я постараюсь. Ну только подумай, Томас, ведь мы не хотим превратить её в маленькую зазнайку, воображающую невесту что.

— Конечно, нет! — рассмеялся доктор. — Правда, я не думаю, чтобы что-нибудь или кто-нибудь мог её такой сделать. А насчёт Германии я рад. Знаешь, я бы ни за что не хотел возвращаться сюда, если бы не Поллианна. Итак, чем раньше мы туда поедём, тем для меня лучше. И я бы с удовольствием остался там ещё для практики.

— Ну, тогда решено, — удовлетворённо вздохнула тётя Полли.

В ОЖИДАНИИ ПОЛЛИАННЫ

Весь Белдингсвилль был взволнован приближающимся событием. С тех самых пор, как Поллианна Уиттиер возвратилась домой из санатория на своих ногах, не было столько перетолков. Говорили на каждом углу и через соседские заборы. Центром снова стала она. Ещё раз Поллианна возвращалась домой, но непохожим было это возвращение.

Ей уже исполнилось двадцать. Шесть лет, точнее — шесть зим, она провела в Германии, а в летнее время они вместе с доктором Чилтоном и его женой путешествовали. Всего один раз с тех пор она была в Белдингсвилле, и то четыре коротеньких недели. В то лето ей было шестнадцать. Теперь она возвращалась домой, насовсем... она и тётя Полли. Доктора с ними уже не было. Шесть месяцев назад город был потрясён и опечален известием, что он скоропостижно умер. Жители Белдингсвилла ожидали, что Поллианна и миссис Чилтон сразу вернуться домой. Но они не возвращались. Пришло известие, что вдова с племянницей некоторое время останутся за границей. Говорили, что миссис Чилтон старается забыться и найти утешение в незнакомой обстановке.

Однако очень скоро поползли сначала неопределённые, потом — упорные слухи, что финансовые дела миссис Чилтон не совсем в порядке. Одна из железнодорожных компаний, в которую, как известно, было вложено харрингтонское состояние, вдруг пошатнулась, а затем потерпела крах. Другие вложения, по слухам, были тоже ненадёжны. От докторского наследства ожидать было нечего. Он не был богат, а за последнее время расходы были очень большими. Зная всё это, жители Белдингсвилла не удивились, когда через полгода после смерти доктора узнали, что миссис Чилтон и Поллианна возвращаются домой.

И вот, после многих лет тишины, запертых окон и дверей, усадьба ожила. Распахнулись окна и двери, впуская чистый свежий воздух. Нэнси, теперь — миссис Тимоти Дёрджин, мела, скребла, чистила, пока старый дом не засиял.

— Нет, я не получала никакого распоряжения, — отвечала Нэнси любопытным друзьям и

соседям, останавливающимся у ворот или подходившим к самым дверям. — Ключи были у матери Дёрджина. Она зашла, чтобы проветрить комнаты и посмотреть, всё ли здесь в порядке. Как раз в это время от миссис Чилтон пришло письмо, в котором она сообщила, что они с Поллианной возвращаются в эту пятницу. Она просила, если возможно, проветрить комнаты и положить ключи под коврик у боковой двери.

Ну прямо под коврик! Как будто я оставляю их одних в отчаянии. Да я живу всего в миле отсюда. Что у меня, сердца нет? Мало им, страдалицам, возвращаться в этот дом без доктора, Царство ему Небесное? Да и без денег.

Слышали? Ну разве это не горе? Истинно, беда! Подумайте только, миссис Полли, то есть миссис Чилтон, и в бедности... Чулочки мои, панталончики, не могу этого представить! Не могу и не могу.

Возможно, никому Нэнси не рассказывала так подробно, как высокому молодому человеку с ясными, честными глазами и просто обворожительной улыбкой, который подъехал к самой двери на нетерпеливом скакуне. Было утро четверга, на следующий день должны были прибыть хозяева. Но в то же самое время ни с одним человеком не говорила она так смущенно. Язык у неё то и дело заплетался, выходил какой-то невнятный лепет: «Мистер Джимми, сэр... мистер Бин... то есть мистер Пендлтон... ну, мистер Джимми!» Говорила она так нервно и стремительно, что молодой человек весело рассмеялся.

— Не смущайся, Нэнси, — подбодрил он. — Я узнал то, что меня интересовало. Миссис Чилтон с племянницей прибывают завтра.

— Да, сэр... прибывают, сэр, — Нэнси сделала реверанс. — Какая жалость! Нет, я очень им рада, но они приедут вот так...

— Да, понимаю, — печально кивнул молодой человек, и глаза его окинули роскошный старый дом. — Но что делать! Видимо, здесь никак не сможешь. Я рад, что ты убираешь, им будет очень приятно, — закончил он с милой улыбкой и, развернувшись, поскакал по дорожке.

Оставшись на ступеньках, Нэнси задумчиво покачала головой.

— Я не думаю, мистер Джимми, — громко проговорила она, восхищённо провожая глазами красивую фигуру на скакуне, — не думаю, что вы позволите зарости травой тропинке, ведущей к мисс Поллианне. Я давно говорила, что когда-то это произойдёт, и вот оно, пожалуйста. А вырос-то, какой красивый и высокий. Надеюсь, что это будет, прямо как в книжке. Она нашла вас, привела к мистеру Пендлтону. Ох, время-то! Разве признаешь маленького Джимми Бина, несчастного, неприкаянного? Никогда я не видела, чтобы кто так сильно изменился, никогда, так я вам и скажу! — закончила она, когда скакун и всадник исчезли за поворотом дороги.

Такие мысли вертелись и в голове мистера Пендлтона. С веранды своего огромного серого дома на Пендлтонском холме он смотрел, как приближается этот самый всадник. В глазах его было выражение, очень похожее на то, с каким провожала того Нэнси, а с губ его слетели слова восхищения: «Ну и ну! Просто бесподобная пара!», — когда Джимми с поразительной лёгкостью промчался к конюшне.

Минут через пять тот появился из-за угла и медленно поднялся по ступенькам веранды.

— Ну, мой мальчик, это правда? — спросил мистер Пендлтон с явным нетерпением. — Они в самом деле приезжают?

— Да.

— Когда?

— Завтра, — и молодой человек опустился в кресло. Сухость кратких ответов насторожила Джона Пендлтона. Лишь одно мгновение он колебался, затем спросил:

— В чём дело, сын? Что-то случилось?

— Случилось? Да ничего.

— Вздор! Я же вижу. Ты уехал час назад с таким нетерпением, что даже подгонял своего скакуна, а теперь ты весь сгорбился в кресле и выглядишь так, что даже дикие лошади не вытащат тебя оттуда. Если бы я не знал тебя, то подумал бы, что ты совсем не рад приезду наших друзей.

Он замолчал, ожидая ответа, но ответа не получил.

— В чём дело, Джим? Разве ты не рад?

Молодой человек замялся:

— Ну почему? Конечно, рад.

— Хм! А ведёшь себя так.

Тот замялся опять. Мальчишеский румянец вспыхнул на его щеках.

— Да просто... просто я думал о Поллианне.

— О Поллианне! Да ты только и говоришь о ней, с тех пор как прибыл из Бостона и узнал, что она должна приехать. Мне кажется, тебе до смерти хочется её увидеть.

Джимми наклонился вперёд:

— Вот именно! Понимаете? Вы же сами сказали. Вчера и дикие лошади не могли бы меня удержать, а сегодня, когда я узнал, что она уже едет, они не вытянут меня из кресла.

— Почему, Джим?

Увидев, недоуменный и недоверчивый взгляд мистера Пендлтона, молодой человек откинулся в кресле и смущённо засмеялся.

— Да, я вижу, получается странно, но я и не ожидал, что смогу объяснить это вразумительно. Почему-то я думаю, что никогда не хотел, чтобы Поллианна выросла. Я люблю вспоминать её такой, какой видел в последний раз... серьёзное веснушчатое личико, рыжие хвостики, слова сквозь слёзы: «Ох, да, я рада, что уезжаю, но я думаю, что буду немножечко больше рада, когда вернусь». Тогда я последний раз её видел. Вы же помните, четыре года назад, когда они приезжали, мы были в Египте.

— Да, да. Прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду. Я думаю, что чувствовал то же самое, пока не встретил её прошлой зимой в Риме.

Джимми возбуждённо повернулся к нему:

— Ну конечно, вы же её видели! Расскажите мне о ней.

Взгляд Джона Пендлтона стал пронизательным.

— Я думал, ты не хочешь знать, что Поллианна выросла!

Молодой человек не ответил на эту колкость.

— Она хорошенькая?

— Ох, молодость, молодость! — пожал плечами Джон Пендлтон, — всегда первый вопрос — хорошенькая ли она.

— Нет, в самом деле! — настаивал молодой человек.

— Предоставлю тебе судить самому. Если ты... хотя, лучше не буду. Ты можешь слишком расстроиться. Поллианна не красавица по обычным меркам — ни кудрей, ни ямочек. Кроме того, насколько я знаю, Поллианна уверена в том, что она некрасива, и это омрачает её жизнь. Давным-давно она говорила мне, что мечтает, когда придёт на небо, занять чёрные кудряшки, а в прошлом году в Риме сказала ещё кое-что. Она только намекнула, несколькими словами, но за ними я увидел немало. Она сказала, что хотела бы прочитать роман про девушку с прямыми волосами и веснушками на носу. Но она радуется, что у девушек в книгах ничего этого нет.

— Это на неё похоже, на прежнюю Поллианну.

— О, ты всё же узнал её! — насмешливо улыбнулся Пендлтон. — А я думаю, что она красивая. У неё чудесные глаза, она просто воплощает радостную весну юности. Когда она разговаривает, лицо её озаряется внутренним светом и совершенно забываешь о том, что оно не совсем правильное.

— А она ещё играет в свою игру?

Джон Пендлтон ласково улыбнулся:

— Думаю, что играет, только не говорит об этом так много. Во всяком случае, не говорила мне за те два или три раза, что я её видел.

Наступила короткая пауза, потом молодой Пендлтон медленно сказал:

— Да, и это беспокоит меня. Её игра имела огромное значение для стольких людей... она многое изменила в городе. Я не могу смириться с тем, что она её оставила... Но не могу и представить, чтобы взрослая Поллианна постоянно убеждала людей чему-нибудь радоваться. Каким-то образом я... да, я... не хотел бы, чтобы Поллианна выросла...

— Я бы не горевал, — пожал плечами старший Пендлтон. — С Поллианной всегда всё проясняется, ты же знаешь, хоть в буквальном, хоть в переносном смысле. Я думаю, ты скоро обнаружишь, что у неё появились свои жизненные принципы. Возможно, они и не совсем такие, как в детстве. Бедняжка! Ей потребуется какая-нибудь игра, чтобы сделать жизнь более сносной, хотя бы на первое время.

— Вы о том, что миссис Чилтон потеряла состояние? Они в самом деле очень бедные?

— Наверное, да. Во всяком случае, они в плохом положении. Состояние миссис Чилтон лопнуло, как мыльный пузырь, а у бедного доктора оно слишком маленькое. Профессиональные услуги никогда не оплачивались хорошо, состояния на них не сделаешь. Томас никогда не мог отказать, все в городе это знали, и многие пользовались его добродушием. А в последнее время расходы у него были очень большие. Кроме того, он ожидал большой премии, когда закончит там свои исследования... Он думал, что у жены и Поллианны более чем достаточно, и ни о чем не беспокоился.

— Да, понимаю. Ах, как жаль...

— Это ещё не всё. Через два месяца после смерти Томаса, когда я их встретил в Риме, миссис Чилтон чувствовала себя ужасно. Убитая горем, она слышала только намёки на финансовые перемены, но уже не находила себе места. Возвращаться домой она отказалась наотрез. Так и сказала, что больше не хочет видеть Белдингсвилль. Понимаешь, она всегда была гордой женщиной, а эти несчастья сделали её просто невыносимой. Поллианна говорит, тётя была убеждена, что жители Белдингсвилла не одобряют её брака с Томасом, и теперь, когда он умер, она решила, что они не питают к ней сочувствия. Обидна ей и мысль о том, что в её глазах она не только овдовела, но и обнищала. Короче говоря, она возомнила себя всеми покинутой. Бедная маленькая Поллианна! Я просто поражался, как она всё это переносит. Если миссис Чилтон будет продолжать в том же духе, она просто угробит и себя, и племянницу. Поэтому-то я и сказал, что Поллианна теперь нуждается в какой-нибудь игре, если кто-то сможет её придумать.

— Какой ужас! — воскликнул молодой человек сдавленным голосом. — Подумать только, это случилось с Поллианной!

— Смотри, как они возвращаются домой — молча, никому не сообщив. Это всё Полли Чилтон, я уверен. Она не хочет, чтобы её кто-либо встречал. Никому, кроме старой миссис Дёрджин, она не написала, ведь у них ключи от дома.

— Да, Нэнси сказала мне об этом... добрая душа. Она распахнула все окна и двери и изо всех сил старается оживить дом, а то он похож на гробницу несбывшихся надежд. Конечно, сад в полном порядке, старик Том постоянно ухаживает за ним, я бы сказал — с большим вкусом. Но от этого только печальней.

Последовала долгая тишина, потом Джон Пендлтон коротко сказал:

— Их нужно встретить.

— Их встретят.

— А ты пойдёшь на станцию?

— Да.

— Тогда ты знаешь, каким поездом они должны прибыть?

— Никто не знает, даже Нэнси.

— Что же ты будешь делать?

— Я приду с самого утра и буду встречать каждый поезд, — с лёгкой горечью рассмеялся молодой человек. — Тимоти тоже приедет в семейном экипаже. Здесь не так уж много поездов.

— Да, да... — отвечал Джон Пендлтон. — Джим, я восхищаюсь твоей добротой, но не твоим разумом. Рад, что ты хочешь последовать велению сердца, и желаю тебе удачи.

— Благодарю, — грустно улыбнулся молодой человек. — Я нуждаюсь в таких пожеланиях, так я вам прямо и скажу, как говорит Нэнси.

ПОЛЛИАННА

Чем ближе подходил поезд к Белдингсвиллу, тем настороженнее наблюдала Поллианна за своей тётёй. С каждым часом миссис Полли становилась всё беспокойней, всё мрачней, и Поллианна с тревогой ожидала, что же будет, когда они подъедут к знакомой станции.

Сердце её сжималось при взгляде на миссис Чилтон. Она ни за что бы не поверила, что человек может так сильно измениться и постареть за какие-нибудь шесть месяцев. Глаза у вдовы стали тусклыми, щёки побледнели и опали, лоб был изборождён глубокими морщинами. Уголки губ опустились, а волосы были гладко зачёсаны и затянуты точно так же, как тогда, когда Поллианна впервые её увидела. С замужеством проявилась вся её мягкость и прелесть, теперь они слетели, как накидка, обнажив ожесточение и резкость, которыми жила когда-то Полли Харрингтон, не любящая и нелюбимая.

— Поллианна! — прозвучал резкий голос.

Поллианна смущённо подняла глаза. Ей казалось, что тётя прочитала её мысли.

— Что, тётя?

— Где этот чёрный пакет, самый маленький?

— Вот он.

— Приготовь мою чёрную вуаль. Мы почти приехали.

— Она очень густая, тётя, в ней жарко.

— Поллианна, я прошу чёрную вуаль. Пожалуйста, научись делать то, о чём тебя просят, без всяких возражений, тогда мне будет намного легче. Ты думаешь, я собираюсь представить всему Белдингсвиллу свой вид?

— Ах, тётя, никто даже не подумает ничего плохого! — запротестовала Поллианна, торопливо копясь в чёрном пакете. — Да и никто не будет нас встречать. Ведь вы же знаете, что никому не сообщали о своём приезде.

— Да, знаю. Мы никому не поручали встречать нас, но мы поручили миссис Дёрджин проветрить комнаты к сегодняшнему дню и положить ключи под коврик. Ты считаешь, что она не разболтает это? Не думаю! Полгорода слышало, что мы приезжаем сегодня, немало любопытных будет вертеться на станции к прибытию поезда. Уж я-то их знаю! Им не терпится увидеть, как бедная Полли Харрингтон теперь выглядит. Они...

— Ох, тётя, тётя! — взмолилась Поллианна со слезами на глазах.

— Если бы я не была так одинока. Если бы Томас был здесь... — она замолчала и отвернулась, губы её конвульсивно задёргались. — Где же эта вуаль? — глухо проговорила она.

— Вот она, тётя, дорогая! Вот она, пожалуйста, — нежно проговорила Поллианна, сосредоточившись только на том, чтобы как можно скорее прикрепить вуаль к её шляпке. — Мы уже почти приехали. Ох, я так хочу, чтобы старый Том или Тимоти встретили нас!

— И мы прикатили домой с таким видом, как будто можем содержать лошадей и карету? Завтра же нам придётся всё это продать. Нет уж, спасибо. Я предпочитаю в наших обстоятельствах воспользоваться общественным транспортом.

— Я понимаю, но...

Дребезжа и сотрясаясь, поезд остановился, Поллианна замолчала, только вздохнув.

Когда обе женщины вышли на платформу, миссис Чилтон в своей чёрной вуали не смела посмотреть ни направо, ни налево. Поллианна всем кивала и улыбалась, но в глазах её блеснули слёзы. Вдруг она замерла, глядя в знакомое и совсем незнакомое лицо.

— Нет, не может быть... да это же Джимми! — она засияла, протягивая руки. — Наверное, надо сказать «мистер Пендлтон», — исправилась она, смущённо улыбаясь, а потом просто добавила: — Ты стал таким высоким и красивым!

— Я вижу, ты тоже постаралась, — улыбнулся молодой человек, и подбородок его задрожал по-мальчишески. Затем он повернулся и попытался заговорить с миссис Чилтон, но та чуть наклонила голову и не ответила.

Джимми опять посмотрел на Поллианну, в глазах его блеснули тревога и сочувствие.

— Пожалуйста, пойдёмте сюда, — торопливо предложил он. — Тимоти с экипажем здесь.

— Ой, как мило с его стороны! — воскликнула Поллианна, но с тревогой бросила взгляд на мрачную фигуру в вуали, торопливо идущую впереди. — Тётя, милая, Тимоти здесь, — она робко коснулась её руки. — Он приехал в карете. Она стоит вон там. А это Джимми Бин. Тётя, вы помните Джимми?

Замешкавшись и нервничая, она не заметила, что назвала молодого человека его старым именем. Однако миссис Чилтон это заметила. С явной неохотой она повернула голову и слегка кивнула.

— Мистер Пендлтон очень внимателен, я вижу, но должна сказать, что он или Тимоти могли не беспокоиться.

— Нет-нет, никакого беспокойства, я вас уверяю, — засмеялся молодой человек, стараясь скрыть неловкость. — Позвольте мне взять ваши квитанции, чтобы получить багаж.

— Благодарю вас, — начала миссис Чилтон, — я думаю, что мы мо...

Но Поллианна, услышав «благодарю вас», сразу дала ему квитанции и так посмотрела на тётю, что та больше ничего не сказала.

Дорога домой прошла в молчании. Тимоти, оскорблённый холодным приёмом своей бывшей госпожи, плотно сжав губы, сидел на переднем сиденье. Миссис Чилтон, бросив: «Пусть будет по-твоему, дитя. Если уж тебе так хочется, мы можем поехать домой и таким образом», — погрузилась в холодную мрачность. Однако Поллианна не чувствовала ни напряжения, ни натянутости. Радостно, хотя и со слезами на глазах, она приветствовала каждый любимый предмет. Только один раз она заговорила, и то лишь, чтобы сказать:

— Разве Джимми не прелесть? Как он повзрослел! А какие у него добрые глаза и улыбка! — Она немножко подождала, но, не услышав ответа, продолжала про себя, радостно улыбаясь: «Во всяком случае, я так думаю».

Тимоти, обиженный и смущённый, боялся сказать, что ожидает их дома, поэтому широко раскрытые двери и убранные цветами комнаты, да ещё и Нэнси в изящном реверансе были настоящим сюрпризом и для миссис Чилтон и для Поллианны.

— Ох, Нэнси, как всё чудесно! — воскликнула Поллианна, легко спрыгивая на землю. — Тётя, и Нэнси здесь, встречает нас. Вы только посмотрите, как очаровательно она всё прибрала!

Голос Поллианны звучал весело, хотя в нём можно было заметить дрожь. Возвращение

домой без доктора, которого она так любила, было для неё совсем не лёгким, и она понимала, каким же оно должно быть для тёти. Она знала, что та очень боится, как бы не расплакаться перед Нэнси. Скрытые вуалью глаза были полны слёз, губы дрожали. Поллианна ожидала, что тётя, чтобы скрыть своё состояние, постарается найти недочёты и разразится гневом. Поэтому она совсем не удивилась, услышав несколько холодных слов, обращённых к Нэнси и колючее: «Да, Нэнси, ты всё сделала неплохо, но я бы предпочла, чтоб ты не беспокоилась».

Вся радость моментально слетела с Нэнси. Она испугалась и остолбенела.

— Ох, миссис Полли, я хотела сказать, миссис Чилтон! — заикаясь, начала она. — Кажется, я не...

— Хорошо, хорошо, оставь, — прервала её миссис Чилтон. — Я не хочу больше об этом говорить, — и гордо подняв голову, важно прошагала в комнату. Через минуту они услышали, что дверь её комнаты плотно закрылась.

Нэнси испуганно повернулась.

— Ох, мисс Поллианна, что это значит? Что я сделала? Я думала, ей будет приятно. Ведь я хотела угодить!

— Ну конечно, ты всё сделала замечательно! — всхлипнула Поллианна и стала рыться в сумочке, ища носовой платочек. — Это так мило с твоей стороны, просто чудесно!

— А ей не понравилось!

— Нет, понравилось. Просто она не хочет показывать. Она боится, что если она покажет, смогут увидеть и другое... Ох, Нэнси, Нэнси, я так рада, просто до слёз! — и, обняв Нэнси, Поллианна разрыдалась на её плече.

— Ну вот, ну что ты, милая, успокойся, — бормотала Нэнси, поглаживая вздрагивающие плечи одной рукой, а другой старалась достать уголок фартука, чтобы смахнуть собственные слёзы.

— Понимаешь, я не должна плакать при ней, — заикаясь проговорила Поллианна. — Это трудно... приехать сюда после всего... Я понимаю, как ей плохо.

— Конечно, ну конечно, бедненькая овечка, — бормотала Нэнси. — И только подумать, что я сразу огорчила её...

— Нет, она не огорчена, — взволнованно перебила её Поллианна. — Просто она сейчас такая, Нэнси. Понимаешь, она не хочет никому показывать, как скверно она себя чувствует. Она боится, что это увидят, и использует всё, чтобы об этом не говорить. Со мной она точно такая же, поэтому я всё это знаю, понимаешь?

— Конечно, понимаю, вот так прямо и скажу, — Нэнси сурово поджала губы. Сочувствие её на мгновение исчезло, а рука, поглаживающая несчастную девочку, стала ещё нежнее. — Бедная овечка! Во всяком случае, я рада, что ты приехала.

— И я тоже, — вздохнула Поллианна, осторожно высвобождаясь из объятий и вытирая слёзы. — Теперь мне легче. Я так благодарна тебе, Нэнси, за всё, за всё! А теперь мы не можем больше тебя задерживать, ведь тебе пора идти.

— Ну, останусь на первое время, — хмыкнула Нэнси.

— Останешься? Как, Нэнси? Ведь ты вышла замуж? Разве ты не вышла за Тимоти?

— Конечно, но он не будет возражать. Он хочет, чтобы я побыла с тобой.

— Ох, Нэнси, мы не можем тебе позволить, — настаивала Поллианна. — У нас никого не может быть... ты ведь знаешь?! Теперь я сама буду всё делать. Пока мы должны жить очень экономно, так сказала тётя Полли.

— Ха! Как будто я возьму деньги... — начала Нэнси, сдерживая гнев, но, увидев лицо Поллианны, остановилась и остальные слова протеста пробормотала про себя, торопливо покидая комнату, чтобы взглянуть на курицу, запекавшуюся в духовке.

Только после того как закончился ужин и вся посуда была прибрана, миссис Тимоти Дёрджин решила отправиться домой вместе с мужем. Покидая дом, она повторяла, чтобы ей дали знать, когда понадобится помощь.

Проводив Нэнси, Поллианна вошла в гостиную, где миссис Чилтон сидела одна, закрыв глаза рукой.

— Может быть, тётя, зажечь свет? — живо спросила Поллианна.

— Да, пожалуйста.

— Какая Нэнси молодец, так мило всё приготовила!

Ответа не последовало.

— Где только она могла набрать столько чудесных цветов? Она поставила их во всех комнатах, даже в обеих спальнях.

Опять последовало молчание.

Поллианна приглушённо вздохнула и тоскливо посмотрела на безжизненное лицо тётушки. Через мгновение она с надеждой начала опять:

— Я встретила старого Тома в саду. Бедный, ревматизм его совсем скрутил, он почти наполовину согнулся. Он особенно расспрашивал о вас и...

Миссис Чилтон повернулась и резко прервала её:

— Поллианна, что мы будем делать?

— Что делать? Ну конечно, всё, что только сможем!

Миссис Чилтон резко взмахнула рукой.

— Хватит, Поллианна, хватит, будь посерьёзнее. Я довольно быстро обнаружила, что это не шутка. Что мы будем делать? Как ты знаешь, мы лишились всех доходов. Конечно, есть вещи, которые ещё кое-что стоят, но мистер Харт сказал, что трудно будет их продать. Немного денег у нас есть в банке, ещё что-то должно поступить... Есть и этот дом. Но что толку? Это не платье и не еда. Он слишком велик для нас, но мы не продадим его и за половину цены. Правда, может случиться, что кому-то он понравится.

— Продать дом? Ох, тётя, только не это! Ваш чудесный дом, в котором так много красивых вещей!

— Возможно, я должна буду это сделать, Поллианна. К сожалению, нам надо как-то питаться.

— Знаю, знаю, да я ещё всегда такая голодная! — пробормотала Поллианна, грустно

усмехаясь. — И всё же я должна радоваться, что у меня такой хороший аппетит.

— Счастливая! Нашла чему порадоваться. Но что же мы будем делать, дитя? Я бы хотела, чтобы хоть минуту ты была серьёзной.

Вдруг лицо Поллианны изменилось.

— Я уже серьёзная, тётя Полли. Я уже думала. Я... я бы хотела... немного зарабатывать.

— Ох, дитя, как больно слышать, что ты мне это говоришь! — застонала вдова. — Дочь Харрингтонов должна зарабатывать свой хлеб!

— Совсем не так, — засмеялась Поллианна. — Вы должны радоваться, что дочь Харрингтонов достаточно сообразительна, чтобы заработать на хлеб! Это никого не унижает, тётя Полли.

— Возможно, и нет, но это совсем не приятно, после того положения, которое мы всегда занимали в Белдингсвилле.

Поллианна, казалось, не слышала, она погрузилась в себя.

— Если бы у меня был талант! Если бы я могла хоть что-нибудь делать лучше, чем кто бы то ни был в мире, — наконец вздохнула она. — Я немного пою, чуть-чуть играю, немножко вышиваю и штопаю, но ничего не могу делать хорошо, во всяком случае — настолько хорошо, чтобы мне за это платили. Я думаю, больше всего я люблю стряпать, — заключила она после минутной паузы, — и убирать. Помните, как я любила хозяйничать, когда Гретхен не приходила. Но я почему-то не хотела бы идти на чужую кухню.

— Как будто я тебе позволю! — передёрнулась миссис Чилтон.

— Конечно, если я буду стряпать на нашей собственной кухне, это нам ничего не принесёт, — сказала Поллианна, — мне никто не заплатит. А ведь деньги-то нам и нужны.

— Очень нужны, — вздохнула тётя Полли.

Воцарилось долгое молчание, которое опять прервала Поллианна.

— Представить только, что вы сделали для меня! А теперь, если бы только я могла, я бы помогла вам! Но я не знаю, как это сделать! Неужели я не родилась с тем, что гораздо дороже денег?

— Хорошо, дитя, прекрати. Конечно, если бы доктор... — дальше она говорить не смогла.

Поллианна быстро взглянула на неё и вскочила.

— Ну что вы, дорогая! — воскликнула Поллианна. — Не расстраивайтесь. Давайте поспорим, в один из этих дней у меня проявится какой-нибудь талант! Кроме того, это просто восхитительно, ведь сейчас столько неизвестного! Очень весело что-нибудь захотеть, а потом увидеть, исполнится ли это. Просто жить и верить, что у тебя будет всё, чего пожелаешь — нудно и неинтересно, — закончила она с весёлым смехом.

Однако миссис Чилтон не засмеялась. Она только вздохнула и сказала:

— Боже мой, Поллианна, какой ты ещё ребёнок!

ТЁТЯ И ПОЛЛИАННА ПРИСПОСАБЛИВАЮТСЯ К НОВОЙ ЖИЗНИ

Первые дни в Белдингсвилле были совсем не лёгкими ни для миссис Чилтон, ни для Поллианны. Они приспособлялись, а такое время редко бывает лёгким.

После путешествий и треволнений нелегко перестроить свой ум на то, чтобы сориентироваться в ценах на провизию и хитростях мясника. Тем, кому удавалось распоряжаться своим временем, как им вздумается, нелегко стать слугами того же самого времени, которое неумолимо диктует, что надо сделать. Их навещали друзья и соседи, и хотя Поллианна всегда приглашала их с радушием, миссис Чилтон, когда представлялась возможность, старалась найти отговорки и горько говорила ей:

— Сердечное участие! Да они хотят посмотреть, как Полли Харрингтон выглядит нищей.

О докторе миссис Чилтон говорила очень редко, хотя Поллианна прекрасно знала, что он никогда не исчезнет из её мыслей и что добрая половина её замкнутости — простая маска глубоких страданий, которые она не хочет выставлять напоказ.

За этот месяц Поллианна несколько раз видела Джимми Пендлтона. Первый раз он пришёл вместе с отцом, и всё шло гладко, но только до тех пор, пока не вошла тётя Полли и визит не превратился в натянутую церемонию. Потом Джимми несколько раз приходил один, как-то он принёс огромный букет, как-то — книжку для тёти. Два раза он приходил просто без всякой причины. Поллианна всегда встречала его с нескрываемым удовольствием, а тётя Полли после того, первого, раза с ним больше не виделась.

Большинству своих друзей и знакомых Поллианна очень мало рассказывала о перемене в обстоятельствах. Однако с Джимми она говорила свободно, и у неё постоянно вырывалось: «Хоть бы я хоть что-нибудь умела делать!»

— Я становлюсь ужасно расчётливой, — горестно смеялась она. — Теперь я всё измеряю на деньги, а думаю долларами и центами. Понимаешь, тётя Полли чувствует себя такой бедной!

— Это просто невероятно! — вспыхивал Джимми.

— Честно говоря, она чувствует себя гораздо беднее, чем она есть. Но я всё равно хотела бы ей помочь.

Джимми посмотрел на её печальное лицо, и его взгляд смягчился.

— Чем бы ты хотела заняться, если бы могла? — спросил он.

— Я бы хотела стряпать и прибирать, — улыбнулась Поллианна. — Я люблю взбивать яйца с сахаром и слушать, как ворчит сода в чашке с простоквашей. Я была бы счастлива, если бы знала, что надо стряпать целый день, но у нас на это нет денег... разве только ещё у кого-нибудь! Но... я не могу сказать, что я бы очень хотела... всё-таки на чужой кухне!..

— Что ты говоришь! — воскликнул Джимми.

Он опять посмотрел на её выразительное лицо, и уголки его губ как-то странно искривились. Он поджал губы, потом заговорил, медленно краснея.

— Конечно, ты можешь выйти замуж. Ты уже думала об этом?

Поллианна весело засмеялась. Её голос и движения были совершенно свободными, и это

свидетельствовало о том, что сердце её не задето даже случайными стрелами Амура.

— Ох, нет! Я никогда не выйду замуж, — беспечно ответила она. — Прежде всего, я некрасивая, ты же знаешь. А во-вторых, я буду жить с тётёй Полли и заботиться о ней.

— Некрасивая? — загадочно улыбнулся Джимми. — Неужели тебе никогда не приходило в голову, что может быть и другое мнение?

Поллианна уверенно мотнула головой.

— Нет, не может. Понимаешь, у меня есть зеркало, — возразила она, сопровождая свои слова радостным взглядом.

Звучало это кокетливо, то есть звучало бы кокетливо, если бы так сказала любая другая девушка, но, глядя на её открытое лицо, Джимми признался себе, что кокетства здесь нет. Вдруг ему стало понятно, почему Поллианна так не похожа на других. Каким-то образом в ней сохранился прежний, чистый, взгляд на вещи.

— Почему ты считаешь, что ты некрасивая? — спросил он. Хотя он и знал её, он задохнулся от своей дерзости, невольно подумав, с какой молниеносной быстротой девушки, которых он знал, возмутились бы тем, что он с ними согласен. Но с первых слов Поллианны он понял, что даже этот затаённый страх неоснователен.

— Почему? — печально усмехнулась она. — Такая уж уродилась. Ты, может быть, не помнишь, но когда-то давно, когда я была маленькой, мне всегда казалось, что, когда я приду на небо, у меня будут чёрные кудряшки.

— Это и сейчас твоя заветная мечта?

— Н-нет... — смутилась Поллианна. — Но они мне всё равно нравятся. Да и кроме того, ресницы у меня не длинные, нос не греческий, не римский и не какой-нибудь такой, который считается красивым. Просто нос. Лицо длинное или слишком короткое... не помню, какое именно, но я его один раз измеряла и сравнивала с лицом образцовой красавицы. У неё ширина лица должна быть равной пяти глазам, а ширина глаза... чему-то ещё. Я забыла, только мои глаза всё равно не подходят.

— Что за мрачная картина! — рассмеялся Джимми. И, с восхищением глядя на восторженное лицо и выразительные глаза, он спросил: — А ты смотрела в зеркало, когда разговариваешь?

— Конечно, нет! Зачем?

— Ну тогда как-нибудь попробуй.

— Что за смешная мысль! — засмеялась она. — А что я должна говорить? Скажем, так: «Если тебя не устраивают твои ресницы и твой нос, радуйся, что у тебя всё-таки есть и нос, и ресницы!»

Джимми расхохотался вместе с ней, но на лице его появилось странное выражение.

— Ты всё ещё играешь в свою игру, — сказал он. Поллианна удивлённо повернула голову и посмотрела на него.

— Ну конечно! А что? Джимми, ведь я бы ни за что не выжила эти последние шесть месяцев, если бы у меня не было игры! — голос её немножко дрогнул.

— Просто я не слышал, чтобы ты о ней упоминала, — заметил он.

Она покраснела.

— Я думаю, что просто боюсь много говорить... с незнакомыми, ведь им всё равно. Когда мне двадцать, это не так, как было в десять... Конечно, я понимаю... Люди не любят, чтобы им проповедовали, — закончила она с грустной улыбкой.

— Да, — кивнул молодой человек. — Но иногда мне интересно, Поллианна, понимаешь ли ты всю глубину этой игры и что она сделала с теми, кто в неё играет?

— Я знаю, что она значит для меня. — Голос её стал тихим, глаза смотрели в сторону.

— Она очень много меняет, если знаешь Спасителя, — начал он после долгого молчания. — Ведь без Него она невозможна! Человек не может радоваться пустоте, а жизнь без Него пуста. Но когда Спаситель заполняет сердце, радостью наполняется вся жизнь. Если бы люди могли это понять, изменился бы весь мир.

— Джимми, как хорошо, что ты это знаешь... Многие люди не хотят этого понять, — грустно улыбнулась Поллианна. — В прошлом году в Германии я встретила с одним человеком. Он потерял все деньги и очень мучался. Какой он был мрачный! Кто-то в моём присутствии попытался пошутить и сказал: «Не печалься, всё могло быть гораздо хуже!» Если бы ты только слышал, что он на это ответил! «Меня особенно злит, — прорычал он, — когда мне говорят, что могло быть хуже. Я должен, видите ли, благодарить за то, что у меня есть! Ходят с Евангелием в руках и скалят зубы, болтая о том, как они благодарны, что могут дышать, есть, ходить, лежать! Когда мне говорят, что я должен быть благодарен, мне просто хочется пристрелить кого-нибудь». Представляешь, что бы могло случиться, если бы я заговорила с ним о моей игре? — засмеялась Поллианна.

— Он нуждается в ней, — ответил Джимми.

— Конечно, нуждается, но ни за что не дал бы мне и слова сказать.

— Наверное, ты права. Но посуди сама, с этой своей философией, он сделал себя и всех окружающих очень несчастными! А представь, если бы он стал играть в твою игру. Пока он искал бы что-нибудь, чему можно порадоваться, он просто не мог бы ворчать и брюзжать. Ему было бы легче. А если бы он узнал о Том, Кто всё это даёт и отнимает, и понял, что Он никогда не ошибается, а всё делает для нашего блага, то стал бы совершенно другим. С ним легко было бы жить, ему самому было бы хорошо. Когда держишь бублик, не нужно думать о дырке — подумай о том, что у тебя есть бублик. Да, беда одна не приходит, обычно события разворачиваются цепочкой.

Поллианна одобряюще улыбнулась.

— Знаешь, я вспомнила, что я сказала одной старушке. Она была в «Женской помощи» на Дальнем Западе и просто наслаждалась своими несчастьями, рассказывала о них всем подряд. Мне тогда было лет десять, и я учила её играть в игру. Ничего не получалось. Наконец я поняла причину и победоносно провозгласила: «Ну, тогда можете радоваться, что у вас столько бед, ведь вам очень нравится быть несчастной!»

— И на неё это подействовало? — усмехнулся Джимми.

Поллианна стала серьёзной.

— Боюсь, что если бы я сказала так тому человеку в Германии...

— Нет, говорить надо, ты должна говорить... — он остановился с таким странным выражением лица, что Поллианна удивлённо на него посмотрела.

— В чём дело, Джимми?

— Да нет, ничего, просто я подумал, — ответил он, — я заставляю тебя всё это делать, а сам боялся, что ты этим занимаешься. Понимаешь? Боялся, что... что... — он запутался, сильно покраснел и замолчал.

— Нет, Джимми, — настаивала она, — не думай, что на этом можно остановиться. Что ты хочешь сказать? Пожалуйста, продолжай!

— Да ничего особенного.

— Я жду-у, — тихо проговорила Поллианна. Голос её был спокойным и уверенным, но глаза прищурились.

Молодой человек, совсем смутившись, глянул на её улыбающееся лицо и сдался.

— Ну ладно, пусть будет по-твоему, — пожал он плечами. — Просто я немножко беспокоился... об игре... Боялся, что ты будешь о ней говорить, как в детстве.

Весёлый смех прервал его.

— Что я тебе говорила? Даже ты беспокоился, как будто в двадцать лет я могу быть такой же, что и в десять!

— Н-нет, Поллианна! Честно, я не это имел в виду. Я думал... конечно, я знал...

Но Поллианна заткнула уши пальцами.

ДВА ПИСЬМА

Во второй половине июня Поллианна неожиданно получила письмо от Деллы Уэзербай.

«Я очень прошу тебя оказать мне услугу, — писала та. — Надеюсь, ты могла бы мне посоветовать хорошую тихую семью в Белдингсвилле, которая была бы не против, чтобы сестра моя пожила у них летом. Их будет трое — миссис Кэрю, её секретарь и приёмный сын Джемми. (Наверное, ты его помнишь?) Они бы не хотели жить в обыкновенной гостинице или в доме, который сдаётся. Сестра очень устала, и доктор посоветовал, чтобы она поехала куда-нибудь в тихое местечко, чтобы совершенно отключиться от всего. Он рекомендовал Вермонт или Нью-Хемпшир, но мы сразу подумали про Белдингсвилль и про тебя. Не могла бы ты порекомендовать нам подходящую семью?»

Я обещала Руфи написать тебе. Они хотели бы выехать, если можно, в первых числах июля. Не слишком ли затруднительно ответить, если ты знаешь такое место? Пожалуйста, пиши мне сюда, сестра моя сейчас здесь, в санатории, уже несколько недель.

Надеюсь на утешительный ответ.

С сердечным приветом, Делла Уэзербай».

Прочитав письмо, Поллианна несколько минут сидела, сдвинув брови и перебирая в уме дома Белдингсвилла. Потом она вдруг улыбнулась и с радостными возгласами бросилась в гостиную тёти.

— Вот оно, вот! — радостно лепетала она. — Какая чудесная мысль пришла мне в голову! Я же говорила, что-то обязательно произойдёт и у меня будет возможность проявить свой талант! И вот, пожалуйста. Я только что получила письмо от мисс Уэзербай, сестры миссис Кэрю, у которой я жила в Бостоне. Так вот, они хотят приехать сюда на лето. Мисс Уэзербай просит написать, не знаю ли я для них подходящего места, понимаете, они не хотят жить в гостинице или снять обыкновенный дом. Сначала я не могла ничего придумать, но теперь я знаю! Я знаю, тётя Полли! Угадайте!

— Ну что ты, детка! — воскликнула миссис Чилтон. — Как ты врываешься! Ты ведёшь себя, как подросток, а ведь ты взрослая девушка. Теперь объясни мне по порядку, в чём дело.

— Я говорю о жилье для миссис Кэрю и Джеми. Я нашла его! — тараторила Поллианна.

— В самом деле? Ну и что? Какой в этом прок для меня? — устало пробормотала миссис Чилтон.

— Да это же здесь! Они приедут сюда!

— Поллианна! — миссис Чилтон в ужасе выпрямилась.

— Подождите, тётя, пожалуйста, не говорите «нет»! — взмолилась Поллианна. — Разве вы не видите? Этого я и ждала, это случай, который прыгнул прямо мне в руки. Мы прекрасно всё можем устроить. Комнат у нас достаточно, я могу стряпать и наводить порядок. Они хорошо заплатят, я знаю. И с удовольствием приедут. Их трое, с ними ещё и секретарь.

— Поллианна! Я не могу! Превратить этот дом... в гостиницу? Поместье Харрингтонов в обыкновенную гостиницу?

— Нет, в необыкновенную. Да и кроме того, они ведь старые знакомые. Всё будет так, как будто друзья приехали к нам в гости, только они заплатят, а мы немного заработаем. Ведь нам нужны деньги, очень нужны, — подчеркнула она.

Тень уязвлённой гордости пробежала по лицу Полли Чилтон. С тихим стоном она откинулась на спинку кресла.

— Как ты справишься? — слабо спросила она. — Ты не сможешь всю работу делать сама, детка.

— Ой, конечно, нет! — воскликнула Поллианна, зная, что победила. — Но ведь я могу готовить и наблюдать за всем, пригласим одну из Нэнсиных младших сестрёнок, она мне поможет. Стиркой будет заниматься миссис Дёрджин, как и сейчас.

— Но, Поллианна, я не очень хорошо себя чувствую, ты же знаешь! Я почти ничем не смогу помочь.

— А зачем? — успокоила её Поллианна. — Ох, тётя, это будет так интересно! Просто не верится, деньги сами падают нам в руки.

— Ну конечно, прямо посыпались! Ты всё ещё должна кое-чему научиться, Поллианна. Взять жильцов на лето — не так просто. Надо внимательно за всем следить и много делать. Тебе придётся бегать, печь, варить до изнеможения. Когда ты, стараясь предоставить всё, от свежих яиц до погоды, рада будешь присесть, ты вспомнишь, что я тебе говорила.

— Хорошо, постараюсь вспомнить, — рассмеялась Поллианна. — Но я не собираюсь беспокоиться сейчас. Я только быстренько напишу мисс Уэзербай, чтобы отдать письмо Джимми Бину, когда он придёт после обеда, и попрошу его зайти на почту.

Миссис Чилтон беспокойно заёрзала.

— Поллианна, я бы просила, чтобы ты называла этого молодого человека его настоящим именем. Его фамилия Пендлтон, насколько я знаю.

— Вы правы, — согласилась Поллианна, — но я постоянно забываю. Конечно, это ужасно, ведь он законно усыновлён. Но понимаете, я так волнуюсь! — приплясывая, закончила она и исчезла в другой комнате.

Когда Джимми пришёл в четыре часа, письмо было уже готово. Поллианна всё ещё трепетала от восторга и, не теряя времени, всё сообщила своему другу.

— Кроме того, я ужасно хочу их увидеть! — воскликнула она, как только посвятила его в свои планы. — С той самой зимы я ни разу никого из них не видела. Ведь я тебе рассказывала? Я тебе говорила про Джеми?

— О да, говорила!

— Ну, разве не прекрасно, что они могут приехать?!

— Не знаю, могу ли я назвать это прекрасным, — отвечал он.

— Неужели не прекрасно, что я могу помочь тёте Полли, пусть даже совсем немножко? Почему же, Джимми? Это замечательно!

— А мне кажется, для тебя это будет тяжело, — сдержанно проговорил Джимми.

— Да, конечно. Но я буду очень рада деньгам, я ведь постоянно думаю о них. Видишь, — вздохнула она, — какая я скряга.

Джимми долго молчал, потом спросил небрежно:

— Сколько лет этому Джеми?

Поллианна взглянула на него с весёлой улыбкой.

— А, теперь я вспомнила, тебе никогда не нравилось его имя! — и она поморщилась. — Ну, это ничего, его усыновили, и теперь его фамилия Кэрю. Ты можешь его называть по фамилии.

— А сколько ему лет? — мягко напомнил ей Джимми.

— Я думаю, этого никто не знает. Понимаешь, он не может сказать, но мне кажется, что он — как ты. Интересно, какой он сейчас? Вообще-то я всё расспросила в этом письме.

— Да?! — Пендлтон опустил глаза, посмотрел на письмо и с лёгкой досадой встряхнул его, подумав, что с удовольствием бы выбросил его или порвал, или отдал кому-нибудь, только бы не посылать. Он отлично понимал, что просто ревнует, как всегда ревновал её к этому субъекту с именем, похожим и не похожим на его имя. Дело не в том, что он любит Поллианну, гневно убеждал он себя, нет, не в том. Просто он не хочет, чтобы незнакомый субъект с каким-то слюнявым именем приезжал в Белдингсвилль и постоянно вертелся рядом. Он собрался высказать всё это, но что-то удержало его. Постояв немного, он ушёл, унося с собой злосчастное письмо.

Несколько дней спустя Поллианна получила срочный и полный восторга ответ от мисс Уэзербай. Это явно доказывало, что Джимми не выбросил, не порвал и никому не отдал письмо, написанное Поллианной, а аккуратно отправил его по назначению. Когда же в

следующий раз он навел на Поллианну, то выслушал полученный ответ, вернее сказать, часть его, потому что она предупредила:

— Сперва она, конечно, говорит о том, как они рады приехать. Это я не буду тебе читать. Мне кажется, тебе интересна вторая половина, ты ведь слышал от меня о них очень много. Да ты скоро и сам их узнаешь. Ох, Джимми, я так надеюсь, что ты сможешь мне сделать, чтобы им было здесь хорошо!

— Да?

— Пожалуйста, не подначивай меня из-за того, что тебе не нравится его имя! — с деланной строгостью прервала его Поллианна. — Я уверена, что сам он тебе понравится и ты полюбишь миссис Кэрю.

— Да? — опять повторил Джимми с лёгким раздражением. — Серьёзная перспектива. Будем надеяться, что если я её полюблю, она соизволит ответить мне взаимностью.

— Ну конечно! — улыбнулась Поллианна. — Слушай, теперь я прочитаю тебе о ней. Пишет её сестра Делла, ты знаешь, это мисс Уэзербай из санатория.

— Ладно, давай! — бросил Джимми, изо всех сил стараясь проявить вежливый интерес.

И Поллианна, всё ещё лукаво улыбаясь, начала читать:

«Ты просишь меня рассказать тебе всё про всех. Это нелегко, но я постараюсь. Прежде всего, я думаю, ты увидишь, что моя сестра сильно изменилась. Новые интересы, которые появились в её жизни за последние шесть лет, пошли ей на пользу. Она немного похудела и устала, но хороший отдых всё это снимет. Ты удивишься, как молодо и счастливо она выглядит. Обрати внимание на слово, которое я подчеркнула. Оно, может быть, не имеет такого значения для тебя, как для меня. Конечно, ты была слишком юной, чтобы понять, насколько она несчастна. Жизнь её была мрачной и бесцельной, а теперь она наполнена радостью и смыслом!

Во-первых, у неё есть Джеми. Когда ты увидишь их вместе, тебе не нужно будет объяснять, что он для неё значит. У нас до сих пор нет никакой уверенности, наш ли он Джеми, но сестра любит его, как собственного сына и официально усыновила, о чём, я думаю, ты уже знаешь.

Во-вторых, у неё есть девушки. Ты помнишь Сэди, продавщицу? Так вот, началось всё с того, что моя сестра заинтересовалась ею и старалась устроить ей более счастливую жизнь. Постепенно она расширяла и расширяла свои интересы, и сейчас у неё десятка два девушек, которые почитают её и относятся к ней как к своему доброму ангелу. Она устроила дом для рабочих девушек, в котором началась новая жизнь. Полдюжины состоятельных, имеющих положение людей сотрудничают с ней, но именно она — голова, да и шея. Она никогда не останавливается, отдаёт себя целиком каждой нуждающейся. Можешь себе представить, какое это напряжение. Главная её поддержка и правая рука — секретарь, Сэди Дин. Ты увидишь, она тоже изменилась, но, однако, это прежняя Сэди.

Что же касается Джеми — бедный Джеми! Самая великая печаль в его жизни — он теперь знает точно, что никогда не сможет ходить. Некоторое время мы надеялись. Он пробыл у нас в санатории целый год, и доктор развил его до такой степени, что теперь он ходит на костылях, но калекой останется. Во всём же остальном он просто прелесть. Когда узнаешь его поближе, забываешь о том, что он калека, душа у него такая свободная! Я не могу объяснить, но ты сама поймёшь. Он просто покоряет мальчишеским энтузиазмом и волей к жизни. Только одно омрачает его радость — а вдруг он не Джеми Кент, не наш племянник? Он очень долго думал об этом, вспоминал, мечтал, и, наконец, убедил себя, что он настоящий Джеми. Если это и не так, он никогда об этом не узнает».

— Вот и всё, — сказала Поллианна, складывая убористо исписанный листок. — Это так интересно!

— Конечно! — в голосе Джимми послышалась искренняя нотка; он порадовался, что у него здоровые ноги. Он даже на мгновение подумал, что этому Джеми причитается часть Поллианнинных забот, если он, конечно, будет знать меру. — Да, ему очень трудно.

— Трудно! Ты даже понятия не имеешь, о чём ты говоришь, Джимми Бин! — вспыхнула Поллианна. — А я знаю. Я не могла ходить! Я знаю!

— Конечно, конечно, — наморщил лоб молодой человек, но, глянув на сочувственное лицо и полные слёз глаза, засомневался, хочет ли он, чтобы этот Джеми появлялся в их городе, если даже при одной мысли о нём она так меняется.

ПЛАТНЫЕ ГОСТИ

Последние несколько дней перед приездом «этих ужасных людей», как окрестила их тётя Полли, были, конечно, суматошными. Но они были и счастливыми, потому что Поллианна решила не уставать и не расстраиваться, какими бы запутанными или безвыходными ни оказывались ситуации.

Пригласив Нэнси и её младшую сестрёнку Бетти себе в помощь, она бегала по дому, из комнаты в комнату, всё устраивая и благоустраивая для будущих квартирантов. Миссис Чилтон почти ничем не могла помочь, прежде всего — из-за того, что нехорошо себя чувствовала. Кроме того, ей всё это не нравилось, потому что уязвляло её харрингтонскую гордость, задевало имя и положение. Поэтому с её губ постоянно срывались стоны:

— Ох, Поллианна, Поллианна! Только подумать, что наше поместье дошло до такого состояния!

— Это совсем не так, — смеясь утешала ее Поллианна. — Просто семейство Кэрю приезжает в поместье Харрингтонов!

Но миссис Чилтон не так легко было переубедить. Она осуждающе взглянула и глубоко вздохнула, и Поллианне пришлось оставить её наедине с мрачными мыслями.

Наконец Поллианна вместе с Тимоти, который теперь владел их лошадьми, поехала на станцию, чтобы встретить вечерний поезд. До сих пор ничто, кроме уверенности и радостного предчувствия, не наполняло её сердце. Но с гудком паровоза её охватили сомнения, застенчивость и тревога. Она поняла, что ей, практически почти без всякой помощи, придётся делать всё. Вспомнила она и миссис Кэрю, её изысканный вкус. Кроме того, она представила, что рядом будет молодой человек, совершенно непохожий на того мальчика, с которым она когда-то дружила.

На одно короткое мгновение ей захотелось убежать куда-нибудь.

— Тимоти, мне... мне нехорошо. Я... я скажу, чтобы они уезжали... — невнятно пробормотала она и повернулась, как будто пытаясь убежать.

— Ч-что? — воскликнул поражённый Тимоти.

Одного взгляда на его недоуменное лицо было достаточно. Поллианна рассмеялась и настороженно выпрямилась.

— Ничего, не обращай внимания! Смотри — они здесь, — задыхаясь, проговорила она, и, почти придя в себя, бросилась вперёд.

Она сразу их узнала. Костыли в руках у высокого, кареглазого человека уничтожили всякое сомнение.

Сначала все они жадно обменивались рукопожатиями и бессвязными восклицаниями, затем каким-то образом она оказалась в коляске рядом с миссис Кэрю, а напротив сидели Джеми и Сэди. Тут-то ей представился случай взглянуть на своих друзей и заметить, как они изменились за шесть лет разлуки.

Миссис Кэрю просто поразила её. Она забыла, что та такая милая, что ресницы у неё длинные, а сияние глаз просто обворожительно, и поймала себя на завистливой мысли о том, как совпадает это безупречное лицо с эталоном красоты. А больше всего она обрадовалась, что исчезли складки мрачности и недовольства.

Затем она повернулась к Джеми. Здесь её опять ожидал сюрприз, и по той же самой причине. Джеми стал красивым. Его тёмные глаза, бледное лицо и тёмные, вьющиеся волосы были просто неотразимы. Потом взгляд её случайно упал на костыли, и горло перехватило от жалости.

Потом она повернулась к Сэди. Та не очень изменилась с тех пор, как они встретились в парке, но Поллианна и с одного взгляда заметила, что волосы, одежда, манера, разговор и характер её стали совершенно другими.

Джеми первым нарушил молчание.

— Как мило с твоей стороны, что ты позволила нам приехать! — обратился он к Поллианне.
— Знаешь, о чём я подумал, когда прочёл твоё письмо?

— Ну конечно, не знаю, — проговорила Поллианна. Она всё ещё видела костыли, стоящие рядом с ним, и горло её всё ещё было сдавлено.

— Я подумал о маленькой девочке в парке с мешочком орехов для сэра Ланселота и леди Джиневеры. Ты просто принимаешь нас вместо них, потому что у тебя есть мешочек орехов, и ты не будешь счастлива, пока не поделишься с нами.

— Мешочек с орехами! — засмеялась Поллианна.

— Да, да, только сейчас твой мешочек — проветренный деревенским воздухом комнаты, и парное молоко, и яйца прямо из курятника, — развивал свою мысль Джеми. — Но это почти одно и то же. Лучше предупредить тебя сразу. Помнишь, какой жадный был сэр Ланселот? — и он многозначительно замолчал.

— Ничего, я рискну, — улыбнулась Поллианна, радуясь тому, что тётя Полли не присутствует, чтобы услышать, как её самые худшие предсказания исполняются почти с первых же минут. — Бедный сэр Ланселот! Интересно, кормит его кто-нибудь сейчас, да и вообще, там ли он?

— Если он ещё там, то он сыт, — весело прервала их миссис Кэрю. — Этот необыкновенный мальчик наведывается туда, по крайней мере, раз в неделю, с карманами, полными орехов. Его можно выследить по дорожке зёрен. Бывает, я заказываю кашу на завтра, а кухарка мне докладывает: «Мистер Джеми скормил крупу голубям».

— Позвольте мне! — оживлённо вставил Джеми, и Поллианна уже слушала вместе с остальными старую очаровательную историю о двух белочках, живших в солнечном саду. Позже она поняла, что имела в виду Делла Уэзербай — когда они подъехали к дому, как при вспышке молнии, она увидела, что Джеми подхватил свои костыли и вылез из коляски. На эти короткие десять минут он заставил её забыть о своём недостатке.

Поллианна с облегчением расслабилась, познакомив тётю Полли с гостями; всё прошло намного лучше, чем она ожидала. Новоприбывшие откровенно радовались старинному дому, и хозяйке просто невозможно было сохранить свою чопорность. Кроме того, не прошло и часа с тех пор, как они приехали, а обаяние Джеми проникло даже через эту непроницаемую броню. Поллианна отметила, что самая большая опасность миновала, и тётя Полли, сама того не подозревая, заняла положение гостеприимной хозяйки.

Однако Поллианна отлично понимала, что не весь груз снят с её плеч. Перед нею была уйма работы. Бетти, сестрёнка Нэнси, изо всех сил старалась помочь, но это всё же не Нэнси. Её приходилось учить, а ученье всегда занимает много времени. Беспокоило и то, что не всё удавалось сделать так, как нужно. Пыль на стульях была для неё драмой, осевший торт — трагедией. Постепенно, после настоятельных уговоров миссис Кэрю и Джеми, она стала реагировать на это легче. Она поняла, что настоящей бедой для её друзей были не пыльные стулья и не осевший торт, а тревога и усталость на её собственном лице.

— Ты думаешь, нам недостаточно того, что ты позволила нам приехать? — говорил Джеми.
— Решила замучить себя работой, чтобы нас покормить.

— Да мы и не сможем столько съесть, — засмеялась миссис Кэрю, — а то у нас будет «заворот», как выражается одна из моих девушек, когда что-нибудь не идёт ей на пользу.

Через некоторое время стало совсем хорошо, новые члены семьи легко влились в повседневную жизнь. Не прошло и суток, как миссис Кэрю вынудила миссис Чилтон задавать ей довольно интересные вопросы о новом Доме для рабочих девушек, а Сэди и Джеми спорили, предлагая почистить горошек или нарезать цветов.

Уже почти неделю пробыли Кэрю в поместье, когда как-то вечером нанесли визит Джон Пендлтон и Джимми. Поллианна хотела, чтобы они пришли поскорей, и теперь с гордостью представляла гостей друг другу.

— Вы мои самые близкие друзья, и я хочу познакомить вас, чтобы мы могли дружить все вместе, — объяснила она.

Джимми и мистер Пендлтон были просто потрясены обаянием и красотой миссис Кэрю, и это Поллианну не удивило, но её поразило выражение лица миссис Кэрю, когда она увидела Джимми.

— Мистер Пендлтон, — воскликнула она, — мы не встречались с вами раньше?

Честные, открытые глаза Джимми смотрели на неё с восхищением.

— Кажется, нет, — улыбнулся он. — Я уверен, что никогда вас не встречал. Уж я бы это запомнил! — и он слегка поклонился.

Все дружно рассмеялись, а Джон Пендлтон добавил:

— Прекрасно, сын, прекрасно для твоих лет.

Миссис Кэрю слегка покраснела и присоединилась к общему смеху.

— Нет, в самом деле, — настаивала она, — кроме шуток, в вашем лице есть что-то очень

знакомое. Я думаю, что я где-то вас встречала.

— Вполне возможно, — воскликнула Поллианна, — Джимми учится в Бостоне, в Техническом колледже, он будет строить мосты и плотины, — закончила она, бросив весёлый взгляд в сторону молодого человека, всё ещё стоящего перед миссис Кэрю.

Все опять дружно рассмеялись, но и Сэди заметила, что Джеми не засмеялся, а судорожно закрыл глаза, словно от боли. Только Сэди знала, почему разговор так резко изменился, и перевела его — о книгах, цветах, зверях и птицах, которых Джеми знал и понимал, все говорили с таким же оживлением, как и о мостах и плотинах, которые он никогда не сможет построить. Никто ничего не заметил, даже Джеми, которого это касалось больше всех.

Когда визит кончился, миссис Кэрю опять подумала, что где-то раньше встречала молодого Пендлтона.

— Встречала, я точно знаю, только где? — размышляла она. — Конечно, это могло быть и в Бостоне, но... — она не закончила фразы и, помолчав, добавила, — во всяком случае, он очень приятный молодой человек. Мне он понравился.

— Я так рада! Мне он тоже нравится, — согласно кивнула Поллианна. — Он мне всегда нравился.

— Ты его давно знаешь? — задумчиво спросил Джеми.

— О да, я знаю его много лет, с тех пор, когда я была маленькой девочкой. Тогда он был Джимми Бин.

— Джимми Бин? Разве он не сын мистера Пендлтона? — удивлённо спросила миссис Кэрю.

— Нет, он усыновлён.

— Усыновлён? — как эхо, повторил Джеми. — Тогда он ему такой же сын, как я? — и в голосе его прозвучала почти радостная нотка.

— Нет, у мистера Пендлтона нет своих детей. Он никогда не был женат. Он... он хотел однажды, но не женился, — Поллианна вдруг покраснела, и голос её изменился. Она не могла забыть, что её мать, очень давно, сказала «нет» этому самому Джону Пендлтону, и из-за неё он был обречён на долгие годы одиночества.

Однако миссис Кэрю и Джеми, не подозревая истинной причины, а только увидев, как вспыхнули щёки Поллианны и как она смутилась, сделали одинаковое заключение. «Неужели, — задали они себе один и тот же вопрос, — этот Джон Пендлтон был влюблён в Поллианну? Она же дитя по сравнению с ним». Вслух они, конечно, этого не сказали, поэтому ответа не получили. Но так случилось, что мысли, хотя и не высказанные, остались не забыты, а аккуратно спрятались в закуске ума, чтобы развиться, если представится случай.

ЛЕТНИЕ ДНИ

Ещё до приезда гостей Поллианна говорила Джимми, что она надеется на его помощь, когда придётся их развлекать. Тогда он не выказал особого желания помочь ей, но не прошло и четырёх дней с тех пор, как они приехали, просто жаждал исполнить эту роль, судя по

частоте и продолжительности его посещений. Он щедро предлагал в их распоряжение лошадей и автомобиль.

Между ним и миссис Кэрю с первого взгляда возникла самая сердечная дружба, основанная, по-видимому, на сильной взаимной симпатии. Они гуляли, разговаривали, даже составляли планы для Дома, которые можно осуществить зимой, когда Джимми будет в Бостоне. Джемми тоже уделяли внимание, не забыта была и Сэди. Миссис Кэрю относилась к ней, как к члену семьи, и внимательно следила за тем, чтобы она была участницей всех бесед и увеселений.

Не только Джимми устраивал развлечения. Вместе с ним всё чаще и чаще появлялся Джон Пендлтон. Они гуляли, устраивали пикники, катались на лошадях и в автомобиле, а длинные чудесные вечера проводили на харрингтонской веранде.

Поллианна была в восторге. Платные гости не только хорошо отдыхали — они подружились с Пендлтонами. Слово клуша над цыплятами, она кружилась по веранде, изо всех сил стараясь сделать так, чтобы друзья её подольше оставались вместе и были счастливы.

Однако ни Пендлтонов, ни Кэрю не удовлетворяло то, что Поллианна оставалась просто зрителем их развлечений, и они настойчиво приглашали её присоединиться к ним, не признавая никаких возражений.

— Как будто мы позволим тебе заниматься этим тортом с глазурью! — набросился на неё однажды Джемми, — ты только посмотри, какое утро! Мы пойдём в ущелье и обед возьмём с собой. И ты идёшь с нами.

— Джемми, я не могу... правда, не могу! — протестовала Поллианна.

— Почему? Обед здесь нам не нужен, мы не придём обедать.

— Ну а... а с собой?

— Мы всё возьмём. Нет, ну скажи, что тебе мешает пойти с нами?

— Джемми, я... я не могу! Нужно покрыть торт глазурью.

— Зачем нам глазурь?

— И вытереть пыль...

— Нам пыль не мешает.

— И заказать провизию на завтра.

— Дай нам сухарей и молока. Мы предпочитаем тебя и сухари, чем шикарный обед без тебя.

— Я не могу перечислить всего, что нужно сегодня сделать!

— А я и слушать не буду, — весело отпарировал Джемми. — Перестань искать отговорки. Иди, бери свою шляпку. Я видел на кухне Бетти и сказал ей, чтобы она собрала нам еды. Ну, беги.

— Джемми, какой ты чудак, — рассмеялась Поллианна, пятясь назад, так как он потянул её за рукав. — Не могу я идти с вами!

Но она пошла, и не один раз. Настаивал не только Джемми, но и Джимми, и мистер Пендлтон, не говоря уж о миссис Кэрю и Сэди и самой тёти Полли.

— Ну конечно, я рада пойти! — радостно вздохнула она. — Но никогда в жизни не было таких квартирантов, которые предпочитали бы молоко с сухарями. И, конечно, никогда не было

такой хозяйки, которая бы развлекалась на пикниках.

Кульминационный момент настал, когда однажды Джон Пендлтон предложил, чтобы они отправились на две недели в горы, за сорок миль от города, к маленькому озеру.

Согласились все, кроме тёти Полли. Оставшись с Поллианной наедине, она сказала ей, что, конечно, хорошо, чтобы Джон Пендлтон вышел из угрюмого отшельничества, в котором пребывал так много лет, но нет никакой необходимости стараться снова стать двадцатилетним; он же, по её мнению, этим и занимается. Другим она холодно заявила, что не собирается спать на сырой земле и есть всяких жуков и пауков. Кроме того, на её взгляд, это неразумно для тех, кому уже за сорок.

Если Джон Пендлтон и почувствовал укол, то не показал виду. Интерес его и энтузиазм несколько не уменьшился, и скоро план предстоящей экспедиции был готов. Решили было единогласно, что если тётя Полли не хочет идти, для остальных это не указ.

— Миссис Кэрю согласна, это главное! — легкомысленно заметил Джимми.

Целую неделю говорили о палатках, провизии, снаряжении, фотоаппаратах, удочках и не делали ничего, что не касалось приготовлений к путешествию.

— Давайте всё сделаем по-настоящему! — задорно предложил Джимми. — Да, миссис Чилтон, включая жуков и пауков, — добавил он с весёлой улыбкой, глядя прямо в её сердитые глаза. — Никаких игрушечных хижин! У нас будет настоящий лесной костёр с печёной картошкой, а мы будем сидеть вокруг него, рассказывать всякие истории и жарить кукурузу на длинных палочках.

— Ещё мы хотим плавать, кататься на лодке и ловить рыбу, — звонко сказала Поллианна, увидела лицо Джеми, поперхнулась и добавила: — Ну конечно, не всё время. Мы сможем и спокойно посидеть, поговорить, даже почитать!

Глаза у Джеми потемнели, а лицо побледнело. Он раскрыл рот, но не успел произнести и слова, как в разговор вступила Сэди Дин.

— Ох, да нас ожидает масса неожиданностей, — возбуждённо заговорила она, — я уверена, что-нибудь произойдёт. Например, прошлым летом, в Мэне, миссис Кэрю поймала таку-ую рыбу! Это было... расскажи им, — повернулась она к Джеми.

Джеми рассмеялся и тряхнул головой.

— Они ни за что не поверят, — возразил он.

— Ну, давай, — поддержала подругу Поллианна.

Джеми всё ещё мотал головой, но лицо его приобрело нормальный оттенок, в глазах уже не было боли. Поллианна удивлённо посмотрела на Сэди, которая, вдруг расслабившись, с явным облегчением откинулась на спинку качалки.

Наконец настал назначенный день, все уселись в большой автомобиль Джона Пендлтона. Вёл его Джимми. Машина заворчала, стуча и гроыхая, тихонько тронулась, послышался шумный, весёлый хор прощальных слов и долгий гудок сигнала под уверенной рукой шофера.

Поллианна часто вспоминала первую ночь в горах. Ощущения были очень новые и просто замечательные.

К четырём часам сорокамильное путешествие подходило к концу. Правда, последние полчаса

машина прыгала по кочкам и выбоинам старой просёлочной дороги, не очень удобной для шестицилиндрового автомобиля. Для шофёра эта часть пути стала просто кошмаром; у остальных же пассажиров, которых не беспокоили незаметные выбоины и зигзаги, самый вид зелёных арок, под которыми приходилось пригибаться, вызывал новые взрывы смеха.

Показалось место, на котором Джон Пендлтон собирался разбить лагерь, и он облегчённо вздохнул, вспоминая, как был тут много лет назад.

— Ой, какая красота! — почти хором вторили остальные.

— Рад, что вам понравилось. Я думаю, это подходящее место, — кивнул Джон Пендлтон. — Я немного волновался, ведь всё меняется, иногда — до неузнаваемости. Конечно, и здесь кое-что заросло бурьяном, но это мы можем легко привести в порядок.

Все дружно принялись за работу. Одни расчищали место, другие ставили палатки, разгружали автомобиль, раскладывали костёр, устраивали кухню и кладовую.

Во всей этой суматохе Поллианна обратила внимание на Джеми, и сердце её сжалось от страха. Она неожиданно поняла, что гамаки, пеньки, кучки сосновой хвои не очень удобны для костылей, и заметила, что Джеми это тоже понял. Несмотря на свою немощь, он старался принять участие в работе, и вид его очень её беспокоил. Дважды она бросалась к нему и подхватывала коробки, которые он пытался нести.

— Давай я помогу тебе, — предложила она. — Ты уже достаточно поработал.

А во второй раз она добавила:

— Пожалуйста, пойдись где-нибудь, отдохни! У тебя вид очень усталый.

Если бы она внимательнее посмотрела на него, то заметила бы, как пробежала тень по его лицу. Но она не смотрела и этого не увидела. Зато, к своему удивлению, она увидела, как Сэди стала ронять коробки и закричала:

— Ой, мистер Кэрю! Помогите мне, пожалуйста! Джеми быстро направился к палатке, стараясь удерживать в руках связку коробок и пару костылей.

Поллианна повернулась к Сэди, но не успела произнести и слова, как та поднесла палец к губам и торопливо пошла ей навстречу.

— Я знаю, что ты подумала, — тихо сказала она, когда подошла поближе. — Разве ты не видишь? Ему обидно, когда думают, что он не может сделать того, что делают другие. Посмотри, какой он теперь счастливый.

Поллианна оглянулась и увидела... Она увидела, как Джеми со всей осторожностью, стараясь удержаться на одном костыле, опустил свою ношу на землю. Она увидела счастливый лучик на его лице и услышала, как он небрежным тоном произнёс:

— Вот и ещё одно сокровище от мисс Дин.

— Ох, ну конечно, я вижу! — выдохнула Поллианна, поворачиваясь к Сэди, но той уже не было.

После этого Поллианна часто наблюдала за Джеми, хотя и старалась, чтобы ни он, ни кто другой этого не заметил. И чем больше она наблюдала, тем больше сжималось её сердце.

Дважды она видела, как он старается сделать то, что ему непосильно. Сначала это была коробка, которую он не мог поднять, второй раз — складной стол, слишком громоздкий, чтобы

нести его с костылями. Каждый раз она видела тревожный взгляд — не заметил ли кто? Он быстро уставал и на лице, вместо обычной весёлой улыбки, была и гримаса боли.

— Я должна была подумать, — упрекала себя Поллианна, чувствуя, как глаза её застилают слёзы. — Я должна была понять, что нельзя ему ехать в такое место. Лагерь, как бы не так! Да ещё и с костылями! Ну почему я не подумала прежде, чем мы выехали?

Но спустя час, когда все уселись вокруг костра, она получила ответ на свой вопрос. Перед мерцающим огнём, в душистой темноте, они опять унеслись в сказочное царство, как по волшебству выстроенное Джеми, и Поллианна забыла о его костылях.

ТОВАРИЩИ

Компания состояла из шести человек, которые очень подходили друг другу. Казалось, что новым открытиям не будет предела. С каждым днём путешественники всё больше сближались, чему способствовала их новая жизнь.

Однажды, когда они сидели вокруг костра, Джеми сказал:

— Мне кажется, мы здесь за неделю узнали друг друга лучше, чем за год в городе.

— Интересно, почему? — тихонько прошептала миссис Кэрю, мечтательно следя глазами за поднимающимися искрами.

— Я думаю, что-то есть в воздухе, — счастливо вздохнула Поллианна. — Что-то связанное с небом, лесом, озером и... всем этим...

— Ты хочешь сказать, что мы удалились от мира! — воскликнула Сэди с лёгкой дрожью в голосе; она не стала смеяться вместе со всеми над Поллианниним определением. — Здесь всё такое натуральное, естественное, что мы тоже можем быть просто собой. Не так, как в повседневной жизни — богатыми или бедными, важными или униженными, а такими, какие мы есть.

— Хо! — усмехнулся Джимми. — Звучит неплохо, а на самом деле причина в том, что здесь нет всяких людишек, которые сидят на своих верандах и обсуждают каждое наше движение, куда мы идём, почему и на сколько времени.

— Ну, Джимми! Как ты можешь так упрощать поэзию? — ласково пожурела его Поллианна.

— Такова моя должность, — покраснел Джимми. — Ты думаешь, я смогу строить плотины и мосты, если не увижу в водопаде ещё кое-что, кроме поэзии?

— Нет, Джим, ты не прав. Мосты... — произнёс Джеми, и в голосе его было что-то такое, что все разом притихли. Но длилось это всего несколько секунд, потому что Сэди радостно нарушила тишину:

— Я предпочитаю водопады без единого моста, чтобы не портил вид!

Все дружно рассмеялись, и напряжение исчезло. Миссис Кэрю первая поднялась на ноги.

— Дети, дети! Строгая компаньонка объявляет отбой! — и они разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи.

Проходили дни, для Поллианны — замечательные, и лучше всего в них была очаровательная дружба. Конечно, дружила она со всеми по-разному, но искренне и крепко.

С Сэди она разговаривала о новом Доме и о той необыкновенной работе, которую выполняет миссис Кэрю. Вспоминали они и первые дни знакомства, когда Сэди продавала бантики. Поллианна услышала и о её отце с матерью там, дома, и об их радости, что Сэди получила новую должность.

— И всё из-за тебя. Ты начала всё это, понимаешь? — однажды сказала она Поллианне.

Поллианна только покачала головой.

— Что ты! Это всё Господь совершает через миссис Кэрю.

С миссис Кэрю Поллианна тоже обсуждала Дом и планы для девушек. Однажды, гуляя под звёздным небом, та рассказала, как изменились её взгляды на жизнь. А потом, вслед за Сэди, робко произнесла:

— Если разобраться, начала-то всё ты!

Как и с Сэди, Поллианна совершенно не чувствовала своей заслуги и перевела разговор на Джеми.

— Джеми — моя радость, — сердечно ответила миссис Кэрю. — Я люблю его, как родного. Он не стал бы мне ближе, если и оказался бы сыном моей дорогой сестры.

— Вы всё-таки не думаете, что это он?

— Я не знаю. Иногда мне кажется, что это он, потом я опять сомневаюсь. Вот он сам в это верит. Одно бесспорно — с какой-то стороны ему досталась аристократическая кровь. Джеми не просто уличный бродяга. Посмотри на его способности, на его манеры!

— Да, конечно, — кивнула Поллианна. — До тех пор пока вы его так любите, не важно, настоящий он Джеми или нет.

Миссис Кэрю смутилась. В глазах её опять мелькнула щемящая тоска.

— Да, это правда, — наконец вздохнула она. — Но скажи, если он не наш Джеми, где же Джеми Кент? Как он живёт? Счастлив ли он? Любит ли его кто-нибудь? Когда я об этом думаю, Поллианна, я просто теряю разум. Я бы отдала всё на свете, только бы подтвердилось, что он — мой племянник.

Поллианна вспоминала этот разговор, особенно после разговоров с Джеми. Он был так уверен!

— Понимаешь, я это чувствую, — однажды сказал он. — Я уверен, что я Джеми Кент. Мне кажется, я так свыкся с этой мыслью, что не перенесу, если вдруг окажется иначе. Миссис Кэрю столько для меня сделала! Только представить после всего этого, что я просто чужой...

— Она любит тебя, Джеми!

— Я знаю, что любит, и от этого мне было бы ещё больнее. Ведь это бы ранило её. Она хочет, чтобы я был настоящим Джеми. Если бы только я мог хоть что-нибудь сделать, чтобы она гордилась мной! Если бы я мог зарабатывать на жизнь, как настоящий мужчина! Но куда я дену вот это? — в голосе его появилась горечь, и он мучительно положил руки на свои костыли.

Поллианна была поражена и расстроена. Со времён их детства она впервые услышала, как Джеми говорит о своём недостатке. Она беспомощно озиралась вокруг, чтобы найти другую тему. Но прежде чем она успела о чём-то подумать, лицо у Джеми изменилось.

— Это всё ерунда, не обращай внимания! — весело воскликнул он. — По сравнению с игрой это просто ересь! Я даже очень рад, что у меня есть костыли. Они намного приятнее, чем коляска.

— А твои Листочки радостей? Ты это продолжаешь? — спросила Поллианна слегка дрожащим голосом.

— Ну конечно! У меня теперь целая библиотека, — ответил он. — Все книжечки — в тёмно-красных кожаных переплётках, кроме первой. Первая — та самая, маленькая, старенькая, которую мне подарил Джерри.

— Джерри! Я всё время хотела спросить тебя о нём, — воскликнула Поллианна. — Где он теперь?

— В Бостоне, и речь его стала ещё выразительнее, только иногда он должен её придерживать. Джерри всё ещё занимается газетными делами, только теперь он не продаёт, а собирает новости. Он репортёр. У меня появилась возможность помогать ему и маменьке. Представляешь, как я был рад? Маменька теперь в санатории, лечит ревматизм.

— Ей лучше?

— Намного! Она скоро вернётся, а потом пойдёт работать уборщицей. Джерри опять пошёл в школу, чтобы наверстать упущенное. Он позволил мне помочь ему, но только это в долг. Он очень щепетильный.

— Ну конечно, — кивнула Поллианна. — Он хочет быть независимым, я понимаю. Я бы тоже так поступила. Неприятно быть в долгу, который не можешь выплатить, ты же знаешь. Поэтому я так хочу помочь тёте Полли после всего, что она для меня сделала.

— Ты же помогаешь ей этим летом.

Поллианна удивлённо подняла брови.

— Да, я пустила летних квартирантов, и я им прислуживаю, правда? — спросила она. — Я уверена, что ни у одной хозяйки нет такой ответственности! Ты бы слышал, что говорила тётя, пока вас ещё не было, — и она тихо засмеялась.

— Что же она говорила?

Поллианна решительно тряхнула головой.

— Я не могу тебе сказать, это секрет. — Она помолчала, потом вздохнула, и лицо её опять стало задумчивым. — Но это не будет продолжаться вечно. Всё кончится. Гости уедут. А мне придётся, наверное, что-нибудь писать. Я уже думала об этом, я буду писать рассказы.

Джеми повернулся как от толчка.

— Что ты будешь делать?!

— Сочинять истории. Здесь ничего удивительного нет! Многие люди этим занимаются. Я знала двух девушек в Германии, которые писали для журналов.

— А ты когда-нибудь пробовала? — опять спросил Джеми всё с тем же странным

выражением.

— Н-нет, ещё нет, — призналась Поллианна. А потом, как будто оправдываясь, добавила: — Я тебе говорила, что сейчас я занимаюсь квартирантами. Не могу же я делать всё сразу!

— Ну конечно!

Она посмотрела на него доверчивым, примирительным взглядом.

— Ты думаешь, я не сумею писать?

— Я так не сказал.

— Нет, но у тебя такой вид. Почему бы мне не суметь? Это же не пение, тут не нужен хороший голос. Это даже не инструмент, на котором сперва учатся играть.

— Я думаю, это немножко похоже на инструмент, — тихо сказал Джеми и отвёл глаза в сторону.

— Ну, что ты! Перо, бумага совсем непохоже на пианино или на скрипку.

На некоторое время водворилась тишина. Затем Джеми сказал тихим, неуверенным голосом, глядя в сторону:

— Инструмент, на котором ты собираешься играть, Поллианна, — огромное сердце мира. Для меня он лучше рояля, лучше скрипки. От твоего прикосновения люди будут смеяться или плакать.

Поллианна судорожно вздохнула, на глаза её навернулись слёзы.

— Ох, Джеми, как прекрасно ты всё представляешь!.. Я никогда не думала об этом. Но это так, правда? Хорошо быть писателем! А может быть, у меня ничего не получится? Я много читала, и мне кажется, что я смогу написать что-то хорошее. Я ведь люблю рассказывать. Я всегда повторяю то, что ты рассказывал, и смеюсь и плачу.

Джеми резко повернулся.

— Смеёшься и плачешь, Поллианна? Правда?

— Ну конечно! Всегда так было, даже тогда, в парке. Никто не рассказывает, как ты. Тебе бы писать, а не мне. Ой, Джеми, правда, почему ты не пишешь? У тебя получится, я знаю!

Ответа не было. Джеми явно не слышал — может быть, потому что как раз в этот момент его отвлек бурбундук, пробежавший через кусты.

Замечательные прогулки бывали у неё не только с Джеми, миссис Кэрю или Сэди. Часто она гуляла с Джимми или с Джоном Пендлтоном.

Теперь она не сомневалась в том, что никогда не знала Джона. С тех пор как они выехали за город, старая угрюмость покинула его живое лицо. Он занимался греблей, плавал, рыбачил и бродил с не меньшим пылом, чем Джимми, и почти с такой же энергией. Вечером же, когда все размещались вокруг костра, он не уступал Джеми, описывая свои заграничные путешествия.

А самым лучшим, по мнению Поллианны, было время, когда Джон Пендлтон, оставшись с ней наедине, рассказывал, какой была её мать, и как он её любил в те далёкие дни. Эти разговоры приносили большую радость, но и удивляли; никогда раньше он не говорил с такой свободой о девушке, которую так сильно и безнадежно любил. Возможно, он и сам этому

удивлялся, потому что однажды сказал Поллианне:

— Удивительно, почему я с тобой говорю об этом?

— Я так рада! — промолвила она.

— Вот уж никогда не думал, что буду об этом говорить! Может быть, дело в том, что ты очень похожа на неё? Она была такой, когда я её знал. Да, ты очень похожа на свою мать, моя дорогая.

— Правда? А я думала, что мама была красивой! — воскликнула Поллианна с неподдельным удивлением.

Джон Пендлтон насмешливо улыбнулся:

— Да, красивой она была.

Поллианна удивилась ещё больше.

— Тогда я вообще не могу понять, как же я на неё похожа?

Собеседник её от души расхохотался.

— Поллианна, да ты... Нет-нет, ничего. Ты бедная, страшенькая уродина.

Поллианна покраснела и с искренним укором посмотрела в его весёлые глаза.

— Пожалуйста, мистер Пендлтон, не смотрите так на меня и не шутите этим. Я бы очень хотела быть красивой, хотя, может быть, это и звучит глупо. Кроме того, есть зеркало, оно не обманывает.

— Тогда я посоветовал бы тебе посмотреться в него, когда ты разговариваешь, — нравоучительно заметил Джон.

Поллианна широко раскрыла глаза.

— То же самое мне и Джимми сказал! — воскликнула она.

— В самом деле? Вот проказник! — ворчливым тоном проговорил Джон Пендлтон. Затем, с присущей ему одному манерой внезапно меняться, тихо сказал: — У тебе мамины глаза и улыбка, Поллианна. Для меня ты просто красавица.

Глаза у неё наполнились горячими слезами. Она молчала.

Как бы ни радовали Поллианну такие разговоры, они не походили на беседы с Джимми. Ни ей, ни ему не было нужды говорить. С Джимми она всегда чувствовала себя уверенно и уютно, а уж обмениваются ли они словами, не имело для них значения. Ей не нужно было ни напрягаться, ни волноваться, ни сочувствовать — Джимми был таким большим и сильным. Он не горевал о потерянном племяннике, не плакался об утрате безмятежного детства. Он не должен был передвигаться на костылях, на которые тяжело смотреть и даже о них думать. С ним можно было чувствовать себя радостно, счастливо, свободно. Словом, в его присутствии она просто отдыхала...

ПРИВЯЗАН К ДВУМ ПАЛКАМ

Случилось это в последний день загородной жизни, и Поллианна об этом жалела — прежде ни одно облачко не бросило свою безжалостную тень на их путешествие. Она беспомощно вздыхала и бормотала:

— Ах, если бы мы вернулись домой ещё позавчера, тогда бы этого не было.

Но «позавчера» они домой не уехали, потому-то всё это произошло, и вот каким образом.

Рано утром они отправились в двухмильный поход к речке.

— Перед отъездом мы ещё нажарим рыбы, — сказал Джимми. Остальные с радостью согласились.

Поэтому, завернув бутерброды и прихватив с собой удочки, они отправились пораньше. Смеясь и подшучивая друг над другом, все шли по узенькой тропинке через лес.

Впереди шёл Джимми, он лучше всех знал дорогу.

Сначала Поллианна следовала за ним, но постепенно отстала и пошла вместе с Джеми, который был последним. Ей показалось, что на лице его появилось выражение, которое появлялось только тогда, когда он пытался сделать что-то, превышающее его силы. Знала она и то, что больше всего его обидит, если заметит его слабость. Наконец, она знала, что от неё он скорее примет помощь, чем от кого бы то ни было другого, когда на пути попадётся бревно или большой камень. Поэтому при первой же возможности она постаралась незаметно, шаг за шагом, отстать, пока не поравнялась с ним. Лицо его озарилось улыбкой, в глазах появилась уверенность, и они перебрались через ветку, преграждавшую им дорогу. Конечно, Поллианна попросила «помочь ей, а то она не перешагнёт».

Когда лес закончился, путь их пролегал вдоль длинной каменной ограды, за которой простирались зелёные пастбища, залитые ярким солнцем, а вдали виднелись живописные домики фермеров. На одном из таких пастбищ Поллианна вдруг увидела золотистые шары золотарника, мимо которых просто не могла пройти.

— Джеми, подожди! Я сейчас сорву их, — живо крикнула она. — Получится чудесный букет для обеденного стола! — и, проворно вскарабкавшись на ограду, она спрыгнула по другую сторону.

Золотарник был волшебный. За одним кустиком, она увидела другой, за ним — ещё один, подальше, и каждый был красивее, чем тот, который она сорвала. В алом свитере на зелёном ковре густой травы, с букетом ярко-жёлтых цветов, Поллианна выглядела очень привлекательно. Она смеялась, перебрасывалась с Джеми репликами — и вдруг, набрав две охапки цветов, услышала страшный рёв разъярённого буйвола, отчаянные вопли Джеми и топот приближающихся копыт.

Что случилось потом, она не могла бы объяснить. Она помнила, что бросила свои цветы и бросилась бежать так, как никогда в жизни, в сторону стены, к Джеми. Она слышала, что позади стучат копыта, всё ближе, ближе и ближе. Смутно, безнадежно далеко она видела искажённое ужасом лицо, слышала душераздирающий крик. Вдруг откуда-то донёсся другой голос, голос Джимми, уверенный и отважный. Продолжая бежать, она слышала за спиной глухие удары копыт и тяжёлое дыхание. Она споткнулась, чуть не упала, резко качнулась вправо и опять бросилась вперёд. Силы её почти иссякли, но тут, совсем рядом, она услышала ободряющий голос Джимми, а в следующее мгновение почувствовала, как её ноги оторвались от земли и её прижали к чему-то, колотящемуся с огромной силой. Всё плыло как в кошмарном сне — душераздирающий крик, горячее, тяжёлое дыхание, перестук тяжёлых

копыт... Вдруг она почувствовала, что взлетает вверх и, на руках у Джимми, ощутила горячее дыхание зверя, пронёсшегося дальше. Неизвестно как она оказалась по другую сторону забора. Склонившись над ней, стоял Джимми и умолял её сказать хоть что-нибудь, иначе он не поверит, что она жива.

Истерически смеясь и всхлипывая, она вырвалась из его рук и встала на ноги.

— Конечно, жива! Спасибо, Джимми. Я ничего, я... всё в порядке. Ох, как я была рада, рада, рада услышать твой голос! Как ты догадался? — спрашивала она.

— Ерунда! Я просто... — нечленораздельный удушливый крик прервал его слова.

Повернувшись, он увидел Джеми, лежащего ничком недалеко от них.

Поллианна поспешила к нему.

— Джеми! Джеми, что случилось? — закричала она. — Ты упал? Ты ударился?

Ответа не последовало.

— Что такое, старик? Ты ушибся? — тревожно спросил Джимми. — Тебе больно?

Джеми молчал. Затем неожиданно он напрягся и повернулся. Тогда они увидели его лицо и отступили в недоумении.

— Больно? Больно ли мне? — у него перехватило голос, он подавился и протянул с поспешностью руки. — Неужели вы думаете, что не больно это видеть, когда ничего не можешь сделать? Совершенно беспомощный, привязанный к этим двум палкам... Да во всём мире нет такой боли!

— Но... но... Джеми, — робко начала Поллианна.

— Не надо! — срывающимся голосом прервал её он, стараясь встать на ноги. — Я не хотел делать сцену, — и заковылял по узкой тропинке, ведущей к лагерю.

С минуту, в оцепенении, Поллианна и Джимми молча смотрели ему вслед.

— Вот-те на! — выдохнул Джимми и с лёгкой дрожью в голосе добавил: — Да... тяжело ему!

— Я даже не подумала! Благодарила тебя прямо у него на глазах, — всхлипнула Поллианна.

— А ладони! Ты не видел их? Они все в крови, он так сжал руки, что ногти вонзились в тело.

— Поллианна повернулась и почти вслепую побрела по тропинке.

— Поллианна, куда ты? — крикнул Джимми.

— К Джеми, конечно! Ты думаешь, я его оставлю в таком состоянии? Пойдём, мы должны убедить его, чтобы он вернулся обратно.

Со вздохом, который совершенно не относился к Джеми, он пошёл за ней.

ДЖИММИ ПРОСНУЛСЯ

Внешне все давали понять, что жизнь в лесу просто замечательная, но внутренне...

Иногда Поллианна задумывалась, случилось это только с ней или на самом деле было что-то особое, необъяснимое между всеми? Она-то это чувствовала, и иногда ей казалось, что это чувствовали и другие. Причиной всему, считала она, был тот последний день, когда так неудачно пошли к реке.

Конечно, они с Джимми легко догнали Джеми и, правда, не сразу, убедили его пойти вместе со всеми. Но, несмотря на отчаянные попытки вести себя так, словно ничего не произошло, ни у кого это не получилось. Поллианна, Джеми и Джимми даже перестарались, а остальные, не зная точно, в чём дело, недоуменно поглядывали на них, сознавая, что что-то не так. Словом, ни о каком веселье не могло быть и речи.

Даже запах жареной рыбы не произвёл своего действия, и сразу после еды все направились обратно в лагерь.

Возвратившись домой, Поллианна надеялась, что несчастный эпизод забудется, но не смогла его забыть и не смела требовать этого от других. Глядя на Джеми, она снова видела искажённое лицо и ногти, вонзившиеся в ладони. Дошло до того, что одно его присутствие причиняло ей боль. Полная раскаяния, она безжалостно призналась себе, что больше не может даже говорить с ним, но это не значило, что она с ним не общалась.

Теперь Джимми понимал, что он влюблён в Поллианну, и довольно давно. Конечно, он оцепенел от ужаса, обнаружив себя в таком шатком и бессильном положении. Он сознавал, что даже его излюбленные мосты — легче воздуха по сравнению с этой улыбкой, этими глазами, этими словами; и понял, что самым прекрасным в мире сооружением будет то, которое поможет пересечь пропасть страха и сомнения. Сомневался он в Поллианне, боялся — Джеми.

До самых тех минут на пастбище, он не понимал, как опустел бы мир... без неё. Только после дикого прыжка с Поллианной на руках он понял, как её любит. Когда он крепко прижимал её к себе, а руки её были обвиты вокруг его шеи, он распознал трепет величайшего блаженства. Затем, немного позже, он увидел лицо и руки Джеми... Для него это значило только одно — Джеми тоже любит Поллианну и должен стоять в стороне, беспомощный, «привязанному к двум палкам». Да, так он выразился. Если бы ему самому пришлось стоять в стороне, привязанным к палкам, когда другой спасает его любимую девушку, он бы выглядел точно так же.

Джимми возвращался в лагерь в смятении и страхе. Страх появился тогда, когда он засомневался, не любит ли Поллианна Джеми? А если даже это и так, должен ли он стоять в стороне? Вот тут-то его душа и взбунтовалась. Ну нет, он этого делать не будет! Они ещё посоперничают!

Оставшись наедине со своими мыслями, он страшно покраснел. А справедливо ли соперничать? Прилично ли бороться с Джеми? Джимми вспомнил, как в далёком детстве он вызвал на битву за яблоко незнакомого мальчика, и после первого же удара обнаружил, что у того искалечена рука... Тогда он, конечно, позволил мальчику отвоевать это яблоко. Но теперь он упрямо повторял себе, что случай — совершенно иной. Ведь речь шла не о яблоке. Это счастье его жизни, а может быть — и счастье Поллианны. А вдруг окажется, что она любит не Джеми, а его, Джимми, если он ей хоть разок проявит свои чувства? А он их проявит. Непременно.

Он снова покраснел и сердито нахмурился. Если бы только он мог забыть лицо Джеми, когда тот простонал эти ужасные слова! Если бы... но какая от этого польза? Драться он всё равно не сможет. Он понимал, и тогда, и позже, что ему остаётся обратиться за помощью к Небесному Отцу и ждать... Он получит от Него силу предоставить Джеми полную свободу, и,

если заметит, что Поллианна любит его, оставит их, уйдёт из их жизни... Они никогда не узнают, как ему плохо. Он опять вернётся к мостам... но ни один из них, даже ведущий на луну, не заменит одной минуты, проведённой с Поллианной.

Всё это выглядело очень благородно и героически, и Джимми так разволновался, что его объял какой-то трепет удовлетворения, с которым он и заснул. Но быть мучеником в теории и на практике — не одно и то же, как обнаруживали многие страдальцы с незапамятных времён. Хорошо принять решение, когда ты один, в темноте ночи. Но на другой день, когда постоянно видишь их вместе, повторить его почти невозможно. Он замечал, как внимательна Поллианна к Джеми, и это страшно мучило его. И вот однажды, как бы для того, чтобы развеять его сомнения, Сэди Дин заговорила с ним на эту тему.

Все были на теннисной площадке. Сэди сидела одна, когда Джимми направился к ней.

— Следующая партия твоя с Поллианной? — спросил он.

Она отрицательно качнула головой.

— Поллианна сегодня больше не играет.

— Не играет? — нахмурился Джимми, который поджидал свою партию с Поллианной. — Почему?

Некоторое время Сэди молчала, затем не без труда произнесла:

— Она вчера сказала мне, что мы слишком много играем в теннис. Это не очень красиво по отношению к Джеми, он ведь не может играть.

— Я знаю, но... — Джимми беспомощно замолчал, а затем глубокая морщина пробороздила его лоб.

И тут Сэди сказала:

— А он не хочет, чтобы кто-нибудь из нас старался что-то сделать для него! Она этого не понимает, просто не понимает! Но я-то вижу...

Что-то в её словах или манере неожиданно отдалось болью в его сердце. Джимми испытующе посмотрел ей в лицо, и с губ его готов был сорваться вопрос. Некоторое время он пытался удержать его, а затем, скрывая серьёзность за шутливой улыбкой, спросил:

— Мисс Дин, а вам не кажется, что... что между ними что-то есть?

Сэди бросила на него осуждающий взгляд.

— Где ваши глаза? Она преклоняется перед ним! То есть они преклоняются друг перед другом, — смущённо поправила она.

Джимми повернулся и быстро пошёл прочь. Он не ручался за себя, поэтому не мог оставаться на месте, и не хотел больше говорить с Сэди. Повернулся стремительно и не заметил, что и Сэди торопливо отвернулась и стала разглядывать траву под ногами. Ей тоже не хотелось разговаривать.

Джимми Пендлтон старался убедить себя, что это неправда, просто выдумка. Но правда это или нет, забыть об этом он не мог. Он тайно наблюдал за их лицами, прислушивался к их интонациям. Наконец, он пришёл к печальному заключению — да, они в самом деле преклоняются друг перед другом, и сердце его стало тяжёлым, как свинец. Верный своим обещаниям, он решительно отошёл в сторону. «Жребий брошен, — сказал он себе. —

Поллианна не для меня».

Наступили невыносимые дни. Не появляться в харрингтонском поместье он не решался, чтобы не обнаружился его секрет. Видеть Поллианну теперь стало пыткой. Даже с Сэди было неприятно, потому что именно она открыла ему глаза. Для Джимми не было никакого убежища, и он обратился к миссис Кэрю. Она оказалась настоящей находкой, и единственное утешение он обретал в её обществе. Был он весел или печален, она всегда находила способ точно подстроиться под его настроение. Он удивлялся, как много она знает о мостах, причём как раз о таких, какие он намеревался строить. Она была очень мудрой и чуткой и всегда находила нужное слово. Однажды он чуть было не проговорился ей о «пакете», но Джон Пендлтон прервал его, и он не рассказал ей эту историю. Джон Пендлтон, как нарочно, всегда прерывал их в самый неподходящий момент. Так думал Джимми, но, вспомнив, что тот для него сделал, чувствовал себя неловко.

Пакет... Он связан с детством Джимми, о нем никто не говорил, кроме Джона Пендлтона, и то только во время самой процедуры усыновления. Вообще-то это просто большой белый конверт, сильно пострадавший от времени и содержащий в себе тайну, скрывавшуюся за огромной красной печатью. На конверте рукой отца было написано: «Моему сыну Джимми. Не вскрывать до тридцатилетия. В случае преждевременной смерти вскрыть немедленно».

Было время, когда Джимми возлагал большие надежды на содержимое этого конверта. Бывали и другие времена, когда он совершенно забывал о его существовании. Тогда, в приюте, он очень боялся, что конверт обнаружат и отберут. В те дни он постоянно носил его при себе, под подкладкой пальто. Позже по совету Джона Пендлтона пакет положили в сейф.

— Неизвестно, насколько ценным он может быть, — с улыбкой сказал Джон Пендлтон. — Во всяком случае, твой отец хотел, чтобы ты его хранил, так что не будем рисковать.

— Конечно, я не хочу его терять, — улыбнулся в ответ Джимми. — Но я не думаю, что в нём содержится какая-то ценность. У бедного отца ничего ценного не было, насколько я знаю.

Об этом самом пакете Джимми и хотел рассказать миссис Кэрю, если бы только Джон Пендлтон не прервал его. «Может быть, это хорошо, что я не сказал, — рассуждал Джимми, возвращаясь домой. — Она бы могла подумать, что у отца в жизни было что-то не совсем правильное. А я бы не хотел, чтобы она так думала о моём отце».

ИГРА И ПОЛЛИАННА

В первой половине сентября миссис Кэрю, Джеми и Сэди распрощались со всеми и вернулись в Бостон. Понимая, что она будет по ним скучать, Поллианна всё же вздохнула с облегчением, когда поезд плавно тронулся, унося гостей. Конечно, она никому не призналась в своих чувствах и даже перед собой винилась. «Это совсем не значит, что я не люблю каждого из них, — вздохнула она, глядя, как поезд скрылся за поворотом. — Просто мне постоянно жаль бедного Джеми, и... я устала. Я буду так рада вернуться в те прежние тихие дни, когда мы общались с Джимми».

Однако Поллианна не смогла вернуться в прежние дни. После отъезда гостей, было, конечно, тихо, но с Джимми она не общалась. Он редко показывался в их доме, а если даже и приходил, то был совершенно не тот, прежний, которого она знала, а беспокойный и молчаливый или, наоборот, слишком весёлый, чересчур разговорчивый, хотя веселье это

было какое-то нервное. Поллианна ничего не понимала. Вскоре и он уехал в Бостон.

Поллианна удивлялась, как сильно его не хватает. Просто знать, что он в городе и, может быть, как-нибудь зайдёт, было лучше, чем эта унылая мысль, что его здесь нет. Даже непонятные выходки, уныние, мрачность, веселье лучше, чем эта звенящая тишина. Однажды она поймала себя на такой мысли, что щёки у неё покраснели, глаза стыдливо опустились.

— Так, Поллианна Уиттиер, — резко сказала она самой себе. — Можно подумать, что ты влюбилась в Джимми Бина! Неужели ты больше ни о чём не можешь думать, кроме него?

Словом, она решила взять себя в руки, быть весёлой и внимательной, выбросить Джимми из мыслей. Так уж случилось, что тётя Полли, совершенно случайно, помогла ей.

С отъездом гостей основной источник доходов прекратился, и тётя опять начала беспокоиться и вздыхать.

— Поллианна, я просто не представляю, что с нами будет, — часто говорила она. — Конечно, нас немного выручило это лето, и кое-какие деньги поступили от нашего поместья, но я не могу даже приблизительно предсказать, как скоро кончится это напряжение. Если бы мы могли хоть что-то делать!

После одного из таких разговоров на глаза Поллианне попался журнал, в котором объявляли конкурс на лучший рассказ. Ей это понравилось. Призы были многочисленные и довольно солидные. Прочитав объявление, можно было подумать, что выиграть — легче лёгкого. Объявление вполне могло относиться к Поллианне.

«Это как раз для тебя — для тебя, уважаемый читатель! (Гласило оно.) Если даже ты не писал рассказов, это не значит, что ты не сможешь! Попробуй и увидишь! Хотелось бы тебе получить три тысячи долларов? Или две? Или хотя бы одну? Ты можешь получить, в конце концов, пятьсот долларов или уж на крайний случай — сто! Почему бы не рискнуть?»

— Как раз то, что надо! — воскликнула Поллианна, — я так рада, что это увидела! Здесь написано, что и я смогу написать рассказ. Да, наверное, смогу, если очень постараюсь. Надо сказать тёте Полли, чтобы она больше не волновалась.

Поллианна вскочила и уже прошла половину пути к двери, когда внезапная мысль остановила её: «А вдруг я не выиграю? Лучше будет, если я преподнесу ей сюрприз... может быть, первую премию...»

В эту ночь она уснула, думая о том, что она будет делать с тремя тысячами долларов.

На следующий же день она начала работу. Решительно, с полным сознанием всей важности дела, она вытащила большую пачку бумаги, заточила полдюжины карандашей и устроилась за большим, старомодным столом в гостиной. После того как она нервно изгрызла два карандаша, ей удалось написать три слова на красивом листе. Затем она глубоко вздохнула, отбросила в сторону испорченный карандаш и выбрала другой — тоненький, зелёный, с красивым наконечником. Она долго рассматривала этот наконечник, хмурилась и размышляла.

— Вот так дела! Интересно, откуда они берут названия? — проговорила она почти с отчаянием. — Может быть, сначала нужно решить, о чём рассказ, а потом уж придумывать подходящее название? Во всяком случае, я постараюсь сделать так.

Мгновенно перечеркнув первые три слова, она нацелила карандаш. Однако начало никак не выдумывалось. Даже когда оно и получилось, оно могло быть неправильным; и через полчаса

страница представляла собой путаницу зачёркиваний, между которыми виднелись несколько невычеркнутых слов.

Как раз в этот критический момент вошла тётя Полли и усталыми глазами посмотрела на племянницу.

— Что ты там делаешь? — строго спросила она.

Поллианна засмеялась и виновато покраснела.

— Ничего особенного, тётя! — призналась она с печальной улыбкой. — А кроме того, это секрет, и я вам его пока не скажу.

— Хорошо, можешь оставить его при себе! — вздохнула тётя Полли. — А я вот скажу, что если ты пытаешься сделать что-то с долговыми бумагами, которые оставил мистер Харт, то это бесполезно. Я уже дважды пересмотрела их сама.

— Нет, тётя, это не бумаги. Это гораздо приятнее, чем все бумаги, вместе взятые, — победно произнесла Поллианна, склоняясь над работой. Она представила себе, что можно сделать, когда три тысячи долларов будут у неё в руках.

Следующие полчаса она опять писала и зачёркивала, опять грызла карандаш. Наконец, с притуплённой, но не исчезнувшей отвагой она собрала бумагу и карандаши и вышла из комнаты.

«Наверное, у меня получится лучше, если я останусь совсем одна, — решила она, торопливо идя по коридору. — Я думала, что надо писать за письменным столом, но... почему-то он мне совсем не помог. Попробую на подоконнике в своей комнате».

Судя по исчёрканным страницам, выпадавшим из Поллианнинных рук, подоконник не оправдал её надежд и не наполнил её вдохновенными мыслями. Пролетели ещё полчаса, и Поллианна обнаружила, что настало время обеда. «Ничего, я рада, что хоть что-то сделала, — вздохнула она про себя. — Мне, наверное, лучше удастся обед, чем эта история. Нет, я хочу её написать, просто я не знала, что это ужасная работа...»

Весь месяц Поллианна упорно трудилась, но скоро должна была признать, что «подумаешь, какой-то рассказ!» — совсем не пустяковое дело. Сама она была не из тех, кто, положив руку на плуг, оглядывается назад. Да и кроме того, первый приз или другой, поменьше, не давал ей покоя. Даже сто долларов для неё — значительная сумма.

День за днём она писала, стирала, перечёркивала, переписывала, пока, наконец, не закончила, и не сложила стопочкой драгоценные листки. А рассказ... ну, какой уж получился. Затем, не без опасения, она понесла свои манускрипты к Милли Сноу, чтобы та их перепечатала.

«Читается вроде бы легко, смысл тоже есть, — неуверенно думала Поллианна, торопливо направляясь к коттеджу, в котором жили Сноу. — Да это на самом деле интересная история о хорошенькой девочке. Но что-то не совсем так... боюсь, мне не только кажется... Во всяком случае, я больше не рассчитываю на первый приз и не буду расстроена, если получу какой-нибудь поменьше».

Всякий раз, когда она направлялась к Сноу, она думала о Джимми, потому что как раз недалеко от их коттеджа, на обочине, впервые увидела несчастного маленького беглеца. Сегодня она опять подумала о нём и, гордо подняв голову (так она теперь поступала, когда ловила себя на такой мысли), подошла к порогу.

Как обычно, Сноу очень приветливо встретили Поллианну. Так уж повелось, что при всякой

встрече они вспоминали её игру. Ни в одном доме Белдингсвилла с такой ревностью не играли в игру, как в этом.

— Ну, а теперь расскажите, как у вас дела? — спросила Поллианна, когда кончила говорить о деловой части визита.

— Замечательно! — просияла Милли. — Это уже третья работа за неделю. Ох, Поллианна, я так рада, что ты заставила меня научиться печатать на машинке, я ведь могу работать прямо здесь, дома! И всё ты!

— Ничего подобного! — весело возразила Поллианна.

— Нет, нет, правда! Прежде всего, я бы ни за что не смогла этим заниматься, если бы не твоя игра, маме стало намного лучше, понимаешь, и у меня появилось немного времени для себя. А потом, это же ты посоветовала научиться печатать и помогла мне купить машинку. Ну разве это не значит, что всем этим я обязана тебе?

Поллианна опять возразила, и на этот раз её прервала миссис Сноу, сидящая в инвалидной коляске возле окна. Она говорила так искренне и сердечно, что оставалось выслушать её.

— Послушай, детка, я не думаю, что ты вполне даёшь себе отчёт в том, что ты сделала. Сегодня в твоих глазах есть что-то такое, чего бы я не хотела в них видеть. Тебя что-то преследует и беспокоит, это легко прочесть. И неудивительно — смерть твоего дяди, состояние тёти... не буду об этом говорить. Но одно сказать я бы хотела, и ты со мной не спорь. Я просто не могу видеть эту тень в твоих глазах и не напомнить, что ты сделала для меня, для всего нашего города, и для бессчётного количества людей.

— Миссис Сноу! — искренне запротестовала Поллианна.

— Да-да! — величественно кивнула собеседница. — Прежде всего, взгляни на меня. Не ты ли нашла раздражительную, капризную, вздорную женщину, которая никогда не хочет того, что ей предлагают? Не ты ли открыла мне глаза, принесла три разных блюда, чтобы я хоть один раз могла что-то выбрать?

— Ой, миссис Сноу, неужели я в самом деле была такой дерзкой? — пробормотала Поллианна, краснея от смущения.

— Это не дерзость, — спокойно возразила миссис Сноу. — Ты не хотела меня обидеть, поэтому-то всё и изменилось. Ты не проповедовала, моя милая. Если бы ты начала с проповеди и увещеваний, то никогда и никого не заставила бы играть в игру. Каким-то образом ты увлекла меня за собой, и вот, посмотри, что со мной стало. А взгляни на Милли! Я чувствую себя намного лучше, могу сидеть в этой коляске, передвигаться по комнатам, взять, что мне нужно. Это так много значит, когда надеешься на себя и даёшь возможность окружающим немножко вздохнуть. Да, я имею в виду Милли. Доктор сказал, что всё это благодаря игре. А сколько других? Многие живут здесь, в этом городе, о них я постоянно слышу. Нелли Махной сломала руку и была очень рада, что это не нога, с рукой куда легче. Старушка миссис Тиббитс потеряла слух, но она так рада, что это не зрение, просто счастлива. А помнишь Джо, которого все называли Вредным Джо из-за его характера? Ему ничем невозможно было угодить, как и мне. Кто-то рассказал ему про игру, и, говорят, это стал совершенно другой человек. И это только наш город, а что в других местах? Вчера пришло письмо от моей двоюродной сестры из Массачусетса, она мне рассказала о миссис Пейсон, которая раньше жила здесь. Ты их помнишь? Они жили по пути на Пендлтонский холм.

— Конечно, помню! — воскликнула Поллианна.

— Так вот, в ту зиму, когда ты была в санатории, они переехали в Массачусетс. Сестра их очень хорошо знает. Она говорит, что миссис Пейсон рассказала ей, как твоя игра практически спасла её от развода. Теперь они не только сами играют, но и научили многих других, а те — следующих. Видишь, детка, невозможно сказать, когда твоя игра остановится. Я хотела, чтобы ты это знала. Поиграй в неё сама! Не думай, я понимаю, что даже тебе иногда очень трудно играть.

Поллианна встала. Она улыбалась, но в глазах блестели слёзы, когда она на прощание протянула руку.

— Спасибо, миссис Сноу, — проговорила она. — Иногда и правда трудно. Может быть, я нуждалась в помощи, чтобы начать снова. Как бы то ни было, — в глазах её загорелись прежние радостные огоньки, — если я когда-нибудь подумаю, что больше не могу играть сама, я порадуюсь, что есть люди, которые в неё играют.

Поллианна шла домой немного спокойнее. Тронутая словами миссис Сноу, она всё же чувствовала затаённую грусть. Она думала про тётю Полли, которая так редко играет в эту игру, и ей стало интересно, всегда ли она играла в неё, когда могла.

«Может быть, я была неосторожной, постоянно ища для неё радостную сторону, — виновато подумала Поллианна. — И, может быть, если я стану играть в игру сама, то и тётя иногда подключится? Во всяком случае, я попробую. Если я не буду следить за собой, окружающие меня люди будут играть в мою собственную игру лучше, чем я сама».

ДЖОН ПЕНДЛТОН

Как раз за неделю до Рождества Поллианна отправила свой аккуратно отпечатанный рассказ на конкурс. Объявление гласило, что победители будут объявлены только в апреле, и она настроилась ждать долго с присущим ей философским терпением.

«Не знаю почему, но я так рада, что это будет не скоро, — говорила она себе, — ведь всю зиму можно воображать, что я займу первое место, получу первый приз. Хотя, конечно, любой приз — большая радость. Пока ничего не известно, я не буду заранее страдать, а потом, наверное, смогу обрадоваться самому маленькому». То, что она вообще может ничего не получить, в её расчёты не входило. Рассказ, аккуратно отпечатанный Милли, выглядел в её глазах почти так же, как изданный.

Рождество в этом году было не таким счастливым, несмотря на все старания Поллианны сделать настоящий праздник. Тётя Полли запретила любое веселье и продемонстрировала своё отношение настолько явно, что племянница не рискнула сделать ей даже простенького подарка.

Вечером перед Рождеством пришёл Джон Пендлтон. Миссис Чилтон удалилась к себе, а Поллианна, в буквальном смысле измученная её отношением, радостно его приветствовала. Но даже и в этом янтарном зёрнышке радости она обнаружила муху, потому что Джон Пендлтон принёс письмо от Джимми. Кроме планов, которые они вместе с миссис Кэрю составляли для Рождества в Доме рабочих девушек, там ничего больше не было. У Поллианны совсем испортилось настроение, и в этот вечер она не в состоянии была слышать ни о Рождестве, ни о Джимми.

Джон Пендлтон, однако, не собирался прекращать эту тему.

— Просто удивительно, что они делают! — воскликнул он, складывая письмо.

— Да, конечно, — пробормотала Поллианна.

— И как раз в этот вечер! Я бы с удовольствием зашёл к ним сейчас.

— Да... — опять пробормотала Поллианна, стараясь улыбнуться.

— Я думаю, миссис Кэрю знала, что она делает, когда попросила Джимми ей помочь, — заметил гость. — Интересно, как ему понравится играть Деда Мороза перед полусотней молодых девушек?

Поллианна слегка подняла голову.

— Наверное... наверное, это очень весело.

— Может быть, но всё-таки это не мосты строить.

— О, да!

— Но я в нём уверен. Бьюсь об заклад, что эти девушки никогда лучше не проводили время.

— Д-да, конечно, — выговорила Поллианна, стараясь сдержать дрожь в голосе, которая появилась так некстати. Ей трудно было удержаться и не сравнить этот скучный вечер в Белдингсвилле и тот, весёлый, который пятьдесят счастливиц проводят с Джимми.

Воцарилось короткое молчание. Джон Пендлтон мечтательно уставился на огонь, пляшущий в камине.

— Замечательная женщина... миссис Кэрю, — наконец проговорил он.

— Да, конечно! — на этот раз энтузиазм был естественным.

— Джимми рассказывает мне, что она сделала для этих девочек, — продолжал гость, глядя на огонь. — В предпоследнем письме он подробно писал о ней и о её работе. Он говорит, что всегда уважал её, но только теперь увидел, какая она на самом деле.

— Она просто прелесть! — с чувством проговорила Поллианна. — Да, она прелесть, и я её очень люблю.

Неожиданно Джон Пендлтон зашевелился и повернулся к Поллианне со странным выражением в глазах.

— Я знаю, что ты любишь её, моя дорогая. Но могут оказаться и другие, они тоже любят её.

Сердце у Поллианны вдруг глухо застучало, неожиданная мысль пришла ей в голову. Джимми! Неужели Джон Пендлтон имеет в виду, что Джимми влюбился в миссис Кэрю?

— Вы имеете в виду?... — неуверенно пробормотала она.

Нервным движением, присущим ему одному, Джон Пендлтон поднялся на ноги.

— Девушек, конечно, — уклончиво ответил он. — Я думаю, эти пятьдесят девушек любят её до смерти.

— Да, конечно, — опять повторила Поллианна и пробормотала ещё что-то в ответ на

следующее замечание. Но мысли её были в смятении, и она предоставила гостю полную свободу говорить весь вечер.

Джон Пендлтон, казалось, не возражал. Он раз или два беспокойно прошёлся по комнате, затем опять уселся на прежнее место, а когда заговорил, предмет разговора был прежний — миссис Кэрю.

— Странно, как всё получилось с этим Джемми, правда? Интересно, настоящий он её племянник?

Поллианна не ответила, и после паузы он продолжал:

— Во всяком случае, он неплохой малый. Мне он понравился. Что-то в нём есть изящное, благородное. Она просто без ума от него, это видно, племянник он или нет.

Наступила ещё одна пауза, после которой Джон осторожно сказал:

— Когда подумаешь, странно, что она не вышла замуж. Она ведь красивая, как тебе кажется?

— Да, да, конечно! — быстро ответила Поллианна. — Она очень красивая.

Голос у Поллианны опять дрогнул. Как раз в этот момент она увидела в зеркале своё отражение, а себя она красивой не считала.

Джон Пендлтон всё говорил и говорил, мечтательно устремив взор в огонь. Отвечают ему или нет, для него не имело особого значения. Слушают его или нет, по-видимому, его тоже не интересовало. Возможно, он просто хотел поговорить. Наконец он неохотно поднялся и, распрощавшись, ушёл.

Последние полчаса Поллианна не могла дожждаться, когда же он уйдёт, но после того как он исчез, ей хотелось, чтобы он вернулся. Неожиданно она поняла, что совсем не может оставаться одна со своими мыслями.

Теперь она понимала всё. Сомнений больше не было, Джимми полюбил миссис Кэрю. Потому-то он был такой унылый и не находил себе места после её отъезда. Поэтому он так редко приходил навестить её, Поллианну, свою старую знакомую. Вот почему...

Бесчисленные детали прошлого лета всплыли в её памяти. Это были немые свидетели, которых невозможно отвергнуть.

Ну а почему бы ему и не полюбить? Миссис Кэрю — красивая, очаровательная... Правда, она гораздо старше Джимми, но молодые люди иногда женятся на немолодых женщинах, это бывает. Если они любят друг друга...

В эту ночь Поллианна уснула в слезах.

Утром она постаралась смело встретить действительность. Она даже попробовала с улыбкой сквозь слёзы испытать себя игрой в радость. Но это лишь напомнило слова, которые Нэнси произнесла много лет назад: «Если и есть в мире люди, к которым нельзя применить игру — это пара рассорившихся влюблённых!»

«Мы не «рассорились» и мы не «влюблённые», — Поллианна покраснела. — Но всё равно я не могу радоваться за него. И за... за...» — даже про себя она не закончила эту фразу.

Решив, что Джимми и миссис Кэрю любят друг друга, Поллианна стала очень проницательной. Вскоре она обнаружила, что мысль подтвердилась, прежде всего — в

письмах миссис Кэрю.

«Я часто вижу твоего друга, молодого Пендлтона, — писала миссис Кэрю, — и он мне нравится всё больше и больше. Однако мне очень хочется, просто ради любопытства, добраться до источника моих необъяснимых предчувствий, что я его уже где-то видела».

После этого она постоянно упоминала о нём, и в этом небрежном упоминании скрывалось острое жало. В других источниках тоже находилось немало подтверждений. Чаше и чаше Джон Пендлтон заходил поговорить о Джимми и всегда упоминал миссис Кэрю. Бедная Поллианна иногда была просто в отчаянии — неужели ему не о чем больше поговорить, кроме этих двоих?

Приходили письма и от Сэди, она тоже рассказывала о Джимми и о том, как он помогает миссис Кэрю. Даже Джеми, который писал очень редко, не преминул внести свою лепту. «Уже десять часов. Я один, сижу и жду, когда вернётся домой миссис Кэрю. Она и Пендлтон опять в этом своём Доме». От самого Джимми Поллианна получала что-нибудь редко.

«Что ж, — со вздохом говорила она себе, — я должна быть рада. Ни о чём, кроме миссис Кэрю и девушек, писать он не может, и я рада, что пишет он не очень часто».

ДЕНЬ, КОГДА ПОЛЛИАННА НЕ ИГРАЛА

Так день за днём промчалась зима. Вслед за снегами и морозами исчезли январь и февраль, наступил март с его ветрами, свистом и стонами, обрушивающимися на старый дом. Хлопали ставни, а разболтанные ворота так скрипели, что и без того натянутые нервы готовы были лопнуть.

В эти дни Поллианне нелегко было играть в свою игру, но она старалась, проявляя почти героическую верность. Тётя Полли вообще не играла. Она чувствовала себя не совсем хорошо и просто-напросто обрекла себя на заточение в беспросветном мраке.

Поллианна всё ещё надеялась на приз. Теперь она уже опустила в своих ожиданиях до самого последнего. Она писала ещё, и неизменность, с которой рассказы возвращались из своего путешествия, поколебала её веру в успех.

«Ничего, ведь я могу радоваться, что тётя Полли об этом не знает, — отважно утешала себя Поллианна, страдая над запиской, которая вернулась вместе с потерпевшей крах историей. — По крайней мере, тут она не будет беспокоиться».

Все дни Поллианниной жизни вращались теперь вокруг тёти. Незнакома ли та, как беззаветно посвятила племянница все дни своей жизни только ей.

Однажды, в пасмурный мартовский день, наступил кульминационный момент. Проснувшись, Поллианна выглянула в окно и со вздохом посмотрела на небо. С тётей Полли было особенно трудно в пасмурные дни. Однако с весёлой песенкой, которая немножко вдохновляла, Поллианна отправилась на кухню и начала готовить завтрак.

— Я думаю, что сделаю кукурузный пудинг, — убедительно пояснила она плите. — Тогда, может быть, тётя Полли не будет так сильно обращать внимание на другие вещи.

Спустя полчаса она тихонько вошла в комнату тёти.

— Вы сегодня так рано? Ох, это прекрасно! И сами причесались?

— Я не могла спать, — устало вздохнула тётя. — Пришлось самой причесаться, тебя не было.

— Я не подумала, что вы меня ждёте, — торопливо объяснила Поллианна. — Но это ничего. Вы обрадуетесь, когда узнаете, чем я занималась.

— Только не в это утро, — недовольно нахмурилась тётя Полли. — В такое утро никто не может радоваться. Посмотри на дождь! Это уже третий дождливый день на неделе.

— Правда, но, знаете, солнце никогда не казалось таким прекрасным после дождей, как в этот раз, — улыбнулась Поллианна, ловко пристёгивая кружева с ленточкой на груди у тёти. — Ну, вот и готово. Завтрак тоже готов. Только подождите, пока не увидите, что я для вас состряпала.

Тётю Полли не развеселил в это утро даже кукурузный пудинг. Всё было невыносимо, по крайней мере, для неё. Терпение Поллианны к концу завтрака почти истощилось. Ко всему прочему, крыша над окном, выходящим на восток, протекла, а с почтой пришло неприятное письмо. Поллианна, верная себе, со смехом провозгласила, что она рада крыше, а письма ожидала уже целую неделю, и теперь ей больше не надо беспокоиться, что оно скоро придёт.

Всё это, сопровождаемое множеством других неприятностей, затянуло утреннюю работу далеко за полдень, что было особенно неудобно тётя Полли, распределявшей свою жизнь по часам.

— Поллианна! Уже половина четвёртого! — раздражённо крикнула она. — Ты ещё не заправила постели?

— Нет, дорогая. Я постелю, не беспокойтесь.

— Ты разве не слышала, что я сказала? Взгляни на часы. Уже четвёртый час!

— Да, правда, но это ничего, тётя Полли. Спасибо, что не пятый. Можно хоть этому радоваться.

Тётя Полли пренебрежительно фыркнула.

— Да, ты можешь, — резко заметила она.

Поллианна рассмеялась.

— Понимаете, тётя, часы — очень любезная вещь. Я обнаружила это ещё в санатории. Когда я делаю то, что мне нравится, и не хочу, чтобы время бежало быстро, я смотрю только на часовую стрелку и чувствую себя так, словно у меня уйма времени. А в другой раз, когда нужно перенести что-нибудь тяжёлое, я смотрю на секундную стрелку и время мне помогает, спешит изо всех сил. Так вот, сегодня я смотрю на часовую стрелку. Понимаете? — и она торопливо убежала из комнаты, прежде чем тётя Полли успела что-либо ответить.

День был несомненно тяжёлым, и к вечеру Поллианна была страшно усталой и бледной. Видя это, тётя Полли страдала и за неё.

— Боже мой! Детка, ты выглядишь до смерти усталой! — сердилась она. — Что мы теперь будем делать? Я боюсь, ты скоро тоже заболеешь.

— Ничего подобного, тётя! Я нисколечко не больна! — провозгласила Поллианна, со вздохом

опускаясь на диван. — Я просто устала. Ох, как приятно посидеть на диване! Я даже рада, что устала, так приятно отдохнуть!

Тётя Полли нетерпеливо повернулась.

— Рада, рада, рада! Конечно, ты рада, Поллианна! Ты всегда всему рада. Никогда в жизни я не встречала такой девушки. О да, я знаю, игра! — поспешно добавила она. — Это очень хорошая игра, конечно, но я думаю, ты зашла слишком далеко. Извечное «могло быть и хуже» уже действует мне на нервы. Честно признаться, мне было бы намного легче, если бы ты хоть на время перестала радоваться!

— Почему, тётя? — Поллианна резко выпрямилась.

— Так будет лучше. Как-нибудь попробуй и убедишься.

— Но, тётя, я... — Поллианна остановилась и задумчиво посмотрела на неё. Странное выражение появилось в её глазах, губы медленно растянулись в улыбке. Миссис Чилтон, которая как раз вернулась к своей работе, не обратила на это внимания. Через минуту Поллианна опять села на диван, но задумчивая улыбка осталась на её лице.

На следующее утро, когда Поллианна встала, опять шёл дождь, а в трубе также гудел северо-восточный ветер. Стоя у окна, Поллианна невольно вздохнула, но в то же мгновение лицо её изменилось.

— Ох, всё равно я рада... — она зажала рот рукой. — Чуть не забыла, — тихо хихикнула она, и в глазах её запрыгали весёлые огоньки. — Я не должна забывать, я знаю, я не должна, а то можно всё испортить. Я должна помнить, что ничему нельзя радоваться... сегодня.

В это утро Поллианна не стряпала кукурузного пудинга. Приготовив завтрак, она вошла в тётину комнату.

Миссис Чилтон всё ещё была в постели.

— Я вижу, опять дождь! — заметила она вместо приветствия.

— Да, это ужасно, просто ужасно! — проворчала Поллианна. — На этой неделе дождь льёт почти каждый день. Какая противная погода!

Тётя Полли повернулась к ней с лёгким недоумением в глазах, но Поллианна смотрела в другую сторону.

— Вы будете вставать? — неприветливо спросила она.

— Ну а как же, конечно, — пробормотала тётя Полли, всё с тем же недоумением глядя на племянницу. — В чём дело, Поллианна? Ты очень устала?

— Да, я устала... И плохо спала. Ненавижу бессонницу! Так досадно, когда просыпаешься среди ночи.

— Я это знаю, — беспокойно ответила тётя Полли. — Я сама ни на мгновение не уснула после двух часов. А тут ещё эта крыша! Как же мы сможем её отремонтировать, если дождь ни на минуту не прекращается? Ты поднималась наверх, чтобы вылить из ведер воду?

— О да, и ещё отнесла туда две штуки, появилась новая течь.

— Новая? Как же это?

Поллианна приоткрыла рот. Она почти произнесла: «Ну, ничего, отремонтируем всё за один

раз», — но спохватилась и проговорила усталым голосом:

— Да, тётя, течь ужасная. Во всяком случае, крыша испорчена, и мне это надоело.

Стараясь смотреть в сторону, Поллианна повернулась и медленно побрела из комнаты. «Это так забавно и так трудно. Боюсь, что всё перепутаю», — шептала она про себя, торопливо сбегая в кухню.

Позади осталась тётя Полли, проводившая её недоуменным взглядом.

В этот день, до самых шести часов вечера, тётя Полли часто смотрела на Поллианну, и в глазах её было удивление. Сегодня племяннице невозможно было угодить. Огонь не разгорался, ветер дул, одна штора падала три раза, на крыше появилась третья течь. Пришло письмо, от которого Поллианна расплакалась, но, несмотря на бесчисленные вопросы, ничего не объяснила. Даже обед был испорчен, всё шло наперекосяк, и всё сопровождалось сердитыми, раздражёнными репликами.

Ко второй половине дня в глазах у тёти Полли недоумение и растерянность сменились подозрительностью. Если Поллианна и заметила это, то не подала виду и ворчала вовсю. Скоро подозрительность тёти Полли превратилась в уверенность, а недоумение с позором бежало. Любопытно, что на их месте возникло новое выражение, которое мы бы назвали внезапным озарением.

Наконец, после очередной скорбной жалобы, тётя Полли всплеснула руками.

— Твоя взяла! Твоя взяла, детка! — воскликнула она. — Сдаюсь! Можешь порадоваться, если тебе хочется, — закончила она с печальной улыбкой.

— Понимаете, тётя, вы сказали... — начала Поллианна.

— Да, да, но больше не скажу, — прервала её тётя Полли. — Боже мой, что это был за день! Я не хотела бы пройти через него опять, — потупившись, она покраснела, а потом продолжала с большим трудом: — Мало того, я... я хочу, чтобы ты знала, что... я сама не играла в игру... как следует. Но после этого я... попробую, постараюсь... Где мой платочек? — резко закончила она, уткнувшись лицом в складки платья.

Поллианна вскочила на ноги и быстро подбежала к ней.

— Ох, тётя Полли, я не хотела... это была просто... просто шутка, — задрожала она в отчаянии. — Я никогда не думала, что вы это так воспримете.

— Конечно, нет! — огрызнулась тётя Полли со всей неумолимой суровостью уязвлённой гордости, которая питает отвращение к слабостям и до смерти боится показать, что сердце её тронута. — Неужели ты думаешь, что я совсем уж глупа? Да если бы ты пыталась преподать мне урок, то я бы... я бы... — но сильные молодые руки заключили её в объятия, и она не смогла закончить.

ДЖИММИ И ДЖЕМИ

Не для одной Поллианны эта зима была очень трудной. В Бостоне Джимми Пендлтон, несмотря на свои напряжённые старания занять время и мысли, обнаружил, что ничто не

затмит смеющихся голубых глаз, которые постоянно стояли перед его взором. Ничто не могло стереть из памяти знакомый, весёлый голос.

Джимми признался себе, что, если бы не миссис Кэрю, жизнь не имела бы для него никакого смысла. Но даже там, у неё, постоянно был Джеми, а это всегда напоминало о Поллианне...

Убеждённый, что Джеми и Поллианна любят друг друга, а он обязан отойти в сторону, предоставив калеке свободный путь, он запрещал себе возвращаться к этим мыслям. И Джеми, и миссис Кэрю получали от неё письма, и, когда они говорили о ней, он заставлял себя слушать, но при первой же возможности старался сменить тему разговора, а сам очень редко посылал короткие весточки. К счастью, он хотя бы оставил Белдингсвилль и опять учился в Бостоне. Быть так близко к Поллианне и так далеко от неё он больше не смог бы.

В Бостоне его беспокойный разум лихорадочно искал какого-нибудь занятия, и он в буквальном смысле ушёл с головой в планы миссис Кэрю. Любую свободную минуту он посвящал этой работе, чему миссис Кэрю была безмерно рада.

Так прошла зима, наступила весна — радостная, цветущая весна с нежными ветерками и ласковыми тёплыми ливнями. Бледно-зелёные бутоны превратились в благоуханные цветы. Вроде бы всё предвещало радость, хотя в сердце царила мрачная, холодная зима досады.

«Если бы они поскорее объявили о помолвке, — всё чаще и чаще повторял он про себя. — Если бы я хоть в чём-то мог быть уверен, мне было бы полегче».

И вот, в конце апреля его желание исполнилось наполовину — он в чём-то стал уверен.

Случилось это в субботу в десять часов утра, когда Мэри проводила его в музыкальную комнату обычными словами: «Я доложу миссис Кэрю, что вы здесь, сэр. Я думаю, она вас ожидает».

Войдя в музыкальную комнату, Джимми растерялся, увидев сидящего за пианино Джеми, который упирался локтями в подставку, опустив голову на руки. Пендлтон тихонько повернулся, чтобы удалиться, когда юноша, сидевший за пианино, внезапно поднял голову. Щеки его пылали, в глазах отражалась лихорадочная тоска.

— Что случилось? — пробормотал ошеломлённый Джимми.

— Случилось? — воскликнул Джеми, поднимая обе руки, в каждой из которой было по вскрытому письму. — Случилось! Что бы ты подумал, если б всю жизнь находился в тюрьме и вдруг увидел, что ворота широко распахнулись? Разве ты не предложил бы девушке, которую безумно любишь, стать твоей женой? Разве ты не подумал бы... Нет, послушай! По-твоему, я ненормальный? Нет, я нормальный, хотя, может быть, и помешался от радости! Я хочу тебе всё рассказать. Можно?

Пендлтон поднял голову, подсознательно готовясь к удару. Он немного побледнел, но твёрдым голосом ответил:

— Конечно, можно.

Однако Джеми не дожидался согласия.

— Да, для тебя это ничего не значит. У тебя есть ноги и свобода. У тебя есть свои мосты. Но я... для меня это всё. Я могу быть мужчиной и выполнять мужскую работу, хотя это не дамбы и не мосты. Я доказал теперь, что могу! Мой рассказ выиграл первый приз, три тысячи долларов! Во втором письме написано, что крупное издательство приняло мою первую книгу! И оба письма пришли сегодня, в это утро! Теперь тебе понятно, почему я так рад?

— Конечно, конечно! — воскликнул Джимми. — Поздравляю тебя от всей души!

— Спасибо. Представь только, что это для меня значит! Я стану независимым, как настоящий мужчина, ты представь, я ведь смогу принести миссис Кэрю радость и гордость за то, что когда-то она для меня, несчастного калеки, нашла место в своём доме и в своём сердце. Подумай только, что для меня значит сказать любимой девушке, что я люблю её.

— Да, да, конечно, старик! — Джимми говорил твёрдо, хотя лицо его стало совершенно белым.

— Конечно, может быть, и не стоит... — предположил Джеми, и лёгкое облачко сменило выражение его лица. — Я привязан к ним... — и он похлопал по костылям, стоящим рядом. — Я не забыл, конечно, тот день в лесу прошлым летом... теперь я всегда стану опасаться, что она в опасности, а я не могу ей помочь.

— Джеми... — торопливо начал собеседник. Джеми предупреждающе поднял руку.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Но не говори. Ты не привязан к двум палкам. Ты спас Поллианну, а не я. Я постоянно представляю, что это будет всегда, со мной и... Сэди. Я буду стоять в стороне и смотреть, как другие...

— Сэди?! — воскликнул Джимми.

— Да, Сэди. Разве ты не знал? Ты не заметил, что я её люблю? — воскликнул Джеми. — Неужели я так хорошо это скрывал? Я, правда, старался, но... — закончил он с блаженной улыбкой и отчаянным жестом.

— Д-да, ты действительно скрыл это... от меня, во всяком случае, — весело воскликнул Джимми. Краска потоком бросилась ему в лицо, глаза засияли. — Значит, Сэди! Поздравляю тебя снова! Поздравляю! Поздравляю! Вот так прямо и скажу! — от радости и возбуждения Джимми стал очень разговорчивым.

Джеми покраснел и печально покачал головой.

— Ещё рано поздравлять. Понимаешь, я с ней не разговаривал. Но я думаю, она знает. Я думал, что все вокруг знают. Да, а почему ты так удивился?

Джимми смутился, а потом стремительно выговорил:

— Я решил, что это Поллианна.

Джеми улыбнулся.

— Поллианна замечательная девушка, и я люблю её, но не в этом смысле. Во всяком случае, не больше, чем она меня. Кроме того, я предполагаю, что кто-то ещё имеет на неё виды...

Джимми покраснел, как счастливый застенчивый мальчик.

— В самом деле? — переспросил он, стараясь не выдать себя голосом.

— Конечно! Джон Пендлтон.

— Джон Пендлтон? — отшатнулся поражённый Джимми.

— Что Джон Пендлтон? — слышался голос, и в комнату вошла улыбающаяся миссис Кэрю.

Джимми, для которого за пять минут всё дважды перевернулось, едва мог собраться с

мыслями, чтобы произнести едва слышное приветствие. Но ничуть не смутившийся Джеми повернулся к ней с победным видом:

— Ничего, я просто сказал, что Джон Пендлтон любит Поллианну.

— Поллианну? Джон Пендлтон? — миссис Кэрю опустилась на оказавшийся рядом стул. Если бы оба юноши не были поглощены своими собственными переживаниями, они бы, конечно, заметили, что улыбка слетела с её губ и странное выражение, почти страх, появилось в её глазах.

— Ну конечно, — уверенно повторил Джеми. — Вы что, оба ослепли прошлым летом? Ведь он всё время проводил с ней.

— Ну почему? Мне казалось, он был со всеми нами, — нерешительно пробормотала миссис Кэрю.

— Но не так, как с Поллианной, — настаивал Джеми. — Да и кроме того, разве вы забыли, как однажды мы говорили о его женитьбе, а Поллианна покраснела и сказала, что он однажды уже думал жениться. Я ещё тогда подумал, не было ли чего-то между ними. Неужели не помните?

— Д-да, вспоминаю, — опять еле слышно пробормотала миссис Кэрю.

— Это я могу объяснить, — прервал Джимми, облизывая пересохшие губы. — Джон Пендлтон был влюблён, только в мать Поллианны.

— Мать? — в один голос воскликнули его собеседники.

— Да, он любил её в юности, но ей не нравился. Она любила другого и вышла за него замуж. Это отец Поллианны.

— О-ох! — облегчённо вздохнула миссис Кэрю и уселась удобнее. — Так вот почему он не женился!

— Да, — кивнул Джимми. — Видишь, ты неправ. Он влюблён не в Поллианну, а в её мать.

— Наоборот, это ещё больше подтверждает мою идею, — провозгласил Джеми, глубокомысленно качая головой. — Смотрите: он любил мать, но ничего не вышло. Что может быть естественнее, чем полюбить дочь?

— Ох, Джеми, ты неисправимый сочинитель! — постаралась смягчить разговор миссис Кэрю, сопровождая свои слова нервным смехом. — Это не дешёвый рассказ, это реальная жизнь. Она слишком молода для него. Он должен жениться на женщине своего возраста... если он вообще намерен жениться, — заикаясь, поправила она, неожиданно покраснев.

— Ну а что, если он полюбил девушку? — упрямо возражал Джеми. — Смотрите, мы не получили ни одного письма от неё, в котором она не упоминала бы о нём. И он постоянно говорит о ней в своих письмах.

Миссис Кэрю неожиданно встала.

— Да, знаю, — пробормотала она, сделав странный жест, как будто отбросила что-то в сторону. — Но... — она не закончила свою мысль и через мгновение исчезла в другой комнате.

Когда минут через пять она вернулась, то, к величайшему своему удивлению, обнаружила, что Джимми ушёл.

— Как? Я думала, он пойдёт с нами на пикник?! — воскликнула она.

— Я тоже думал, — нахмурился Джеми. — Кажется, он неожиданно должен уехать и пришёл сказать вам, что не может с нами пойти. Во всяком случае, он мгновенно исчез. Понимаете, — глаза у Джеми опять заблестели, — я не уверен, что я его вполне понял, потому что думал о другом. — И он разложил перед ней оба письма, которые всё это время держал в руках.

— Ох, Джеми! — затаив дыхание, произнесла миссис Кэрю, когда кончила их читать. — Как я горжусь тобой! — неожиданно глаза её наполнились слезами при виде невыразимого восторга, озарившего его лицо.

ДЖИММИ И ДЖОН

В субботу поздним ночным поездом на станцию Белдингсвилль прибыл высокий молодой человек с очень решительным, озабоченным видом. На следующее же утро, ещё не пробило десяти часов, как тот же молодой человек, только с ещё более решительным видом, шагал по тихим воскресным улицам, направляясь к харрингтонскому поместью. Увидев пучок любимых льняных волос, как раз в этот миг скрывшихся в беседке, он пошёл мимо парадной двери, пересёк газон и направился по садовой дорожке, пока не встретился лицом к лицу с обладательницей пучка.

— Джимми! — прошептала Поллианна, отшатнувшись назад и не сводя с него глаз. — Откуда ты?

— Из Бостона. Приехал ночью. Я должен был тебя увидеть.

— Увидеть меня? — Поллианна бессильно оперлась о забор, чтобы немного прийти в себя. Джимми был таким высоким, сильным и красивым в дверях беседки, и она боялась, что её взгляд — слишком восторженный, если не более того.

— Да, Поллианна. Я думал... я... я боялся... О, я больше не могу! Перейду к самому главному. Значит, так. Я стоял в стороне, но теперь не буду. Это не тот случай, когда нужна снисходительность, он не калека, не Джеми. У него есть ноги, руки и голова, и если он выиграет, то в бою. У меня тоже есть право!

Поллианна смотрела на него с искренним недоумением.

— Джимми, что всё это значит? О чём ты говоришь? — строго спросила она.

Молодой человек смущённо засмеялся.

— Неудивительно, что ты не знаешь. Это совсем неясно, правда? Не думаю, что мне самому было что-то понятно до вчерашнего дня, пока я не узнал от Джеми.

— Узнал... от Джеми?

— Да. Всё началось с приза. Понимаешь, он только что получил его, и...

— Ой, я знаю, — с жаром прервала его Поллианна. — Разве это не здорово? Только подумать, ведь первый приз — три тысячи долларов! Вчера я написала ему письмо. Ну конечно, когда я увидела его имя и до меня дошло, что это наш Джеми, я так разволновалась,

что совсем забыла поискать своё имя, и не смогла найти его, и поняла, что ничего не выиграла... Понимаешь, я была так рада за Джеми, что... совсем забыла обо всём остальном, — исправилась Поллианна, бросив на Джимми смущённый взгляд. Она боялась, не уловил ли он то, чего она вначале чуть не высказала.

Однако Джимми был слишком погружён в свои проблемы.

— Да, да, конечно, это хорошо. Я рад, что он его получил. Но, Поллианна, я имею в виду то, что он сказал позже. Понимаешь, до сих пор я думал, что... что он любит... что вы любите друг друга.

— Ты думал, что мы с Джеми любим друг друга? — воскликнула Поллианна, и на её лице разлилась мягкая краска смущения. — Что ты, он любит Сэди! Мы говорили о ней часами. Я думаю, он ей тоже нравится.

— Прекрасно! Я тоже надеюсь на это, но понимаешь, я ведь не знал. Я думал, что это Джеми и ты... И я думал, нельзя мешать инвалиду... некрасиво, если бы я... если бы я был рядом и старался тебя добиться.

Поллианна неожиданно нагнулась и подобрала листик, лежащий у её ног. Когда она поднялась, смотрела она в сторону.

— Поэтому я... я просто отошёл и дал ему возможность... хотя чуть не умер с горя. А вчера утром я узнал. Но узнал я и ещё кое-что. Джеми всё сказал мне. Но ради него я не отступлю, хотя он столько для меня сделал. Джон Пендлтон — мужчина, у него здоровые ноги. Он должен драться, чтобы выиграть. Если ты любишь его, если ты на самом деле очень любишь его... Поллианна широко раскрыла глаза:

— Джон Пендлтон? Джимми, что ты? Причём тут Джон Пендлтон?

Внезапная радость преобразила лицо Джимми, и он протянул к ней руки:

— Так ты... Ты его не любишь?

Поллианна отступила. Она побледнела и вся дрожала.

— Джимми, что ты говоришь? — жалобно взмолилась она.

— Я говорю, что ты не влюблена в дядю Джона. Неужели ты не понимаешь? Джеми думает, что вы с ним любите друг друга. Тогда и я стал так думать. Ведь он всегда говорит о тебе, и конечно, до этого была твоя мама...

Поллианна тихо застонала и закрыла лицо руками. Джимми подошёл поближе и нежно положил руки ей на плечи, но она опять отпрянула от него.

— Поллианна! Радость моя, не надо! — ласково попросил он. — Неужели ты совсем не любишь меня? Неужели это правда, и ты просто не хочешь мне сказать?

Она опустила руки и посмотрела ему в лицо. В глазах её было выражение, которым она его удержала.

— Джимми, ты думаешь, что он... любит меня... в этом смысле? — очень тихо спросила она.

Джимми нетерпеливо тряхнул головой.

— Ничего я не думаю, Поллианна. Откуда мне знать. Дорогая, не в том дело, а в тебе. Если ты не любишь его и если ты подашь мне надежду, хоть лёгкую надежду... — он поймал её за

руку и старался притянуть к себе.

— Нет, нет, Джимми, я не должна! Я не могу! — и обеими руками она оттолкнула его.

— Поллианна, ты его любишь? — бледнея, спросил Джимми.

— Нет, нет, конечно, — проговорила Поллианна. — Разве ты не видишь? Если он любит меня, я должна... я просто обязана...

— Поллианна!

— Не надо! Не смотри на меня так, Джимми!

— Ты выйдешь за него замуж?

— О нет!.. Я... я... д-да, возможно, — с отчаянием призналась она.

— Поллианна, что ты говоришь?! Это ужас какой-то. Ты... ты меня просто убиваешь.

Поллианна тихо всхлипнула. Она опять закрыла лицо руками, некоторое время сдавленно всхлипывала, потом подняла голову и посмотрела прямо в страдальческие, укоризненные глаза Джимми.

— Я знаю, я знаю, — в отчаянии повторила она, — я убиваю и себя. Но я не могу иначе. Я разобью твоё сердце, разобью моё, но никогда не смогу его обидеть!

Джимми поднял голову. Глаза его вдруг загорелись огнём. Он совершенно преобразился. С нежным и победным возгласом он обнял Поллианну и крепко прижал к себе.

— Теперь я знаю — ты любишь меня! — тихо прошептал он ей на ухо. — Ты сказала, что твоё сердце тоже разобьётся. Ты думаешь, теперь я отдам тебя кому-нибудь? Ах, дорогая, ты очень мало понимаешь, если думаешь, что я соглашусь тебя потерять. Поллианна, скажи, что ты любишь меня! Скажи сама!

Целую минуту Поллианна оставалась в крепких объятиях, потом со вздохом, отчасти — счастливым, отчасти — жертвенным, стала высвобождаться.

— Да, Джимми, я люблю тебя. — Руки его напряглись и готовы были опять прижать её, но в лице её был запрет. — Я очень люблю тебя. Но я никогда не смогу быть счастлива с тобой... Джимми, неужели ты не видишь? Вначале я должна знать, что я свободна.

— Вздор, Поллианна! Ну конечно, ты свободна! — глаза у Джимми опять загорелись.

Поллианна покачала головой.

— Нет, Джимми. Разве ты не видишь? Раньше мама разбила его сердце... моя мама. Все эти годы он жил одиноко, не знал любви. Если он теперь придёт ко мне и предложит, чтобы я восполнила всё это, я должна буду согласиться. Его я не могу отвергнуть, понимаешь?

Джимми не понимал, он просто не мог понять и не собирался, несмотря на то, что Поллианна умоляла и доказывала со слезами. Она тоже не уступала, ласково и мягко она противилась и, несмотря на боль и раздражение, он чувствовал себя почти утешенным.

— Джимми, дорогой, — наконец сказала Поллианна. — Мы просто должны подождать. Надеюсь, он не интересуется мной, и я... я просто не верю, что он меня любит. Но вначале я должна узнать. Мы должны подождать, пока не узнаем, Джимми, пока всё не узнаем.

Этому плану пришлось подчиниться, хотя сердце и противилось.

— Хорошо, моя радость. Конечно, я должен остаться с тем, что ты сказала, — в отчаянии произнёс он. — Я думаю, ни один мужчина не дожидался, пока девушка, которую он любит и которая любит его, не узнает, не влюблён ли в неё другой.

— Да, да, но ни один мужчина не любил сперва её маму, — вздохнула Поллианна, и лицо её стало очень грустным.

— Прекрасно, я вернусь в Бостон, — согласился Джимми. — Но не думай, что я отступлю. Теперь-то я знаю, что ты меня любишь! — закончил он с таким видом, что она отошла подальше.

ДЖОН ПЕНДЛТОН ПОВЕРНУЛ КЛЮЧ

Джимми вернулся в Бостон, терзаемый раздражением и счастьем, надеждой и бунтом. В Белдингсвилле он оставил девушку, которая была едва ли в меньшем возбуждении. Поллианна, охваченная трепетным счастьем от сознания, что Джимми любит её, содрогалась от ужаса при мысли о любви Джона Пендлтона. Поэтому не было и мгновения радости, которое бы не сопровождалось болью и страхом.

К счастью для всех страдальцев, муки эти длились недолго. Так уж случилось, что ключ к ситуации находился у Джона Пендлтона. Не прошло и недели после неожиданного посещения Джимми, как он повернул этот ключ и дверь широко распахнулась.

В четверг, ближе к вечеру, Джон Пендлтон зашёл навестить Поллианну. Получилось так же, как и у Джимми — он увидел её в саду и направился прямо к ней.

Поллианна, взглянув ему в лицо, вдруг почувствовала, как сердце её сжалось.

«Идёт... идёт...» — вздрогнула она и невольно отвернулась, как будто хотела убежать.

— Поллианна, подожди минутку, пожалуйста! — крикнул он, ускоряя шаги. — Тебя я и хочу видеть! Можем мы посидеть здесь? — спросил он, поворачиваясь к беседке. — Я должен поговорить с тобой.

— К-как же, конечно, — ответила Поллианна с деланной весёлостью. Она знала, что краснеет, а ей особенно не хотелось сейчас краснеть. Легче от того, что она согласилась с ним посидеть в беседке, ей не стало. Беседка была священным местом, связанным с милыми воспоминаниями. «И только подумать, что это произойдёт здесь... здесь!» — она содрогнулась при одной мысли об этом, но вслух весело сказала: — Сегодня прекрасный вечер, правда?

Ответа не последовало. Джон Пендлтон вошёл в беседку и тяжело опустился на плетёный стул, даже не дождавшись, пока сядет Поллианна. Для него это было очень необычно. Поллианна, украдкой бросив на него нервный взгляд, вдруг увидела его таким недовольным и неумолимым, что моментально вспомнила это же выражение в своём далёком детстве и непроизвольно вскрикнула.

Джон Пендлтон не обратил на это внимания. Он был поглощён своими мыслями. Наконец он поднял голову и мрачно посмотрел в недоумевающие глаза.

— Поллианна...

— Да, мистер Пендлтон.

— Ты помнишь, каким я был много лет назад, когда ты впервые меня встретила?

— Д-да, я... д-думаю, что помню.

— Приятный человек, да?

Несмотря на всё своё волнение, Поллианна слабо улыбнулась.

— Вы... вы мне нравились. — Только услышав эти слова, она поняла, что они могут значить. Ей захотелось вернуть их обратно или исправить, и она чуть не добавила: «Я имела в виду, вы мне нравились тогда!» — но вовремя остановилась. С замиранием сердца она ждала следующих слов, которые не замедлили последовать.

— Я знаю, спасибо. Это меня и спасло. Я часто думаю, Поллианна, поняла ли ты, что твоя детская любовь и вера сделали для меня?

Поллианна смущённо запротестовала, но, улыбаясь, он остановил её.

— Да, ты меня спасла. Ты, и никто другой. Интересно, помнишь ли ты и другое, — продолжал он после минутного молчания, во время которого Поллианна украдкой поглядывала на дверь. — Интересно, помнишь ли ты, как я однажды сказал тебе, что ничто, кроме женской руки и присутствия ребёнка, не может сделать жилище домом?

Поллианна почувствовала, как кровь хлынула ей в лицо.

— Д-да... н-нет... то есть помню, — проговорила она. — Но я... я не думаю, что это всегда так. Я хотела сказать, что... что ваш дом теперь... очень хороший и...

— О моём доме я и говорю, — торопливо перебил её Пендлтон. — Поллианна, ты знаешь, какой дом я однажды хотел иметь и кто растоптал мои надежды. Не думай, дорогая, что я обвиняю твою мать. Нет, я не сужу её. Она просто послушалась веления сердца, и это правильно... Она, во всяком случае, сделала разумный выбор, что ясно доказывает мрачная жизнь, которой я потом жил. И после всего этого, Поллианна, разве не странно, — добавил Джон Пендлтон, и в голосе его послышалась нежность, — что маленькая ручка её собственной дочери наконец привела меня на тропинку счастья?..

Поллианна нервно облизнула пересохшие губы.

— Ох, мистер Пендлтон, я... я...

И опять он прервал её ласковым жестом:

— Да, это ты, Поллианна, твоя маленькая ручка, много лет назад... Ты и твоя игра в радость.

— Ох! — Поллианна немного расслабилась. Ужас стал медленно гаснуть в её глазах.

— Все эти годы я постепенно превращался в другого человека. Но есть одна вещь, которой я не изменил, моя дорогая. — Он замолчал, отвернулся, а затем печально повернулся и нежно посмотрел ей в глаза. — Я продолжаю думать, что необходима женская рука или присутствие ребёнка, чтобы жилище стало домом.

— Да, но у вас есть ребёнок, — попыталась возразить Поллианна, и ужас опять наполнил её взгляд. — У вас есть Джимми, вы знаете.

Он странно рассмеялся.

— Я знаю, но... даже ты не скажешь, что Джимми сейчас ребёнок.

— Н-нет... конечно, нет.

— Кроме того, Поллианна, я уже решил. Мне нужна рука женщины и её сердце. — Голос его вдруг дрогнул и стих.

— О-ох, в самом деле? — Поллианна сжала пальцы что было силы. Однако ей казалось, что Джон Пендлтон ничего не слышит и не видит. Он поднялся на ноги и стал нервно прохаживаться по маленькой беседке.

— Поллианна, — наконец остановился он и посмотрел ей в лицо, — если... если бы ты была на моём месте и хотела бы предложить женщине, которую ты любишь, прийти и превратить старую, серую груду камней в Дом, что бы ты сделала?

Поллианна наполовину поднялась со стула. Её широко открытые глаза тоскливо смотрели на дверь.

— Мистер Пендлтон, я бы не сделала совсем-совсем ничего! — она опять не могла найти нужных слов, и они наскакивали друг на дружку. — Я уверена, что вы намного счастливее так, как есть.

Он уставился на неё удивлённо и в нерешительности, затем грустно засмеялся.

— Ради Бога, Поллианна, что же тут плохого? — спросил он.

— П-плохого? — Поллианна выглядела так, будто она сейчас убежит.

— Может, ты просто хочешь смягчить удар? Ты хочешь сказать, что она всё равно не согласится выйти за меня замуж?

— О-ох, н-нет, нет, конечно! Она скажет «да», она должна сказать «да», вы же знаете, — объяснила Поллианна, содрогаясь от ужаса.

— Но я думала, я имею в виду... если она вас не любит, вы будете гораздо счастливее без неё... — и, взглянув на выражение его лица, она замолчала.

— Я бы не любил её, Поллианна, если б она не любила меня, — продолжал Джон Пендлтон. — Кроме того, это не молоденькая девушка, она взрослый человек и прекрасно знает, что делает. — Голос его звучал грустно и доверчиво.

— Ой! — воскликнула Поллианна. Придавленное счастье вдруг вспыхнуло в её глазах. — Значит, вы любите... — почти со сверхъестественной силой она удержала готовые сорваться с её счастливых уст слова «кого-то другого».

— Люблю? А о чём же мы говорим? — рассмеялся Джон Пендлтон с лёгким огорчением. — Так вот, может ли она полюбить меня? Тут я рассчитывал на твою помощь, Поллианна. Понимаешь, вы очень дружны.

— В самом деле? — колокольчиком прозвучал Поллианнин смех. — Тогда она просто должна любить вас. Мы её заставим! Да, а кто она?

Опять наступила длинная пауза.

— Разве ты не догадываешься?.. — удивился он. — Миссис Кэрю.

— Ох! — выдохнула Поллианна с восторженной радостью. — Как чудесно! Я так рада, рада, рада!

Через час Поллианна отправила Джимми письмо, запутанное и бессвязное — целую серию незаконченных, не имеющих смысла, но смущённо-радостных фраз, из которых он узнал очень много. А больше, конечно, из того, что осталось ненаписанным. Да и разве он нуждался в чём-либо ещё?

«Джимми, он меня не любит! Это другая. Я не должна говорить тебе, кто это, но её зовут не Поллианна».

У Джимми едва хватало времени, чтобы успеть на семичасовой поезд, отправляющийся в Белдингсвилль, но он успел на него.

ПОСЛЕ ДОЛГИХ ЛЕТ

Отправив письмо Джимми, Поллианна была настолько счастлива, что не могла удержать своих чувств. Всякий раз, прежде чем отправиться спать, она заходила в тётину комнату справиться, не нужно ли ей чего. В эту же ночь, после обычных вопросов, она повернулась, чтобы выключить свет, но что-то заставило её вернуться. Затаив дыхание, она опустилась возле неё на колени.

— Тётя Полли, я так счастлива... я должна кому-то рассказать. Я расскажу вам, можно?

— Мне? Что ты хочешь мне рассказать, дитя? Конечно, можно. Только... это хорошая новость?

— Ну конечно, дорогая... Надеюсь... — покраснела Поллианна. — Я думаю, это обрадует вас немножко, из-за меня, понимаете? Джимми когда-нибудь сам всё расскажет, как полагается. Но я хочу сказать первая.

— Джимми? — лицо у миссис Чилтон изменилось.

— Да, когда... когда он... будет просить... — заикаясь, проговорила Поллианна, сильно покраснев. — Ой, я так счастлива! Я просто должна была вам сказать.

— Просить у меня твоей руки?! — Миссис Чилтон подтянулась и села. — Поллианна, ты имеешь в виду, что возникло что-то серьёзное между тобой и Джимми Бином?

Поллианна в испуге отклонилась.

— Как, тётя? Я думала, Джимми вам нравится!

— Да, когда он на своём месте. Но не его место — быть мужем моей племянницы!

— Тётя Полли!

— Успокойся, успокойся, дитя, не удивляйся так. Это явный вздор. Я рада, что могу всё остановить, пока не зашло слишком далеко.

— Тётя Полли, это зашло далеко, — с дрожью в голосе проговорила Поллианна. — Я... я полюбила его так сильно...

— Значит, придётся разлюбить. Никогда, никогда я не соглашусь на твой брак с Джимми Бином!

— П-почему?

— Прежде всего, потому что мы ничего о нём не знаем.

— Как же так, тётя Полли? Мы знали его с тех самых пор, когда я была ещё маленькой!

— Да, и что он из себя представлял? Невоспитанный беглый мальчишка из детского приюта! Мы ничего не знаем ни о его родителях, ни о его предках.

— Я не собираюсь выходить замуж за его родителей или за его предков!

С нетерпеливым стоном тётя Полли откинулась на подушки.

— Поллианна, ты просто отравляешь мне жизнь. Сердце бьётся, как молоток. Я не смогу теперь ни на секунду уснуть. Неужели ты не могла отложить всё это до утра?

Поллианна быстро поднялась на ноги.

— Ну конечно, конечно, тётя Полли! Завтра вы будете чувствовать себя совершенно по-другому, я просто уверена! — сказала она, и в голосе её снова зазвучала надежда. Она повернулась и выключила свет.

Но утром тётя Полли не чувствовала себя иначе. Напротив, её сопротивление стало ещё твёрже. Напрасно Поллианна просила и убеждала, безуспешно стараясь показать, как зависит от этого её счастье. Тётя Полли была неумолима. Она строго выговаривала Поллианне, читала ей длинные наставления, предупреждала о возможных бедах наследственности и об опасности браков с неизвестными. Наконец, она напомнила ей, что Поллианна должна быть благодарна за все эти долгие годы в её доме, где ей оказано столько заботы и любви. Она умоляла не разбивать ей сердца этим браком, как сделала её мать много лет назад.

Когда же в десять часов явился счастливый, радостный, сияющий Джимми, то встретил испуганную, вздрагивающую от рыданий Поллианну, которая старалась отстранить от себя его трепещущие руки. Побледнев, он привлёк её к себе и потребовал объяснений.

— Поллианна, милая, что всё это значит?

— Ох, Джимми, Джимми! Зачем ты приехал? Зачем ты пришёл? Я хотела написать тебе и сразу всё рассказать, — простионала Поллианна.

— Но ты написала мне, дорогая. Я получил письмо вчера после обеда, как раз вовремя, и успел на поезд!

— Нет-нет! Я имею в виду... Я не знала тогда, что я не могу...

— Не можешь, Поллианна? — глаза его загорелись упрямым гневом. — Ты хочешь сказать мне, что ещё кто-то любит тебя, и я должен опять ждать? — проговорил он, держа её на расстоянии вытянутых рук.

— Нет, нет, Джимми! Не смотри на меня так. Я не могу этого выдержать.

— Тогда в чём же дело? Чего ты теперь не можешь?

— Я не могу выйти за тебя замуж.

— Поллианна, ты любишь меня?

— Да. О д-да!

— Тогда должна выйти! — победоносно проговорил Джимми, опять обнимая её.

— Нет, нет, Джимми, ты не понял. Это... тётя, — с трудом выговорила Поллианна.

— Тётя Полли?

— Да. Она не позволяет.

— Что? — Джимми вскинул голову. — С тётей Полли мы уладим. Она думает, что потеряет тебя, но мы напомним ей, что она... что она обретёт племянника, — закончил он с насмешливой важностью.

Поллианне было не до смеха. Она в отчаянии покачала головой:

— Нет, нет Джимми, ты не понимаешь! Она... она... ох, как я могу тебе сказать? Она возражает против тебя.

Руки Джимми слегка ослабли, глаза стали серьёзнее.

— Да-а... что ж, не могу винить её. Я не удивляюсь, конечно, — напряжённо проговорил он. — Но всё же, — и он посмотрел на Поллианну любящими глазами, — я постараюсь сделать тебя счастливой, моя радость.

— Конечно, ты сделаешь! Я знаю, что сделаешь! — заплакала Поллианна.

— Тогда почему бы не предоставить мне возможность, Поллианна, даже если тётя и не вполне одобрит этого сначала? Может быть, со временем, когда мы поженимся, мы сможем завладеть её сердцем?

— Ох, я не могу... я не могу, — простила Поллианна, — после того, что она мне сказала. Не могу без её согласия. Понимаешь, она так много сделала для меня, и она так зависит теперь от меня. Ей совсем плохо, Джимми. В последнее время она была такая хорошая, старалась играть в игру... И она... она плакала, Джимми, и просила меня не разбивать ей сердце, как... как мама много лет назад. И... и... Джимми, я просто-просто не могу так её обидеть...

На мгновение воцарилась пауза, затем Поллианна опять заговорила срывающимся голосом:

— Джимми, если бы ты... если бы ты только рассказал тёте Полли что-нибудь о твоём отце и предках...

Руки Джимми бессильно опустились, и он немного отступил. Кровь отхлынула от его лица.

— Так вот в чём дело, — прошептал он.

— Да. — Поллианна подошла поближе и робко коснулась его руки. — Не думай, это не для меня, Джимми. Мне всё равно. Кроме того, я знаю, твой отец и твои родственники благородные, потому что ты такой замечательный. Но она... Джимми, пожалуйста, не смотри на меня так!

Джимми с тихим стоном отвернулся в сторону и через несколько минут, произнеся несколько сдавленных слов, которых она не поняла, тихо ушёл.

Из харрингтонского поместья он отправился прямо домой и стал искать Джона Пендлтона. Нашёл он его в огромной библиотеке — комнате с тёмно-красными занавесками, где много лет назад Поллианна с опаской ожидала увидеть «скелет», который хозяин прячет в шкафу.

— Дядя Джон, вы помните этот конверт, который отец дал мне? — спросил Джимми.

— Конечно. — Джон Пендлтон встревоженно посмотрел на Джимми. — А в чём дело?

— Его необходимо вскрыть.

— Но ведь условия!..

— Ничего не могу поделать. Это необходимо. Вы откроете?

— Д-да, мой мальчик, конечно, если ты настаиваешь, но... — он беспомощно замолчал.

— Дядя Джон, наверное, вы уже догадались, что я люблю Поллианну. Я сделал ей предложение, и она согласилась. — Приёмный отец обрадовался, но Джимми не остановился, даже не изменил своего напряжённого тона. — Теперь она говорит, что не может выйти за меня замуж. Миссис Чилтон возражает. Она возражает против меня.

— Против тебя? — в глазах Джона Пендлтона загорелись злые огоньки.

— Да. Я узнал об этом, когда... когда Поллианна спросила меня, могу ли я сказать её тёте что-нибудь о моём отце и моих родственниках.

— Чушь! Я думал, что у Полли Чилтон больше разума... ну, всё равно это похоже на неё. Харрингтоны всегда были чрезмерно гордыми, — проговорил Джон Пендлтон. — Что же ты сказал?

— Я хотел сказать, что лучшего отца, чем у меня, и быть не может, и вдруг неожиданно вспомнил про конверт и про то, что на нём написано. Тогда я испугался. Я не могу произнести ни слова, пока не узнаю, что там. Отец не хотел, чтобы я что-то узнал, пока мне не исполнится тридцать лет, когда я буду взрослым и смогу всё выдержать. Понимаете? В моей жизни есть какая-то тайна. Эту тайну я должен узнать и узнать сейчас же.

— Джимми, дружок, не смотри так трагически. Это ведь может быть и хороший секрет.

— Тогда бы не было необходимости скрывать это от меня, пока мне не исполнится тридцать. Нет, дядя Джон, там что-то, от чего он старался охранить меня, пока я не буду достаточно взрослым. Поймите, я не осуждаю отца. Что бы там ни было, он не мог этого изменить. Но знать я должен. Достаньте его, пожалуйста!

Джон Пендлтон молча поднялся.

— Хорошо, — сказал он.

Спустя три минуты конверт был в руках Джимми, но он его сразу вернул:

— Я бы хотел, чтобы вы прочли его. Пожалуйста. А потом скажите мне.

— Джимми, я... ну, будь по-твоему.

Решительным движением Джон Пендлтон взял нож и вскрыл конверт. Там было несколько листов бумаги, скреплённых вместе. Один лист, по всей вероятности — письмо, был свёрнут отдельно. Его-то Джон Пендлтон развернул и прочитал первым. По мере того как он читал, Джимми напряжённо следил за выражением его лица. Поэтому он видел, как на лице этом отразились удивление, радость и ещё что-то, чего он не мог выразить.

— Дядя Джон, что там? Что это? — нетерпеливо спросил он.

— Читай сам, — ответил тот, кладя письмо в протянутые руки.

И Джимми прочитал:

«Приложенные бумаги подтверждают, что мой сын Джимми — Джеймс Кент, сын Джона Кента, который женился на Дорис Уэзербай, дочери Уильяма Уэзербая из Бостона. Прилагаю письмо, в котором объясняю моему сыну, почему я скрывал его от семьи его матери все эти годы. Если он откроет этот пакет, когда ему исполнится тридцать, то прочитает письмо и, надеюсь, простит своего отца, который боялся потерять его. Если письмо будет открыто в случае его смерти, прошу сразу сообщить семье его матери в Бостон, а прилагаемый пакет с документами передать в их руки. Джон Кент».

Джимми был бледен и весь дрожал, когда поднял глаза, чтобы встретиться взглядом с Джоном Пендлтоном.

— Так я... пропавший Джеми? — едва пробормотал он.

— В письме сказано, что есть документы, доказывающие это, — подтвердил приёмный отец.

— Племянник миссис Кэрю?

— Конечно!

— Господи, как же я не догадался?! — на несколько мгновений воцарилась пауза, и лицо Джимми вспыхнуло от радости. — Теперь я точно знаю, кто я! Теперь я могу сказать миссис Чилтон кое-что о моих родственниках!

— Да уж, можешь, — с иронией ответил Джон Пендлтон. — Род бостонских Уэзербаев идёт от Крестовых походов. Думаю, это должно её удовлетворить. Что же касается твоего отца, он тоже знатного рода, миссис Кэрю рассказывала мне о нём. Хотя он был очень эксцентричным и не угодил семье...

— Бедный отец! Что за жизнь у него была вместе со мной! Он постоянно боялся преследований. Теперь я могу понять многие вещи, которые часто ставили меня в тупик. Как-то одна женщина назвала меня Джеми. Ужас, как он разозлился! Теперь мне понятно, почему он увёл меня в тот вечер, даже не дождавшись ужина. Бедный отец! Как раз после этого он сильно заболел. Он не мог пошевелить рукой, а вскоре не мог и говорить. Болезнь поразила его речь. Я вспоминал потом, что он старался мне что-то сказать об этом пакете. Наверное, он велел мне открыть его и идти к родственникам моей матери. Но тогда мне казалось, что он старается сказать мне, чтобы я сохранил его. Я обещал ему, но его это не успокоило. Кажется, он ещё больше забеспокоился. Бедный отец!

— Стоит посмотреть эти бумаги, — посоветовал Джон Пендлтон. — Кроме того, здесь есть ещё письмо от твоего отца. Разве ты не хотел бы его прочесть?

— Да, конечно. Только... — молодой человек стыдливо рассмеялся и взглянул на часы. — Я просто подумал, как скоро я могу вернуться обратно... к Поллианне.

Джон Пендлтон задумчиво наморщил лоб, взглянул на Джимми, как бы не решаясь что-то сказать, а потом всё-таки заговорил:

— Я знаю, что ты хочешь видеть Поллианну, и не осуждаю тебя. Но мне кажется, что ты должен сначала ехать прямо к миссис Кэрю и захватить вот это, — и он похлопал по бумагам, лежащим перед ним.

Джимми сдвинул брови и задумался.

— Хорошо, я поеду, — решительно согласился он.

— Если ты не возражаешь, я бы поехал с тобой, — предложил Джон Пендлтон с излишней небрежностью. — У меня... у меня есть свои соображения, по которым я хотел бы увидеть...

твою тётю. Ты думаешь, мы сможем поехать сегодня в три часа?

— Прекрасно! Поедем! Нет, что за чудеса! Я — Джеми! — восклицал молодой человек, вскочив на ноги, и беспокойно бегая по комнате. — Интересно... — он остановился и по-мальчишески покраснел. — Вы думаете, тётя Руфь будет недовольна?..

Джон Пендлтон покачал головой. Прежняя угрюмость появилась в его глазах.

— Едва ли, мой мальчик. Я думал про себя. Если ты её племянник, куда мне-то деваться?

— Вам? Вы думаете, кто-нибудь может отстранить вас? — пылко возразил Джимми. — Вам беспокоиться не надо. И она не будет против. У неё есть Джеми, вы знаете, и... — он остановился и с изумлением посмотрел. — Ну и дела! Дядя Джон! Я забыл про Джеми. Для него это будет так тяжело!

— Да, я уже подумал об этом. Он законно усыновлён, правда?

— О да, но это не то. Если он узнает, что он не настоящий Джеми, да ещё с этими несчастными ногами... Дядя Джон, это просто убьёт его! Я слышал, он говорил. Да и Поллианна с миссис Кэрю говорили мне, как он уверен и счастлив. Я не могу отнять это у него... Что же нам делать?

— Не знаю, сын.

Опять воцарилась долгая тишина. Джимми снова начал нервно ходить по комнате. Неожиданно его лицо просветлело.

— Есть выход, я так и сделаю! Миссис Кэрю согласится. Мы просто не скажем! Мы никому не скажем, кроме миссис Кэрю и... Поллианны с тётей. Им я должен сказать, — убеждённо добавил он.

— Конечно, мой мальчик. А что до остальных... — Джон Пендлтон сделал паузу.

— Да, да! Это никого не касается.

— Но запомни, ты всё-таки кое-чем жертвуешь. Я хочу, чтобы ты хорошо всё взвесил.

— Взвесил? Я всё взвесил. Это — ничто, когда Джеми на другой стороне весов. Я просто не смогу его так огорчить.

— Я не осуждаю тебя, ты прав! — сердечно сказал Джон Пендлтон. — Мало того, я верю, что миссис Кэрю с тобой согласится, особенно теперь, когда она будет знать, что настоящий Джеми нашёлся.

— Она всё время повторяет, что где-то меня видела, — усмехнулся Джимми. — Во сколько отправляется этот поезд? Я готов.

— А я — нет, — засмеялся Джон Пендлтон. — К моему счастью, он не уйдёт, по крайней мере, ещё несколько часов, — закончил он, поднимаясь и уходя из комнаты.

НОВЫЙ АЛАДДИН

В чём бы ни выражались приготовления Джона Пендлтона к отъезду, одно можно сказать — они были торопливыми и открытыми, если не считать двух вещей. Исключение составляли два письма, одно из которых было адресовано Поллианне, другое — миссис Чилтон. Оба эти письма с осторожными и точными инструкциями он вручил Сьюзен, служанке, которая должна была отнести их после того, как они уедут. Но об этом Джимми не знал. Путешественники приближались к Бостону, когда Джон Пендлтон сказал Джимми:

— Мой мальчик, я хочу просить тебя об одном одолжении, вернее — о двух. Мы ничего не будем говорить миссис Кэрю до завтрашнего вечера. И второе — ты позволишь мне пойти первым и быть твоим... посланником. Ты сам не появишься на сцене... до четырёх часов. Согласен?

— Ну конечно! — ответил Джимми. — Не только согласен, а просто в восторге. Я всё думал, как же я смогу разбить лёд, и рад, что кто-то за меня это делает.

— Прекрасно! Тогда я постараюсь поговорить с твоей тётёй по телефону завтра утром и назначить встречу.

Верный своим обещаниям, Джимми не появлялся в доме Кэрю до четырёх часов. Даже и тогда он неожиданно почувствовал такое смущение, что дважды прошёл мимо, пока набрался храбрости подняться по лестнице и позвонить. Однако в присутствии хозяйки он быстро пришёл в себя. Она легко и быстро помогла ему освоиться и очень тактично поставила всё на свои места. Конечно, было немного слёз, несколько бессвязных восклицаний; даже Джон Пендлтон торопливо протянул руку за платком. Но скоро восстановилось внешнее спокойствие, и только нежный свет в глазах миссис Кэрю и невыразимое счастье, отражавшееся на лицах Джимми и Джона Пендлтона, напоминали о чрезвычайном происшествии.

— Я думаю, по отношению к Джеми это так мило с твоей стороны, — немного помолчав, воскликнула миссис Кэрю. — В самом деле, я должна называть тебя Джимми, да и мне так больше нравится. Конечно, ты прав. С моей стороны я тоже кое-чем жертвую, — продолжала она со слезами. — Ведь я с такой гордостью представила бы тебя миру как своего племянника...

— Конечно, тётя Руфь, я... — Джимми замолчал от короткого предупреждающего восклицания Джона Пендлтона. Он повернулся и в дверях увидел Джеми с Сэди. Лицо у Джеми было бледным.

— Тётя Руфь? — воскликнул он, переводя отчаянный взгляд с одного на другого. — Тётя Руфь! Ты имеешь в виду...

Кровь моментально отхлынула от лица миссис Кэрю, Джимми тоже побледнел, однако Джон Пендлтон небрежно проговорил:

— Да, Джеми, а что такого? Я собирался сказать вам, так что скажу лучше сейчас. — Джимми раскрыл рот и торопливо подался вперёд, но Джон Пендлтон взглядом успокоил его. — Несколько минут назад миссис Кэрю сделала меня счастливейшим человеком, ответив «да» на один мой вопрос. Джимми зовёт меня «дядя Джон». Почему бы не называть её тётёй?

— Ох! О-ох! — воскликнул Джеми с нескрываемой радостью, пока Джимми под властным взглядом Джона Пендлтона едва удержался, чтобы не испортить всё своими восторгами. Вполне естественно также, что покрасневшая миссис Кэрю стала центром всеобщего внимания, и опасное мгновение миновало. Только Джимми слышал, как Джон Пендлтон немного позже шепнул ему на ухо:

— Видишь, я не собираюсь тебя терять. Теперь ты принадлежишь нам обоим.

Восклицания и поздравления ещё были в самом разгаре, когда Джеми с новым огоньком в глазах, без всякого предупреждения повернулся к Сэди.

— Сэди, скажем и мы! — провозгласил он, и, не обращая внимания на покрасневшее лицо невесты, сделал новое объявление. Даже он не смог подобрать нужных слов. Опять посыпались поздравления и восклицания, и все смеялись, пожимая друг другу руки.

Скоро Джимми стал смотреть на них с тоской и даже с горечью.

— Вам хорошо, — пожаловался он. — Вы все обрели друг друга, а вот куда мне деваться? Если бы одна молодая леди была здесь, то я тоже мог бы кое-что объявить вам.

— Минуточку, Джимми, — прервал его Джон Пендлтон. — Давайте представим, что я Аладдин, и дайте мне потереть лампу. Руфь, дорогая, позвольте мне позвонить Мэри?

— Пожалуйста... — пробормотала она в недоумении, которое отразилось в глазах остальных присутствующих.

Через некоторое время в дверях появилась Мэри.

— Приехала Поллианна? — спросил Джон Пендлтон.

— Да, сэр. Она здесь.

— Не попросишь ли ты её прийти сюда?

— Поллианна здесь? — слышался удивлённый хор голосов, когда Мэри скрылась. Джимми мгновенно побледнел, затем покраснел.

— Да, я послал ей вчера записку с моей служанкой. Я позволил себе пригласить ее сюда, чтобы навестить вас, миссис Кэрю. Я подумал, что ей нужно немножко отдохнуть и по праздновать, а служанка останется с миссис Чилтон и позаботится о ней. Написал я записку и самой миссис Чилтон, — добавил мистер Пендлтон, неожиданно повернувшись к Джимми. — Я подумал, что после того, как она её прочтёт, она позволит Поллианне приехать. Видимо, она позволила, потому что... А вот и Поллианна!

Поллианна стояла в дверях покрасневшая, с горящими глазами, в которых отражались удивление и робость.

— Дорогая моя! — Джимми вскочил, чтобы встретить её, без смущения подхватил на руки и поцеловал.

— Ох, Джимми, перед всеми! — выдохнула Поллианна.

— Я бы поцеловал тебя, Поллианна, если бы ты была на середине... Вашингтон-стрит, — заверил Джимми. — Посмотри на них и убедись, нужно ли тебе беспокоиться.

Поллианна оглянулась и увидела...

Возле одного окна, повернувшись к ним спиной, стояли Джеми и Сэди. Возле другого окна, старательно отвернувшись, стояли миссис Кэрю и Джон Пендлтон.

Поллианна так очаровательно улыбнулась, что Джимми опять поцеловал её.

— Ох, Джимми, разве это всё не прекрасно и не замечательно? — тихо прошептала она. — Тётя Полли согласна. Я думаю, она всё равно бы согласилась. Она очень горевала за меня, а теперь так рада. И я тоже. Я рада, рада, рада совершенно всему!

От безмерной радости у Джимми до боли сжалось сердце.

— Вот и хорошо, моя росиночка. Теперь мы всегда будем рады... мы с тобой.

Последние слова он едва мог выговорить, к горлу подступил этот непрошенный комок.

— Конечно, — вздохнула Поллианна, и глаза её тихо засветились. — Господь не ошибается и не опаздывает, а всё, что Он делает, Он делает хорошо.